

2019

Том 10. № 2

2019. Vol. 10. No. 2

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Социология молодёжи:
установки в современной
реальности**

**/ Масштабы средних классов
в структуре занятого населения**

**/ Коррупционер
в представлениях
российской молодёжи**

**/ «Мягкая сила»
как инструмент
политической стратегии КНР**

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2019

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2019. Том 10. № 2

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2

Учредитель: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Издатель: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

Главный редактор: **М. К. Горшков**

Заместители главного редактора: **П. М. Козырева, И. А. Халий**

Ответственный секретарь: **К. В. Подъячев**

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Common Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2019

© Vestnik instituta sotziologii, 2019

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Irina A. KHALIY, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAIENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

Об этом выпуске	8
Тема номера: «Социология молодёжи: установки в современной реальности»	12
<i>Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А.</i> Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений	12
<i>Гаврилюк Т. В.</i> Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России	28
<i>Коренькова М. М.</i> Потребность в профессиональном и личном наставничестве в современном социуме.....	45
Средний класс: авторские методы исследования	58
<i>Бобков В. Н., Одинцова Е. В.</i> Средние классы в социальной структуре занятого населения в России	58
Политология: стратегия политических процессов	75
<i>Кучинов А. М.</i> Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации.....	75
<i>Андреев И. А.</i> «Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии	90
Социология образования: социальные аспекты школьного обучения.....	107
<i>Мунхбат О., Бурэнжар Т., Мунхтур Д.</i> Социология образования: многоосменное школьное обучение в Улан-Баторе.....	107
О новых научных публикациях.....	125
<i>Гешева Е. Г.</i> Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра	125
Научные мероприятия	138
<i>Бийжанова Э. К.</i> Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? Заметки участника семинара	138

Contents

About This Issue	8
Topic of the Issue:	
“Sociology of Youth: Attitudes in Modern Reality”	12
<i>Antonina N. Pinchuk, Dmitry A. Tikhomirov.</i>	
The Image of a Corrupt Official as Perceived by Russia’s Youth: Using the Unfinished Sentences Method.....	12
<i>Tatiana V. Gavriilyuk.</i> The Construct of Masculinity in the Culture of Modern Russia’s New Working Class.....	28
<i>Marianna M. Korenkova.</i> The Need for Professional and Personal Mentorship in Modern Society.....	45
Middle Class: Author’s Methods of Research.....	58
<i>Viacheslav N. Bobkov, Elena V. Odintsova.</i> Middle Classes in the Social Structure of Russia’s Working Population	58
Political Science: Strategy of Political Processes.....	75
<i>Artemiy M. Kuchinov.</i> Policy and Quasi-Policy in Russia: Vectors for a Possible Transformation	75
<i>Ivan A. Andreev.</i> China’s “Soft Power” and its Projection onto the Territory of Post-Soviet Eurasia	90
Sociology of Education: Social Aspects of School Study.....	107
<i>Munkhbat Orolmaa, Bouraenjargaal Taegshae,</i> <i>Moonkhtoor Dashzaewaeg.</i>	
Sociology of Education: Multi-shift Schooling in Ulaanbaatar.....	107
On New Publications	125
<i>Elena G. Gesheva.</i> Russia’s Electoral landscape: Yesterday, Today, Tomorrow	125
Scientific Forums.....	138
<i>Eliza K. Biyzhanova.</i> Center and Periphery: Dialogue or Unused Opportunities? Notes of the Participant of a Seminar.....	138

Об этом выпуске

В эпоху информационного общества и особенно развивающихся и расширяющихся информационных войн на первый план в повестке дня стран всего мира выходят ориентиры, которых придерживаются их граждане и в первую очередь молодёжь. Именно поэтому темой номера в этом выпуске стала «Социология молодёжи: установки в современной реальности». Нет необходимости отмечать, что раскрыть такую тему полностью не удастся, поэтому мы очень надеемся на продолжение исследований в этом направлении.

В данном случае в рубрике размещены три статьи.

Московские учёные [А. Н. Пинчук и Д. А. Тихомиров](#) в статье [«Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений»](#) показали, что для разработки антикоррупционных мер воспитательно-образовательной направленности необходимо изучить актуализированные в сознании молодых людей личностно-профессиональные и поведенческие характеристики образа коррупционера. Был сделан вывод, что в описании индивидуальных особенностей коррупционера особую значимость приобретают отрицательные личностные черты, профессиональная сфера деятельности и способы взаимодействия с другими людьми. При этом выявляются определённые зоны, где его образ размывается, воспринимается как «любой» человек, не обладающий отличительными признаками.

Статья [Т. В. Гаврилюк](#) (Тюмень) [«Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России»](#) посвящена анализу практик производства множественных форм маскулинности в повседневном взаимодействии и устойчивых структур социального неравенства, закрепляющих гендерный порядок на институциональном уровне. На основании эмпирического исследования молодёжи нового рабочего класса УрФО были выявлены наиболее общие структуры гендерного порядка в семейной сфере и на рабочем месте: нормативные социальные роли мужчины, стереотипы повседневного исполнения мужских гендерных ролей, гендерные ограничения и привилегии. Было установлено, что сохраняющаяся структурная диспропорция между секторами экономики в уровне оплаты труда и гендерном составе работников детерминирует трансляцию нормативной установки на воспроизводство паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами.

В связи с масштабными трансформациями современного общества произошли значительные изменения в образе жизни россиян. Данные изменения затронули как материальную, так и морально-ценностную

сферы жизни современного человека. В статье [М. М. Кореньковой](#) (Нижний Новгород) [«Потребность в профессиональном и личном наставничестве в современном социуме»](#) рассматривается наметившаяся тенденция следовать экспертному мнению при совершении выбора и принятии решений как в бытовых, так и в профессиональных контекстах жизни у россиян молодого и среднего возраста. Исследуются стили и способы личностного развития как новые социальные практики современного общества. Понимание развития как естественного и спонтанного процесса уступает место новому подходу к формированию личности как упорядоченному и систематическому развитию, являющемуся результатом целенаправленного следования экспертному мнению и посещения различных тренингов для личного и профессионального прогресса. Автором сделан вывод о существовании высокого спроса на консультационную деятельность тренеров по личностному росту, тематических блогеров, персональных тренеров в спортзале, ведущих каналов на видеохостинге YouTube, а также лидеров мнений в социальных сетях.

Бесконечные дискуссии в научном сообществе о том, каковы критерии принадлежности к среднему классу, заставляют и нас время от времени возвращаться к этой теме. В данном выпуске такая рубрика получила название [«Средний класс: авторские методы исследования»](#). В статье [В. Н. Бобкова](#) и [Е. В. Одинцовой](#) (Москва) [«Средние классы в социальной структуре занятого населения в России»](#) представлены основные результаты исследования состава и масштабов российских средних классов, формируемых из числа занятого населения. Основу исследования составила оригинальная авторская методология, развивающая многокритериальный подход к идентификации социальной структуры общества по уровню и качеству жизни и выявлению в её составе средних классов. Исследование показало, что масштабы средних классов в структуре занятого населения не достигают 25%. При этом только порядка 2% занятых могут быть идентифицированы в качестве ядра средних классов, а ещё 21% концентрируются в расширенном ядре и периферии. Потенциально имея необходимое положение в сфере занятости и уровень образования, средние классы могла бы составить более массовая группа работников. Но, учитывая невысокий уровень материально-имущественной обеспеченности занятых и их домохозяйств, а также несоответствие субъективным идентификационным признакам, значительная доля работников остаётся за рамками средних классов.

В рубрике [«Политология: стратегия политических процессов»](#) размещены две статьи молодых учёных, темы которых абсолютно различны, но объединяет их анализ политических процессов в России и Китае.

[А. М. Кучинов](#) (Москва) в статье [«Политика и квази-политика в России: векторы возможной трансформации»](#) исследует специфику исторической формы политики, сложившейся в России. Автор предлагает свою типологию политики, отталкиваясь от идеального её типа как институционализированной, основанной на универ-

сальном доверии, а не на насилии, конкуренции ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан. От политики отличаются явления *недополитики* – отсутствием институционализированности, *дополитики* – отсутствием принципов неограниченности участия и ориентации на общее благо, *антиполитики* – применением нелегитимного насилия. Эти явления обозначаются собирательным термином «квазиполитика». *Недополитика* и *дополитика* присущи «естественному состоянию» людей и способны стать регуляторами общественной жизни и оборота ресурсов, в то время как *антиполитика* является извращением человеческого общежития в случае отсутствия знания о ненасильственных способах решения проблем. Анализируемый эмпирический материал показывает, что в России имеет место теряющее работоспособность явление *дополитики*, и позволяет рассмотреть возможные тенденции её дальнейшей трансформации.

В статье [«“Мягкая сила” Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии»](#) её автор [И. А. Андреев](#) (Москва) анализирует использование «мягкой силы» как инструмента политической стратегии КНР. Отмечается созвучность данной концепции с многовековой политической традицией Китая и вместе с тем с актуальной для Пекина задачей снять традиционные опасения соседей по поводу возможной угрозы с его стороны, обусловленной как самой величиной страны с огромным, почти полуторамиллиардным населением, так и сравнительно недавними примерами её агрессивности во времена маоизма. Дается характеристика основных инструментов осуществления китайской стратегии «мягких» влияний. Особое внимание уделено использованию «мягкой силы» в отношениях Китая с постсоветскими государствами – в первую очередь Россией и республиками Центральной Азии.

В продолжение традиции уделять внимание на страницах журнала социологическим исследованиям проблем образования в данном выпуске тему продолжает рубрика [«Социология образования: социальные аспекты школьного обучения»](#), содержащая статью монгольских учёных [Мунхбат О.](#), [Бурэнжар Т.](#), и [Мунхтур Д.](#) (Улан-Батор) [«Социология образования: многосменное школьное обучение в Улан-Баторе»](#). В статье проанализировано многосменное школьное обучение и его влияние на качество образования в городе Улан-Батор, Монголия. Показаны особенности, преимущества и недостатки многосменного школьного обучения, успеваемость учащихся в средней школе, удовлетворённость родителей и учеников качеством, доступностью образования, а также изучены мнения о многосменном школьном обучении заинтересованных слоёв и групп.

В рубрике [«О новых научных публикациях»](#) представлены размышления [«Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра»](#) [Е. Г. Гешевой](#) (Москва) о новом значительном труде социологов. В коллективной монографии «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» эксперты

ВЦИОМ анализируют эволюцию политического поведения россиян и выявляют перспективы и риски следующих электоральных циклов. Базой для анализа электорального ландшафта послужили масштабные социологические исследования последних избирательных кампаний. В монографии выделяются базисные основания «посткрымского консенсуса» – сплочение вокруг фигуры сильного лидера, усиление патриотических настроений на фоне возвращения Крыма и западных санкций.

Данный выпуск Вестника в рубрике «[Научные мероприятия](#)» продолжает представлять информацию о том, что обсуждается учёными на их форумах. [Э. К. Бийжанова](#) (Москва) в материале «[Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? Заметки участника семинара](#)» показывает, что огромные территории России обуславливают стратификацию регионального развития и привлекают постоянное внимание учёных. Пространственному разнообразию с позиций социологии и был посвящён Всероссийский научно-практический семинар «Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?», прошедший 18–19 апреля 2019 г. при поддержке филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ на острове Русский в Дальневосточном федеральном университете.

ТЕМА НОМЕРА

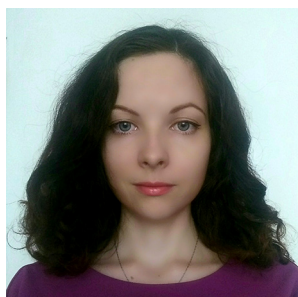
СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.573

Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений

Ссылка для цитирования: Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А. Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 12–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

For citation: Pinchuk, A. N.; Tikhomirov, D. A. The image of a corrupt official as perceived by Russia's youth: using the unfinished sentences method. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 12–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

**Пинчук
Антонина Николаевна**

Институт социально-политических исследований
Российской академии наук, Москва, Россия

antonina.pinchuk27@bk.ru

**Тихомиров
Дмитрий Андреевич**

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

dat1983@yandex.ru

Образ коррупционера в восприятии российской молодёжи: применение метода неоконченных предложений

Аннотация. В статье рассматривается образ коррупционера в представлениях российской молодёжи. В качестве объекта исследования выступили студенты трёх московских вузов. Опрос был осуществлен в 2018 г. Выборочную совокупность составили 118 человек в возрасте от 17 до 21 года. В результате анализа показано, что для разработки антикоррупционных мер воспитательно-образовательной направленности необходимо изучить актуализированные в сознании молодых людей личностно-профессиональные и поведенческие характеристики образа коррупционера. С этой целью в 2018 г. было проведено социологическое исследование с применением метода неоконченных предложений, участниками которого стали студенты трёх российских вузов. Результаты исследования отражают многоуровневый, собирательный образ, в центре которого артикулируются поведенческие характеристики коррупционера. Был сделан вывод, что в описании индивидуальных особенностей коррупционера особую значимость приобретают отрицательные личностные черты, профессиональная сфера деятельности и способы взаимодействия с другими людьми. В реконструкции образа акцентируются умственные и волевые качества коррупционера, указывающие на неоднозначное отношение к инициатору коррупционных действий. При этом выявляются определённые зоны, где его образ размывается, воспринимается как «любой» человек, не обладающий отличительными признаками. Комплексно проанализированные содержательные характеристики образа коррупционера предлагается учитывать в разработке мер по формированию у молодёжи нетерпимого отношения к основным субъектам коррупционных действий.

Ключевые слова: коррупция, восприятие коррупции, образ коррупционера, метод неоконченных предложений, молодёжь

В стратегических приоритетах национальной безопасности страны особое внимание уделяется искоренению коррупции как необходимому условию стабильного развития государства¹. В аспекте государственной и общественной безопасности важным становится переосмысление роли антикоррупционного образования и воспитания подрастающего поколения как носителя вектора будущего развития национального сознания. Эта тенденция уже находит своё отражение в реализуемых мерах антикоррупционной политики. Так, в мае 2014 г. Правительство Российской Федерации утвердило Программу по антикоррупционному просвещению на 2014–16 гг.² Созвучно своему названию, Программа была нацелена на антикоррупционное просвещение, популяризацию стандартов антикоррупционного поведения, распространение антикоррупционного образования и воспитания. Стоит отметить, что использование просвещения становится знаковым поворотом в борьбе с коррупцией, широко развернувшейся в последнее десятилетие, а упор на образование и воспитание открывает особую линию государственной антикоррупционной политики.

О повышении значимости антикоррупционных мер воспитательно-образовательного характера свидетельствуют приоритеты Национального плана противодействия коррупции на 2018–20 гг., где предусматривается включение в образовательные стандарты положений, направленных на «формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению»³. Показателем успешной работы с молодым поколением в сфере антикоррупционного образования и воспитания признаётся формирование на субъективном уровне устойчивой основы нетерпимого отношения к коррупции. Это в особом контексте актуализирует необходимость изучения социально-психологической составляющей коррупции, артикулирующей данный феномен в рамках субъективного восприятия. Стержневой идеей многих научных публикаций не без основания всё чаще становится раскрытие социокультурных и психологических сторон коррупции в ходе анализа достаточно противоречивого и неоднозначного отношения к данному явлению в разных обществах [Bicchieri, Ganegoda D 2017; Dupuy, Neset 2018; Каропова и др. 2018]. Зарубежные и российские авторы обращают внимание на то, что коррупция в различных странах определяется по-разному [Dimant 2013; Папакостас 2016] и нередко её общественная оценка не совпадает с правоприменительным контекстом интерпретации [Барсукова 2008]. Стоит отметить, что, осмысливая данную проблему, учёные применяют особые теоретические построения. В частности, в рам-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/71296054/> [Дата посещения: 15.10.2018].

² Распоряжение Правительства РФ от 14.05.2014 N 816-р «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы» // URL: <http://www.bdou14.rprim.gov.spb.ru/ras816.pdf> [Дата посещения: 15.10.2018].

³ Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> [Дата посещения: 15.10.2018].

ках постпозитивистского подхода коррупция рассматривается как концепт, который социально сконструирован в повседневном дискурсе, поэтому в фокусе исследовательского анализа находятся основания и последствия использования распространённого в том или ином обществе концепта коррупции [De Graaf et al. 2010].

В релятивистской концепции (relativist concept) также утверждается, что определение коррупции во многом опосредовано особенностями восприятия и понимания данного феномена социальными акторами в различных обществах. Исследовательская задача в этом случае заключается в реконструировании стратегий, которые используются обычными людьми для определения, легитимации, оправдания или осуждения коррупции в повседневной жизни [Tänzler 2007: 10].

В российском социуме исследование субъективного восприятия феномена коррупции и придаваемых ему значений в повседневных коммуникациях становится чрезвычайно актуальным при обсуждении вопроса о формировании нетерпимого отношения к коррупции со стороны молодого поколения. Проблема в том, что реализация антикоррупционных мер в системе образования, как правило, становится педагогическо-организационной задачей, и сотрудники образовательных учреждений разрабатывают методические рекомендации, зачастую не имея информации об особенностях повседневных представлений о коррупции, уже сформированных у молодых россиян. Однако, как указывают отечественные психологи, в массовом сознании российского населения преобладает особое отношение к коррупции, которое отличают толерантность, система двойных стандартов и, что примечательно, осуждение не самих актов коррупции, а запредельных размеров взяток, «непропорциональных» должности [Журавлев, Юревич 2012: 59]. Вместе с тем учёные подчёркивают, что психологическую среду для коррупции во многом определяют социокультурные особенности российского общества, такие как патернализм, приоритет неформальных отношений, клановость, семейственность, «теневые» практики решения проблем и т. д. [Журавлев, Юревич 2012: 60]. В этих условиях может быть затруднено осуществление антикоррупционных молодёжных программ образовательно-воспитательной направленности. Здесь важно исследовать коррупцию за границами формально-правового пространства и выявить её атрибутивные характеристики в сознании молодых людей. В этой связи представляют интерес реальные представления, ассоциации, суждения, ценности, выступающие ориентирами для молодого поколения в новой социальной реальности. Более того, если исходить из идеи о необходимости формирования нетерпимого отношения к коррупционному поведению, то следует обратить особое внимание на образ коррупционера как действующего субъекта. На сегодняшний день остаётся недостаточно прояснённым вопрос, какие свойства образа коррупционера станут ключевыми для молодых людей, когда о коррупции начнут задумываться не как об абстрактном явлении, а как о реально воплощаемых действиях? Также неизвестно, обладают ли коррупционеры привле-

кательными характеристиками для современных юношей и девушек? Какие ассоциации и мысли возникают у молодёжи при оценке поведения коррупционера? Что покажет реконструкция образа коррупционера при его погружении в профессиональную сферу? Важно то, что ответы на данные вопросы не только отразят многогранный образ коррупционера как исполнителя коррупционных действий, но и выявят отношение к инициатору данных действий, что может послужить информационной базой для разработки адекватных антикоррупционных мер в сфере воспитания и образования. Тем самым необходимо сконцентрироваться на образе коррупционера и отразить его различные стороны в осмыслении молодых людей в рамках одновременного фокусирования, что и стало целью данной статьи.

Эмпирическая база и методология исследования

Прежде чем приступить к рассмотрению образа коррупционера, отметим, что анализ содержания индивидуального или массового сознания требует применения специальных проективных методик, которые изначально разрабатывались в психологии и впоследствии заняли определённую нишу в арсенале социологического инструментария. Поэтому для изучения дискуссионных тем, вызывающих социальную напряжённость и неодобрение, в социологии часто используют вербальные проективные методики [Тезаурус... 2013: 155].

Следует уточнить, что коррупция представляет одну из таких тем, которые нередко воспринимаются в контексте настороженности и недоверия, так как затрагивается явление криминального характера. В этом случае нецелесообразно задавать прямые вопросы респондентам, что может вызвать подозрительность и нежелание участвовать в эмпирическом исследовании. Одним из наиболее оптимальных способов получения первичной социологической информации становится метод неоконченных предложений, который, представляя проективную методику, позволяет осуществить реконструкцию феномена коррупции в контексте субъективных смыслов.

Применительно к изучению восприятия коррупционера, метод неоконченных предложений позволяет выявить личностные, профессиональные и поведенческие характеристики, проецирующие комплексный образ в сознании молодёжи. Исходя из этого, в инструментарий было включено 10 предложений, направленных на раскрытие образа коррупционера с разных сторон:

1. Коррупционер – это ...
2. Коррупционерами становятся, так как ...
3. Коррупционер всегда ...
4. Коррупционер никогда ...

5. Чаще всего коррупционеры работают в таких организациях, как ...
6. Коррупционер в своей профессиональной сфере характеризуется ...
7. Коррупционер обладает такими чертами характера, как ...
8. Коррупционер в общении с другими людьми ...
9. Коррупционер берет взятки, потому что ...
10. Внешность коррупционера отличает ...

Во избежание двойных стандартов предложения были ориентированы на описание абстрактных людей, чтобы не отсылать к размышлениям о близком круге общения участников опроса. В то же время предполагалось, что завершённые респондентами предложения косвенным образом затронут основания терпимого отношения к субъектам коррупционных действий как основным носителям коррупционного потенциала [Osipov, Kagerova et al. 2018].

В качестве объекта исследования выступили студенты трёх московских вузов. Опрос был осуществлён в 2018 г. Выборочную совокупность составили 118 человек в возрасте от 17 до 21 года. Необходимо было учитывать достаточно молодой возраст респондентов и отсутствие у них богатого жизненного опыта. Следовало ожидать, что полученные ответы во многом будут основаны на стереотипах, взглядах, ценностях, распространённых в современном российском обществе, либо отражать жизненный опыт родственников или входящих в близкий круг общения индивидов. Поэтому предполагалось, что полученная в результате исследования информация покажет не только сложившиеся у молодёжи представления, но отчасти продемонстрирует особенности коррупционной среды, в которой происходят первичная и вторичная социализация подрастающего поколения.

В ходе аналитической работы с элементарными обоснованиями выделялись элементы и на более высоком уровне абстракции – компоненты. Процесс выявления и расчёта частоты встречаемости элементов и компонентов детально описан в работах отечественных социологов [Татарова, Бурлов 1999; Пузанова 2009], которые можно иметь в виду для углублённого понимания используемой методики.

Структура образа коррупционера и содержательные характеристики

В результате анализа данных было получено 14 компонентов, позволяющих структурно отразить составляющие образа коррупционера в субъективном восприятии молодых людей (см. рис. 1). Единичные ответы включают реакции респондентов, представляющие уникальные по смыслу, не относящиеся ни к одному из выявленных компонентов, окончания предложений.

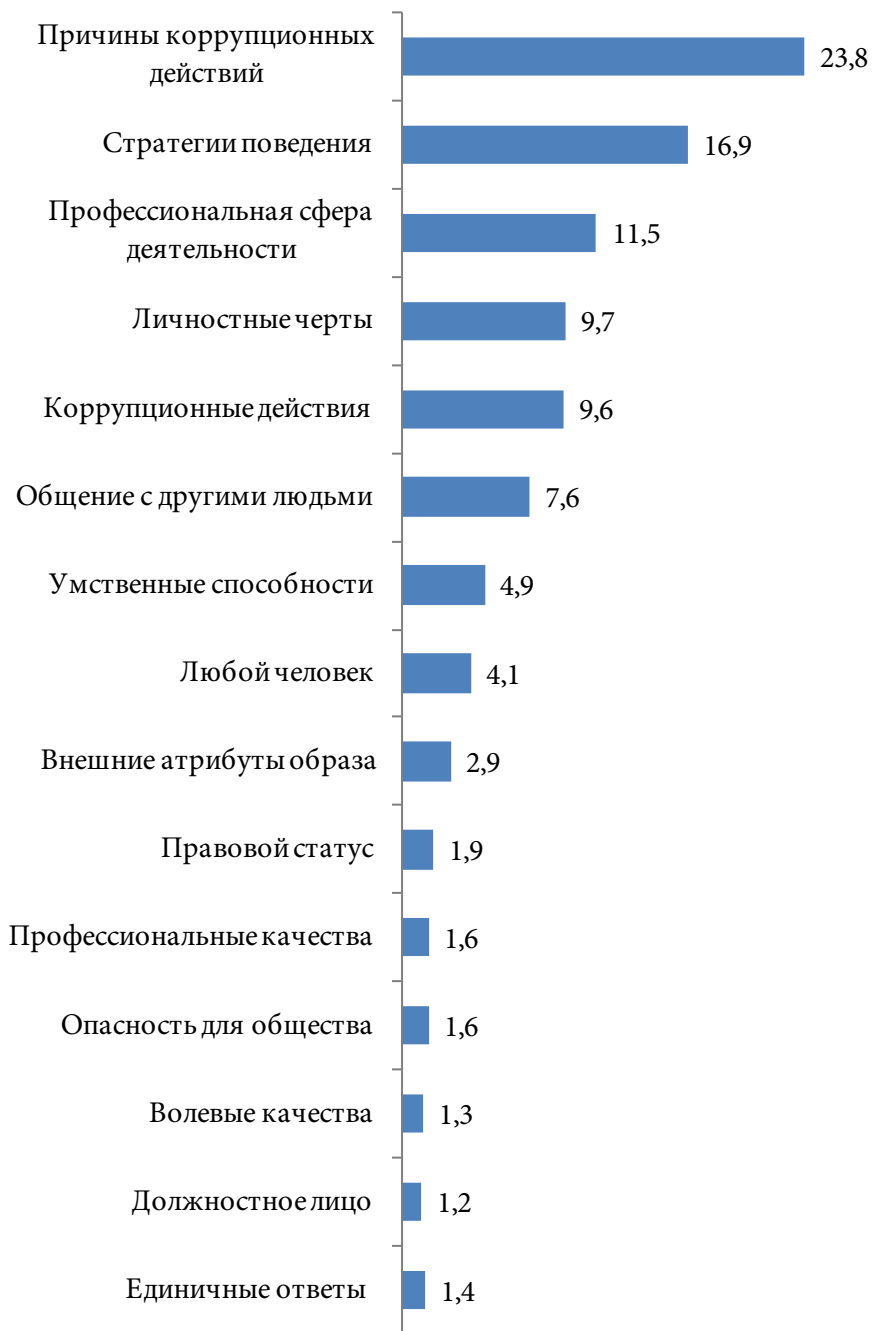

Рис. 1. Компоненты субъективного восприятия образа коррупционера, %
Components of subjective perception of an image of the corrupt official, %

Как видим, образ получился собирательным и достаточно многоаспектным, репрезентирующим ряд актуализированных в сознании современной молодёжи характеристик: поведенческих, личностных, профессиональных, коммуникативных, интеллектуальных и др. Компоненты условно располагаются на различных уровнях, тем самым показывая степень актуализации тех или иных характеристик.

В центре выявленного образа сконцентрированы компоненты, раскрывающие причины коррупционных действий и стратегии коррупционного поведения, что может свидетельствовать о значимости для участников опроса поведенческих особенностей в описании образа коррупционера (см. таблицу 1).

Таблица 1

Элементы, составляющие компоненты «Причины коррупционных действий», «Стратегии коррупционного поведения», % от общего числа элементов
The elements which constitute the components "Reasons of Corruption Actions", "Strategy of Corruption Behaviour", % of the total number of elements

Компоненты	Элементы	%
Причины коррупционных действий	Личностные мотивы	16,8
	Социально-психологические особенности	2,6
	Социальные условия	3,3
	Безвыходная ситуация	1,1
Стратегии коррупционного поведения	Соблюдение скрытности	7,1
	Устойчивые практики	5,7
	Способы и средства реализации	1,3
	Неформальные правила поведения	1,0
	Аморальное поведение	0,8
	Отработанные навыки	0,6
	Избежание наказания	0,4

Наибольший вес приобретает компонент «Причины коррупционных действий» (23,8%), объясняющий словами студентов основные причины совершения коррупционером нелегальных действий. Стоит отметить, что, несмотря на многообразие полученных ответов, их можно отнести либо к субъективным, либо к объективным факторам. Так, чаще всего юноши и девушки ссылались на наличие определённых мотивов, которые могут стимулировать индивида к совершению коррупционных действий. Данные ответы были объединены в соответствующий элемент – «Личностные мотивы» (16,8%). Молодёжь отмечала причины коррупционных поступков: «это приносит личную выгоду», «люди стремятся заработать больше денег и хотят нажиться на своей профессии», «получить больше денег простейшими способами», «преследуют реализацию личных целей», «хотят жить лучше, чем другие», «могут достичь результата быстрее и легче».

Следующий элемент, артикулирующий субъективные факторы, относится к «Социально-психологическим особенностям» (2,6%). Некоторые студенты писали, что люди могут инициировать коррупционные действия, потому что «чувствуют власть над другими людьми», у них «появляется ощущение власти над другими», «отсутствует способность отказаться от искушения», они «не находят в себе силы отказаться от предлагаемых благ».

Объективные факторы отмечались реже, в целом их репрезентируют элементы «Социальные условия» (3,3%) и «Безвыходная ситуация» (1,1%). Например, часть студентов считает, что коррупционерами ста-

новятся, так как «среда способствует этому», «нет строго наказания», «есть возможность злоупотребить полномочиями», «отсутствует правовая мораль в обществе», «нет должного контроля за действиями людей», «слабое законодательство». По мнению некоторых опрошенных, люди берут взятки, так как «обстоятельства вынуждают», «в сложившихся обстоятельствах не могут поступить по-другому».

В центре образа коррупционера особое место также занимает компонент «Стратегии коррупционного поведения» (16,9%), позволяющий увидеть глазами нынешней молодёжи то, как ведёт себя коррупционер и какими при этом принципами поведения руководствуется. Прежде всего молодые люди указывали на латентный характер деятельности коррупционера, который всегда «скрывает истинные цели своей деятельности», «ищет способ скрыть свои действия от власти», «не раскрывает истинные размеры своих взяток» («Соблюдение скрытности» – 7,1%). В то же время среди студентов преобладает убеждение, что коррупционер никогда «не откажется от денег», «не упустит возможность заработать лишние деньги», «не откажется от взяток», что может свидетельствовать о достаточно устойчивом характере теневых практик коррупционера («Устойчивые практики» – 5,7%). Вместе с тем участники опроса обращали особое внимание на способы и средства реализации стратегии коррупционного поведения, замечая, что коррупционер «обладает определёнными полномочиями и средствами их реализации», «использует деньги, власть, влияние» («Способы и средства реализации» – 1,3%).

Часть опрошенных полагает, что коррупционер придерживается определённых неформальных правил поведения, он «согласен на риск и ответственность», «не сядет, если делится награбленным», «не берёт взятки у человека, занимающего вышестоящую должность» («Неформальные правила поведения» – 1%). В отдельных случаях респонденты акцентировали моральный контекст, отвечая, что коррупционер «может поступить нечестно ради выгоды», «заключает сделку со своей совестью» («Аморальное поведение» – 0,8%). Студенты также отмечали, что коррупционер очень осторожен в своих действиях, у него сформированы отработанные навыки, он «внимателен к деталям», никогда «не будет брать взятку, не проверив человека», «умеет «профессионально» брать взятки» («Отработанные навыки» – 0,6%). При этом коррупционер всегда стремится избежать наказания, поэтому он «отрицает свою вину, перекладывает вину на других», «может сдать кого-то», «находит крайних, выкручивается, ищет лазейки» («Избежание наказания» – 0,4%).

Следующий уровень в структуре выявленного образа занимают компоненты, артикулирующие личностно-профессиональные характеристики коррупционера, конкретные виды коррупционных действий и способы взаимодействия с другими людьми (см. таблицу 2).

Таблица 2

Элементы, составляющие компоненты «Профессиональная сфера деятельности», «Личностные черты», «Коррупционные действия», «Общение с другими людьми»,
% от общего числа элементов

*The elements which constitute the components “Professional sphere of action”,
“Personal trait”, “Corruption actions”, “Communication with other people”,
% of the total number of elements*

Компоненты	Элементы	%
Профессиональная сфера деятельности	Государственные органы власти	3,0
	Различные государственные организации	2,4
	Правоохранительные органы	2,1
	Любая сфера	1,0
	Коммерческая сфера	0,9
	Судебные органы	0,8
	Система образования	0,7
	Муниципальные органы управления	0,3
	Система здравоохранения	0,3
Личностные черты	Жадный	2,3
	Эгоистичный	2,2
	Двуличный	1,1
	Безнравственный	0,9
	Лживый	0,8
	Корыстный	0,6
	Безответственный	0,3
	Лицемерный	0,3
	Злой, агрессивный	0,2
	Недобросовестный	0,1
	Другие	0,9
Коррупционные действия	Получение взяток	3,8
	Злоупотребление должностными полномочиями	2,6
	Противозаконная деятельность	2,0
	Воровство	0,6
	Дача взятки	0,6
Общение с другими людьми	Услужливость, доброжелательность	3,4
	Психологическое давление, манипулирование	2,0
	Ведёт себя надменно	1,1
	Ораторское искусство	0,6
	Оценивает собеседника	0,5

Наиболее значимым на данном уровне является компонент «Профессиональная сфера деятельности» (11,5%), показывающий те области специализации, с которыми у современных студентов чаще всего ассоциируется образ коррупционера. Следует отметить, что элементы, входящие в данный компонент, отчасти отражают оценку уровня коррупции в различных сферах жизни общества. Так, наибольший вес набрали элементы «Органы государственной власти» (3%), «Различные государственные организации» (2,4%), «Правоохранительные органы» (2,1%). Следующий элемент – «Любая сфера» (1%), что указывает на отсутствие у определённой доли опрошенных представлений о профессиональной группе, идентифицирующей образ коррупционера. Некоторые респонденты писали, что человек, который берёт взятки, работает «в различных местах», «в разных учреждениях», «в любых организациях», «в государственных структурах и в местах, где это в принципе возможно». Подобные ответы могут свидетельствовать о восприятии коррупции как широко распространённого феномена, с одной стороны, и о размывании профессиональной идентичности образа коррупционера, с другой.

Ещё один компонент, выступающий значимым основанием для описания образа коррупционера, раскрывает «Личностные черты» (9,7%). В социальных представлениях современных юношей и девушек прочно закрепились три ключевые характеристики, отличающие человека, который берет взятки, – это «жадность» (2,3%), «эгоистичность» (2,2%) и «двуличность» (1,1%). Между тем в оценке субъекта коррупционных действий особое место занимает нравственный аспект, о чём свидетельствует выявленный элемент «Безнравственность» (0,9%), включающий следующие элементарные обоснования: «отсутствие высоких моральных ценностей», «отсутствие морали», «далёкий от воспитанности и нравственности» и т. д. Дополняют полученный образ такие черты характера, как «лживость», «корысть», «безответственность», «лицемерие», «недобросовестность», «завистливость», «малодушие», «тщеславие», «безразличие». Стоит уточнить, что ни разу не встречались положительные личностные черты, что может указывать на неприязненное отношение к коррупционеру в случае оценки индивидуальных особенностей его личности.

Особое место в образе коррупционера занимает компонент «Коррупционные действия» (9,6%), раскрывающий диапазон правонарушений, с которыми связан образ субъекта коррупционных действий в сознании современной молодёжи. И здесь приоритетными элементами являются «Получение взяток» (3,8%) и «Злоупотребление должностными полномочиями» (2,6%). Студенты неоднократно повторяли, что коррупционер – это человек, который «берёт взятки», «использует свой пост в корыстных целях», «взимает взятки с других», «берёт ту или иную сумму денег с целью уладить какой-нибудь конфликт». Также в данном компоненте отдельный элемент составили те варианты ответа, в которых констатировалась противозаконная деятельность в целом (2%), что показывает актуализацию правоприменительного аспекта в образе коррупционера. Однако, несмотря на то, что реконструкция образа коррупцио-

нера репрезентирует правовое поле оценки совершаемых коррупционером действий, представленный диапазон правонарушений достаточно ограничен. Он показывает самые распространённые в обыденном понимании виды коррупции, которые чаще всего ассоциируются у молодых людей с деятельностью коррупционера. За рамками внимания остаются виды действий, которые возможны в частных взаимодействиях на бытовом уровне и могут быть отнесены к коррупции, например, получение подарков, услуги должностному лицу, nepotизм и т. д.

В рассмотренном образе достаточно ярко проявляет себя компонент, характеризующий особенности социального взаимодействия коррупционера, то есть «Общение с другими людьми» (7,6%). Элементы данного компонента демонстрируют многообразие коммуникативных способностей и свойственные коррупционеру способы выстраивания социальных отношений. Так, большинство респондентов ответили, что при взаимодействии с другими людьми коррупционер «услужливый, доброжелательный, вежливый», «мягок, может льстить», «располагает к себе», «тактичен, чтобы не наживать врагов», «будет стараться угодить собеседнику», может «подхалимничать», и даже «выступать в роли спасителя». Тем не менее студенты нередко акцентировали и жёсткие способы воздействия на собеседника, подчёркивая, что коррупционер «манипулирует», «оказывает психологическое давление», «не оставляет выбора, кроме как давать взятки», «в разговорах часто упоминает деньги и власть», «стремится надавить на человека и показать свою доминирующую позицию». Среди молодёжи также главенствует точка зрения, согласно которой коррупционер «ведёт себя надменно», «всегда считает себя умнее других», «может ставить себя выше окружающих». Некоторые юноши и девушки обратили внимание на то, что в разговорах с другими людьми коррупционер обычно «оценивает собеседника», «может рассматривать его статус, влияние, социальное и финансовое положение». В отдельных случаях студенты признавали «ораторское искусство, умение договориться», «общительность».

На более отдалённом от центра уровне располагаются компоненты «Умственные способности» (4,9%) и «Любой человек» (4,1%), замыкая тем самым ряд наиболее выраженных в сознании молодёжи компонентов, определяющих образ коррупционера (см. таблицу 3).

Таблица 3

Элементы, составляющие компоненты «Умственные способности», «Любой человек»,
% от общего числа элементов
*The elements which constitute the components "Mental capacities", "Any person",
% of the total number of elements*

Компоненты	Элементы	%
Умственные способности	Хитрость	3,0
	Образованность	1,0
	Мышление	0,9
Любой человек	Обычный человек, любой человек	4,1

Компонент «Умственные способности» (4,9%) атрибутирует характеристики вне контекста морально-нравственной оценки. Наиболее тяжёлый вес в данном компоненте получил элемент «Хитрость» (3%). Так, в восприятии молодых людей коррупционер «хитёр», «изворотлив», «прыткий», «расчётливый», «находчивый», он обладает «смекалкой», «ловкостью». Помимо этого, студенты отмечали «Образованность» (1%) и «Мышление» (0,9%), например, указывая на то, что коррупционер «имеет чёткое и логичное мышление», он обладает «умом», «продуманностью, без этих качеств сложно скрыть взяточничество».

Ещё один компонент, достаточно сильно акцентированный в образе коррупционера, требует отдельного обсуждения. Название выявленного компонента «Любой человек» (4,1%) красноречиво показывает, что некоторые молодые люди не выделяют особых критериев для описания коррупционеров. Для них это «обычный человек», «как и все остальные люди», «любой человек, с любыми чертами характера», «такой же, как и все», «никак не отличается». Данный компонент указывает как на нейтральное отношение к субъектам коррупционных действий, так и на то, что в восприятии определённой группы респондентов коррупционное поведение свойственно большинству обычных людей. В этой связи привлекает внимание то, что определённая часть студентов не смогла идентифицировать коррупционера в его профессиональной сфере, о чём говорилось ранее. Можно предположить, что в реконструируемом образе выявляются «пробелы» в осознании той опасности, которую представляет коррупционер для социума. По словам некоторых опрошенных, это человек, который «может работать везде» и «ничем не отличается от других».

Другим важным моментом стало то, что в субъективных представлениях студентов достаточно отчётливо проявляются такие атрибутивные свойства образа коррупционера, которые могут свидетельствовать о неоднозначном отношении. Так, на периферии выявленного образа особое внимание заслуживает компонент «Волевые качества» (1,3%). Как оказалось, для некоторых юношей и девушек отличительными свойствами коррупционера являются «целеустремлённость», «смелость», «решительность, настойчивость». Примечательно, что совместно с компонентом «Умственные качества», волевые свойства коррупционера способны вызывать уважение. Таким образом, в описании индивидуальных особенностей коррупционера преобладают отрицательные личностные черты, однако проявляются и другие характеристики, которые могут вызывать симпатию.

Заключение

Метод неоконченных предложений продемонстрировал эвристический потенциал при реконструкции образа коррупционера в контексте личностных смыслов молодых россиян. Выявленный образ оказался многоуровневым, в центре которого фиксируются причины коррупционных действий и тактика поведения. На втором уровне сконцентрировано больше всего компонентов, они показывают профессионально-личностные

качества, актуализацию правоприменительного контекста коррупционных действий и особенности общения коррупционера с другими людьми. Важно отметить, что в описании индивидуальных особенностей преобладают отрицательные личностные черты, демонстрирующие выраженную неприязнь со стороны молодёжи. Вместе с тем было выявлено, что определённая доля опрошенных рассматривает образ коррупционера в ином аспекте, подчёркивая умственные и волевые качества. Выделенные качества могут носить как негативный, так и позитивный оттенок, вызывая одобрение и восхищение, поэтому данную группу студентов необходимо изучать дополнительно. Однако тот факт, что в сознании некоторых молодых людей не возникало исключительно отрицательных характеристик, позволяет предположить существование представлений, размывающих основы формирования нетерпимого отношения к коррупционеру.

Ещё одной особенностью образа коррупционера стала определённая зона, показывающая нейтральное отношение, где коррупционер воспринимается как «любой человек», ничем не отличающийся, который может работать в различных организациях. Здесь выражаются наиболее слабые антикоррупционные позиции. Возникает опасность, что индивид может поставить себя на место человека, берущего взятки, ибо он такой же, как и все остальные, «обычный человек».

В заключение заметим, что коррупция представляет одно из самых неоднозначных и сложных явлений, опосредованное совокупностью экономических, политических, социально-культурных и психологических противоречий и имеющее такие же по своему характеру деструктивные последствия для общества и индивида. Рассматривая разнонаправленные меры борьбы с коррупцией, нельзя не отметить сложность его искоренения, тем более если учитывать, что это социально-сконструированный в сознании феномен. Существенных изменений будет добиться сложно, если не изучать особенности уже сформированных в повседневном дискурсе представлений о коррупции, что особенно актуально, когда коррупция воспринимается не только как абстрактное явление, а осмысливается как реально реализуемые действия, совершаемые определёнными субъектами. Поэтому в разработке мер по формированию у молодёжи нетерпимого отношения к коррупционному поведению должны найти отражение особенности восприятия молодыми людьми образа коррупционера как основного субъекта коррупционных действий.

Библиографический список

Барсукова С. Ю. 2008. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 36–47.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. 2012. Психологические факторы коррупции // *Психология в экономике и управлении*. № 1. С. 57–66.

Кареева С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. 2018. К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты // *Горизонты гуманитарного знания*. № 2. С. 52–64.

Папакостас А. 2016. Становление цивилизационной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ. 224 с.

Пузанова Ж. В. 2009. «Одиночество» как предмет эмпирического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). № 29. С. 132–154.

Татарова Г. Г., Бурлов А. В. 1999. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. № 8. С. 123–133.

Тезаурус социологии. 2013. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 415 с.

De Graaf G., Wagenaar P., Hoenderboom M. 2010. Constructing corruption. In G. de Graaf, P. von Maravic, P. Wagener (Eds.), *The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption*. Barbara Budrich Publishers. Opladen & Farmington Hills. P. 98–114.

Dimant E. 2013. The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *Economics Discussion Papers*, No 2013:59, Kiel Institute for the World Economy URL: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59> [Дата обращения: 15.10.2018].

Dupuy K. & Neset S. 2018. The Cognitive Psychology of Corruption. Micro-level Explanations for Unethical Behavior, U4 Issue 2018:2. [Online] URL: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption/pdf> [Дата посещения: 15.10.2018].

Osipov G., Karepova S., Pinchuk A. & Nekrassov S. 2018. Corruption Potential as a Special Phenomenon: Theoretical and Methodological Analysis. *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference-Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth*, 15–16 November 2018, Seville, Spain. P. 1257–1266.

Bicchieri C. & Ganegoda D. 2017. Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis. In: P. Nichols & D. Robertson (Eds.), *Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 177–178.

Tänzler D. 2007. Cultures of Corruption – An Empirical Approach to the Understanding of Crime. *Discussion Paper Series*, 2. URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1 [Дата посещения: 15.10.2018].

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.573

The Image of a Corrupt Official as Perceived by Russia's Youth: Using the Unfinished Sentences Method

Antonina N. Pinchuk

Institute of Socio-political Research of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Dmitry A. Tikhomirov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. E-mail: dat1983@yandex.ru

For citation: Pinchuk, A. N.; Tikhomirov, D. A. The image of a corrupt official as perceived by Russia's youth: using the unfinished sentences method. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 12–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

Abstract. This article considers the image of a corrupt official as perceived by young Russians. The object of this study was represented by students from three Moscow-based universities. The survey was carried out in 2018. The sample consisted of 118 people ages 17 to 21. The results of the analysis show that, in order to develop anti-corruption measures in the field of education, it is necessary to study those personal, professional and behavioral image characteristics of a corrupt official which are relevant to young people. With this goal in mind, a sociological study was conducted in 2018 utilizing the unfinished sentences method, with students from three Russian universities participating in the study. The results of the study reflect a multilevel collective image, defined by the behavioral characteristics of a corrupt official. A conclusion was drawn that, while describing individual traits of a corrupt official, personal qualities, field of professional activities and means of interacting with others bear special significance. In recreating an image, the mentality and willpower of corrupt officials are shown in a light which points to mixed attitudes towards the person initiating acts of corruption. Meanwhile certain areas are highlighted where said image becomes somewhat blurred, with corrupt officials being regarded as “regular” people without any distinctive traits. It is suggested that these thoroughly analyzed substantive qualities of the image of a corrupt official should be considered while developing measures for cultivating intolerant attitudes among young people towards the main subjects of acts of corruption.

Keywords: corruption, perception of corruption, image of a corruptionist, method of incomplete sentences, youth

References

Barsukova S. Yu. Corruption: Academic Debates and the Russian Reality. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and Contemporary World, 2008; 5:36–47 (In Russ.).

Bicchieri C., Ganegoda D. Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis. In: Nichols P., Robertson D. (Eds.). *Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017:177–178.

De Graaf G., Wagenaar P., Hoenderboom M. Constructing corruption. In: G. de Graaf, P. von Maravic, P. Wagener (Eds.). *The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption*. Barbara Budrich Publishers. Opladen & Farmington Hills, 2010:98–114.

Dimant E. The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *Economics Discussion Papers*; 2013:59, Kiel Institute for the World Economy. URL: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59> [accessed: 15.10.2018].

Dupuy K., Neset S. The Cognitive Psychology of Corruption. *Micro-level Explanations for Unethical Behavior*, U4 Issue 2018: 2. URL: <https://www.u4.;publications/the-cognitive-psychology-of-corruption/pdf> [accessed: 15.10.2018].

Karepova S. G., Nekrassov S. V., Pinchuk A. N. On the Interpretation of the Concept “Corruption”: Societal and Socio-Psychological Aspects. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* = Horizons of humanitarian knowledge, 2018; 2:52–64 (In Russ.).

Osipov G., Karepova S., Pinchuk A., Nekrassov S. Corruption Potential as a Special Phenomenon: Theoretical and Methodological Analysis. *Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth*, 15–16 November 2018, Seville, Spain, 2018:1257–1266.

Papakostas A. *Civilizing the Public Sphere: Trust, Distrust and Corruption*. Moscow: Russian Public Opinion Research Center, 2016. 224 p. (In Russ.).

Puzanova ZH. V. “Loneliness” as a Subject of Empirical Analysis. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)* = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M), 2009; 29:132–154 (In Russ.).

Tatarova G. G., Burlov A. V. Logical Organization for Analyzing Data Obtained by Method of Incomplete Sentences. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies, 1999; 8:123–133 (In Russ.).

Tänzler D. Cultures of Corruption – An Empirical Approach to the Understanding of Crime. *Discussion Paper Series*, 2007, 2. URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1 [accessed: 15.10.2018].

Thesaurus of Sociology. Book 2. Methodology and methods of research in social science: a subject-based dictionary and reference book. Ed. by ZH.T. Toshchenko. Moscow, IUNITY-DANA Publ., 2013. 415 p. (In Russ.).

Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. The psychological factors of corruption. *Psihologiya v ehkonomike i upravlenii* = Psychology in economy and management, 2012; 1:57–66 (In Russ.).

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.573

Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России

Ссылка для цитирования: *Гаврилюк Т. В.* Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 28–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

For citation: Gavrilyuk, T. V. The construct of masculinity in the culture of modern Russia's new working class. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 28-44. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

**Гаврилюк
Татьяна Владимировна**

Тюменский индустриальный университет,
Тюмень, Россия

tv_gavrilyuk@mail.ru

Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России

Аннотация. Статья¹ посвящена анализу конструкта маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России. С опорой на интерсекциональную перспективу рассмотрены как практики производства его множественных форм в повседневном взаимодействии, так и устойчивые структуры социального неравенства, закрепляющие гендерный порядок на институциональном уровне. В статье произведён аналитический обзор актуальных зарубежных исследований режимов маскулинности рабочего класса в постиндустриальную эпоху. На основании эмпирического исследования молодёжи нового рабочего класса УрФО были выявлены наиболее общие структуры гендерного порядка в семейной сфере и на рабочем месте: нормативные социальные роли мужчины, стереотипы повседневного исполнения мужских гендерных ролей, гендерные ограничения и привилегии. Было установлено, что сохраняющаяся структурная диспропорция между секторами экономики в уровне оплаты труда и гендерном составе работников детерминирует трансляцию нормативной установки на воспроизводство паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами. Юноши из рабочего класса по-прежнему заинтересованы в сохранении и поддержании патриархальной модели распределения домашнего труда. При этом за женщинами закрепляются такие виды работы, которые требуют регулярного рутинного выполнения в строго определённое время, мужчины же ответственны за те виды домашнего труда, которые исполняются спорадически и могут быть отсрочены, что оставляет им больше времени для досуговой активности. В оценке значимости ритуалов повседневной коммуникации было выявлено значительно более выраженное стремление к сохранению традиционного паттерна гендерного взаимодействия у девушек по сравнению с молодыми людьми. Результаты исследования свидетельствуют о различии ожиданий молодых мужчин и женщин относительно гендерной нормативности повседневной коммуникации: большая часть юношей по-прежнему тяготеет к модели гегемонной маскулинности рабочего класса, в то время как девушки, поддерживая идею сохранения патриархального социального порядка, готовы к исполнению своей гендерной роли в нём при условии финансовой поддержки и защиты со стороны мужчин, косвенные же признаки гегемонной маскулинности не рассматриваются ими как релевантные.

Ключевые слова: рабочий класс, молодёжь рабочего класса, маскулинность, гендер, гендерный режим, гегемонная маскулинность

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодёжи нового рабочего класса современной России».

Исследования маскулинности как одно из направлений гендерной социологии концентрируются на повседневности рабочего класса в конце 1970-х гг., когда постиндустриальная трансформация разрушила традиционные основания мужского доминирования в данной социальной среде. Гендерные режимы российского рабочего класса редко становятся объектами исследовательского внимания, при этом отечественные социологи также указывают на кризис традиционной модели маскулинности, вызванный негативными последствиями деиндустриализации 1990-х и приведший к росту деструктивных телесных практик алкоголизации, наркотизации и физического насилия [Здравомыслова, Темкина 2002; Тартаковская 2002; Vanke 2014: 154]. Вместе с тем в актуальном дискурсе гендерных исследований редуционистские трактовки маскулинности рабочего класса подвергаются критике, акцент смещается на постулирование её множественных форм и практик воплощения в повседневности.

Дискуссия в данном проблемном поле разворачивается в рамках двух концептуальных направлений: дискурсивный конструктивистский подход, подчёркивающий текучую, процессуальную природу гендерных различий как производных повседневных практик в специфическом локальном контексте, и подход, заостряющий внимание на значении общепринятых категоризаций, таких как класс, гендер и этничность, для закрепления и воспроизводства структур социального неравенства в современных капиталистических обществах [McDowell 2004: 46]. Исходя из методологической установки нашего исследования, вторая позиция представляется более релевантной. В данной статье мы сконцентрируем внимание на формах воплощения маскулинности нового рабочего класса современной России, сохраняя устойчивое внимание как к культурному производству множественных форм мужественности (изменчивые, фрагментарные и зачастую противоречивые гендерные конструкты, воплощённые в повседневных дискурсах и практиках и ими же формируемые), так и к сохраняющемуся доминированию структур социального неравенства и подавления (относительно устойчивые гендерные порядки, воспроизводящиеся на институциональном уровне).

Актуализация исследования режимов маскулинности в последней трети XX в. была обусловлена изменением социальной позиции женщин в постиндустриальном обществе, проблематизировавшей доминирующий нормативный паттерн «мужчины-добытчика». В конце 1970-х гг. рабочий класс позиционировался в конвенциональном дискурсе о гендерных ролях в качестве носителя консервативной идеологии. Однако уже на рубеже 1980–90-х гг. эмпирические исследования показали, что гендерные установки мужчин данной социальной группы также подверглись изменениям и фрагментации [Segal 1990]. В тот период аргументы относительно определяющих маркеров конструкта мужественности рабочего класса концентрировались вокруг ручного труда, рабочего места и заработной платы [Connel 1991: 142]. Постановка проблемы маскулинности рабочего класса принадлежит британскому автору А. Толсону [Tolson 1977]. Среди ранних исследований данного вопроса

следует отметить работы М. Дональдсона, который на примере сравнительного анализа четырёх англоговорящих стран пришёл к выводу, что маскулинность в культуре рабочего класса формируется на пересечении двух решающих факторов – повседневных практик семьи-домохозяйства и рабочего места [Donaldson 1987]. В отдельных левоориентированных исследованиях рассматривалось, как повседневная маскулинная культура промышленных предприятий формирует и воспроизводит классовую субординацию [Willis 1979], конструирует и транслирует патриархальный порядок [Cockburn 1983] и отчуждённую сексуальность [Lippert 1977].

Научный дискурс проблемы маскулинности

Неолиберальный капитализм изменил условия, способ организации труда и микрополитики взаимодействий на рабочем месте. Потеряв надежду на стабильную занятость в промышленном секторе, мужчины вынуждены были перейти в сферу сервиса, утратив возможность воспроизводства привычной модели маскулинности, основанной на ценности физического труда, зарплате и подчинённом положении женщины в домохозяйстве. Труд на предприятиях розничной торговли и фаст-фуда требовал «сервиса с улыбкой», игнорирования грубого или пренебрежительного отношения клиентов, терпимости к постоянному наблюдению, покорности начальству, контроля над телесностью и сексуальностью, что противоречило представлениям о мужественности, сложившимся в рабочей среде [Nixon 2009]. Пытаясь дистанцироваться от рутинной работы в сервисном секторе, требующей так называемого «эмоционального труда» (“emotional labour”) и сервильности, мужчины отказывались от единственно доступного вида неквалифицированного труда или быстро покидали подобные рабочие места [Lindsay, McQuaid 2004; Roberts 2013]. Работодатели же предпочитали нанимать женщин, считывая поведенческие сигналы и внешние атрибуты маскулинности рабочего класса как потенциальную угрозу [McDowell 2004: 51]. Следовательно, постиндустриальная трансформация в странах Западной Европы и США поставила мужчин из данного социального класса в ещё более невыгодное положение, чем женщин, ввиду их гендерных установок, внешней атрибутики, отношения к власти и подчинению. Ответом стал рост насилия, ксенофобии и алкоголизации, игравших компенсаторную роль поддержки рушащейся модели мужественности. В свою очередь это обусловило моральные паники и демонизацию «белых мужчин рабочего класса» (“white working-class men”) в медиа и научном дискурсе, сохраняющиеся и усугубляющиеся в настоящее время.

Необходимость социологического внимания к указанным процессам и выработки действенных решений для социальной политики вызвала рост интереса к проблематике маскулинности и появление новых, более тонких аналитических моделей. Значимую роль в становлении современной аксиоматики этого исследовательского поля сыграли работы Р. В. Коннел. Проблематизировав устойчивые понятия «гендер-

ных ролей» и «идентичностей», автор рассматривает маскулинность как социально сконструированную и темпорально изменчивую форму жизненного проекта, перерабатывающую телесные различия мужчин и женщин в «гендер» как социальный процесс. Конструирование множественных моделей маскулинности как разновидностей гендера реализуется и может быть обнаружено в социальных практиках на разных уровнях: личностном, телесном, культурном или институциональном. В работах Р. В. Коннел обозначены и аргументированы различия между «гегемонной» маскулинностью, то есть социально доминирующей, но при этом не обязательно самой распространённой, и протестными, подчинёнными её формами, подвергающимися дискредитации или подавлению (гомосексуальная маскулинность) [Connell 1991].

Несмотря на признание научным сообществом, концепт «гегемонной маскулинности» подвергся критике за ограниченность и редукционизм [Whitehead 2002]. Исследователи подчёркивают, что кажущееся внутреннее единство данной модели на самом деле представляет собой совокупность противоречащих друг другу элементов [Demetriou 2001: 349]; кроме того, в каждый отдельный исторический период присутствует более чем одна версия доминирующей формы маскулинности [Anderson 2005]. Принимая во внимание критику, мы полагаем, что теория Р. В. Коннел сохраняет ценность в качестве исследовательского инструмента, так как включает в себя как анализ структурных отношений власти, так многообразных повседневных гендерных практик.

В актуальном дискурсе гендерных исследований отмечаются позитивные сдвиги в адаптации доминирующих форм маскулинности рабочего класса к требованиям сервисного сектора. Утверждается, что характер сервисного труда больше не представляет угрозы мужественности, «многие мужчины рабочего класса находят себя в таком труде», а успешная коммуникация с клиентом приносит чувство удовлетворённости работой [Lupton 2006: 117]. Вместе с тем длительно формировавшийся конструкт мужественности по-прежнему присутствует в сознании мужчин рабочего класса как эталонный образец, о чём свидетельствуют недавние исследования, фиксирующие практики избегания «служения» клиенту и сохраняющееся стремление к физическому труду на предприятиях ритейла [Roberts 2013: 675].

Методология и задачи исследования

В рамках грантового проекта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодёжи нового рабочего класса современной России» обоснована необходимость актуализации классового подхода в современной российской социологии, исследовано место нового рабочего класса в социальной структуре российского общества, проанализированы новейшие зарубежные подходы к его концептуализации. Выявлено, что в советской и постсоветской традиции было принято противопоставлять классовый и стратификационный подходы, так как первый ассоциировался исключительно с марксист-

мом. Это привело к подмене понятий в отечественной социологии: «средний класс» трактуется как страта, а «рабочий класс» заменяется эвфемизмами (например, «базовый слой» в работах Т. И. Заславской [Заславская 1997]). В современной российской социологии не поднимался вопрос о критериях, основных признаках рабочего класса, позволяющих провести чёткое различие между ним и другими социальными группами.

Под «новым рабочим классом» в рамках данного исследования понимается группа наёмных работников, не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся, занятых во всех сферах материального производства и сервиса; их труд рутинизирован, разделён на стандартизированные сегменты, поддаётся алгоритмизации и количественному нормированию результатов. Критерии отделения нового рабочего класса от других классов и стратификационных групп – отношение к собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. Внутренняя дифференциация нового рабочего класса связана с влиянием таких факторов, как форма найма, обуславливающая степень стабильности трудоустройства; наличие или отсутствие социальных гарантий (от постоянной занятости до нелегального прекарного труда); сфера занятости (занятые по найму работники реального сектора экономики, включая товарное производство в сфере сельского хозяйства, и рабочие, занятые в сфере услуг); уровень доходов; степень рутинизации труда (от чётко регламентированного, стандартизированного до обладающего той или иной степенью свободы в принятии решений); стиль жизни и культурный капитал (от групп, чей стиль жизни и культурные практики близки среднему классу, до маргинализированных, социально исключённых групп).

В анализе конкретной проблемы, которой посвящена данная статья, мы отходим от бинарного противопоставления маскулинного и феминного, ориентируясь на теоретическое допущение о наличии множественных моделей гендера в современной культуре, в том числе и в рабочей среде. С помощью интерсекциональной оптики [Нансок 2007] интересующая нас социальная группа рассмотрена на пересечении трёх стратификационных признаков – социальный класс (представители нового рабочего класса), гендер (мужской и женский взгляд на маскулинный конструкт) и возраст (молодёжь трёх возрастных когорт). На эмпирическом уровне были проанализированы наиболее общие структуры гендерного порядка в семейной сфере и на рабочем месте: нормативные социальные роли мужчины, стереотипы повседневного исполнения мужских гендерных ролей, гендерные ограничения и привилегии.

Эмпирическим объектом исследования выступила молодёжь нового рабочего класса в возрасте от 16 до 29 лет. Данные получены в результате проведения массового опроса 1534 респондентов, проживающих в Свердловской, Тюменской и Курганской областях УрФО. Выборочная совокупность носила целевой характер и базировалась на следующих критериях: возраст (когорты 16–19, 20–24 и 25–29 лет в соответствии с официальными статистическими стандартами), гендер (мужской/жен-

ский), место жительства (город/село), сфера занятости (промышленность/сервис). Опрос проводился на рабочих местах, поэтому в выборку вошла только официально занятая часть рабочего класса.

Социальные позиции, основанные на гендерных различиях

Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении таких значимых маркеров традиционного гендерного порядка в культуре нового рабочего класса, как возможность мужчины обеспечивать семью, быть инициатором романтических отношений и играть традиционную роль романтического «ухаживания» за девушкой. Остальные параметры, связанные как с конструированием гендера в пространстве повседневных практик, так и с институциональными ограничениями, были оценены респондентами не столь однозначно.

Сохраняющееся противоречие между структурой патриархального общества и карьерными намерениями женщин очевидно в анализе отношения молодёжи нового рабочего класса к двум взаимоисключающим утверждениям. Абсолютное большинство респондентов (согласны 93,6%, уверенное согласие демонстрируют 59,9%) полагают, что *«мужчина должен зарабатывать больше, чем женщина, чтобы иметь возможность обеспечивать семью»*, но при этом с тем, что *«в нашем обществе доминируют мужчины, у женщины меньше шансов сделать карьеру»*, полностью согласны лишь 27,3%, ещё 30,6% опрошенных выражают сомнение. Из этого следует, что молодёжь не в полной мере осознаёт связь между поддерживаемым ими патриархальным порядком на рабочем месте (более высокие доходы мужчин предполагают скорейшее продвижение по службе и лучшие позиции в организационной иерархии) и проблемой «стеклянного потолка»¹ в женской карьере.

Гендерных различий среди несогласных с необходимостью финансового доминирования мужчин обнаружено не было. Более того, девушки нового рабочего класса в большей степени уверены в необходимости поддержания и воспроизводства этой ключевой основы патриархата (полностью согласны с утверждением о роли мужчины как «добытчика» 63,3% женщин и 56,5% мужчин). С возрастом подобная уверенность закрепляется: чуть менее 30% опрошенных в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года полностью согласны с высказыванием, в группе респондентов 25–29 лет уверенность возрастает до 42,5%. Наиболее силён нормативный паттерн мужчины-добытчика у молодёжи, проживающей в сельских местностях (его поддерживают 95% респондентов, из них 66,1% полностью разделяют установку, заложенную в высказывании, в то время как среди городской рабочей молодёжи абсолютную солидарность с суждением демонстрируют 58%).

¹ «Стеклянный потолок» — термин американского менеджмента, введённый в начале 1980-х гг. для описания невидимого барьера, ограничивающего продвижение по служебной лестнице.

Рис 1. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?», % по массиву опрошенных

Diagram 1. Distribution of answers to a question:

Whether “You agree with the following statements?”, %, the whole respondents

В оценке утверждения о мужском доминировании в обществе и низких шансах женщины на карьерное продвижение существенных различий по гендеру, месту жительства и сфере занятости выявлено не было. Однако уверенность молодёжи в неизбежности патриархального порядка возрастает по мере взросления (41,6% в старшей возрастной группе полностью согласны с высказыванием, в то время как в младшей группе таких лишь 23,5%, в средней когорте от 20 до 24 лет (период профессионализации и начала карьеры) уровень уверенного согласия снижается до 16,4%).

Обозначенные выше позиции респондентов имеют структурные основания, что подтверждается данными об уровне их реальных доходов. Рис. 2 демонстрирует значительный гендерный разрыв в оплате труда на рабочих должностях (а не только на конкурентных и привлекательных позициях руководителей и высококвалифицированных специалистов, как принято полагать).

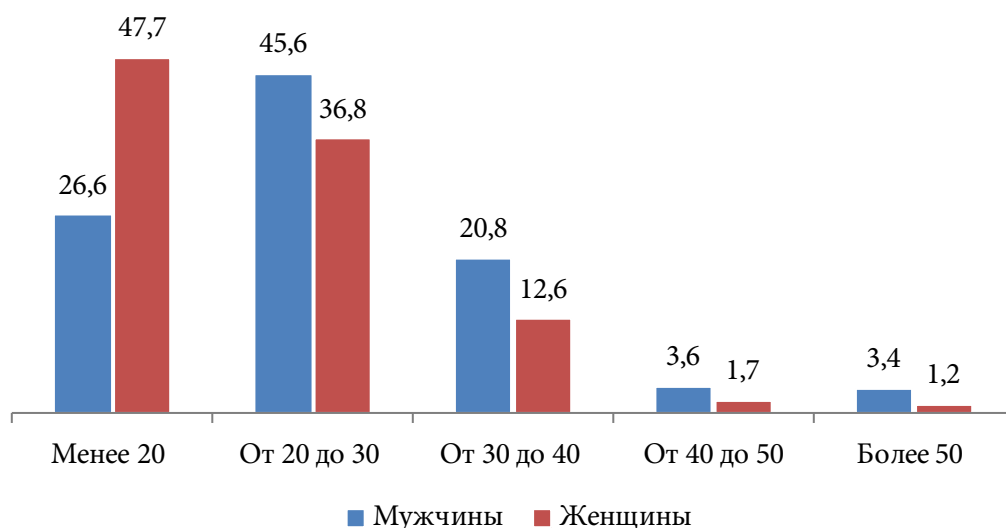

Рис. 2. Уровень реальных доходов молодёжи нового рабочего класса, % от гендерной группы

Diagram 2. Level of real income of youth of new working class, in % of gender group

При этом гендерное распределение работников в секторах промышленности и сервиса колеблется вокруг значения 70/30 (см. рис. 3).

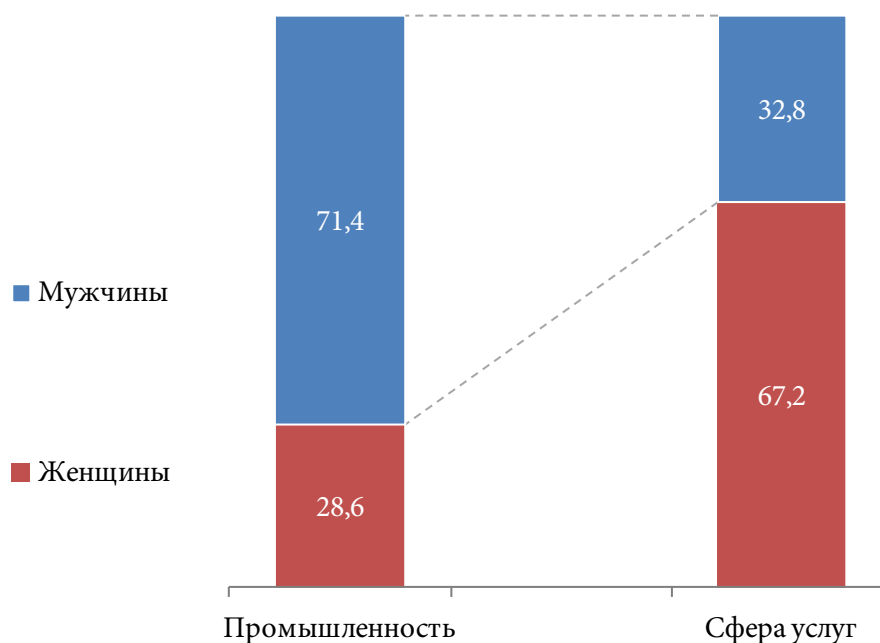

Рис. 3. Гендерное распределение молодых рабочих в сфере промышленности и сервисной сфере, % от количества респондентов, занятых в данной сфере

Сохраняющаяся структурная диспропорция между секторами экономики в уровне оплаты труда и гендерном составе работников (46,2% занятых в сфере услуг имеют заработную плату ниже 20 тыс. руб. и ещё 37,8% – ниже 30 тыс. руб., большинство из них – женщины) детерминирует трансляцию нормативной установки на воспроизводство паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами. Следовательно, при одинаковом классовом статусе мужчины и женщины, занятые рутинным трудом, по-прежнему обладают далеко не равными финансовыми возможностями. При этом эссенциалистская вера в естественное гендерное неравенство на основании интеллектуального превосходства мужчин над женщинами присутствует лишь у 14,6% респондентов. Менее половины (43,8%) полагают, что мужчины и женщины обладают равными интеллектуальными способностями и примерно такое же количество (41,7%) не решились однозначно оценить своё отношение к данному вопросу.

Гендерные отношения в семье

Анализ отношения молодёжи к вопросам повседневного мужского доминирования в семейной сфере фокусируется на оценке обязательного компонента традиционной патриархальной семьи – домашнего женского труда. Исследования ряда западных авторов свидетельствуют о том, что в настоящее время происходит становление новой формы мужественности как эмоциональной чувствительности и вовлечённости, уважения к женщине, эгалитарной позиции относительно семейных ролей. Ключевым параметром становится участие мужчины в домашней работе и заботе о детях [Gill 2003]. Тем не менее, несмотря на неприятие большинством населения западных стран патриархальной модели семьи и почти повсеместно равноценном участии женщин на рынке труда, исследования показывают, что большая часть домашней работы по-прежнему остаётся на женщинах [Thébaud 2010]. За женщинами, как правило, закрепляются те виды работ, которые требуют регулярного рутинного выполнения в строго определённое время, исключая возможность их переноса во времени (например, приготовление пищи) [Coltrane, Shih 2010]. Мужчины же, напротив, ответственны за те виды домашнего труда, которые исполняются спорадически и могут быть отсрочены (например, мелкий ремонт), что оставляет им больше времени для досуговой активности [Craig 2006]. Российские авторы также отмечают большой гендерный дисбаланс в установках мужчин-рабочих относительно семейных обязанностей по сравнению с представителями среднего класса [Мещеркина 2002; Липасова 2017]. Так, в исследовании А. Липасовой отмечается, что убеждения о желательных гендерных ролях в рабочих семьях часто не соответствуют реальной ситуации. Интервьюированные автором мужчины декларировали модель «защитника» и «кормильца» в качестве нормативной, но в реальности главы

семей далеко не всегда соответствовали этим идеальным типам, проявляя безответственность, в то время как их жёнам приходилось работать в «двойную смену» [Lipsova 2017].

Среди участников нашего опроса проявляется значительная дифференциация взглядов (см. таблицу 1). Результаты исследования показывают, что молодые люди по-прежнему заинтересованы в сохранении и поддержании патриархальной модели распределения домашнего труда. Также в большей степени склонны соглашаться с утверждением об уборке и приготовлении пищи как «женских обязанностях» представители старшей возрастной группы, уже имеющие опыт брака или сожительства. Разницы между сельской и городской молодёжью в оценке данного вопроса выявлено не было.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о согласии с утверждением,
что «Домашнее хозяйство, уборка, приготовление пищи – женское дело»,
% по группам респондентов

Distribution of answers to a question of consent with a statement that “A household, cleaning, cooking – women stuff”, in % on groups of respondents

Группы молодёжи НРК	Согласен	Частично согласен	Не согласен	Итого
По гендерным группам				
Мужчины	41,1	41,5	17,4	100,0
Женщины	24,4	48,5	27,1	100,0
По возрастным группам, лет				
15–19	27,3	48,1	24,6	100,0
20–24	28,5	46,9	24,6	100,0
25–29	42,5	40,0	17,5	100,0
Группы респондентов по территории проживания				
Город	32,7	44,6	22,7	100,0
Село	33,3	46,1	20,6	100,0
В целом по массиву опрошенных	32,9	45,0	22,1	100,0

Конструкты маскулинности

Далее обратим внимание на конструкты маскулинности в сфере повседневных взаимодействий, воплощённые в установках молодёжи нового рабочего класса.

Как показывает таблица 2, противоречивые ожидания девушек наблюдаются не только в изложенном выше анализе дилеммы женской профессиональной самореализации и приверженности модели «мужчины-добытчика» в семье, но также и в оценке значимости ритуалов повседневной коммуникации. Значительно более выраженное стремле-

ние к традиционному паттерну гендерного взаимодействия у девушек по сравнению с молодыми людьми проявляется в оценке высказывания «Мужчина должен ухаживать за девушкой, делать первый шаг, добиваться внимания»: почти 70% из них ожидают от мужчины традиционного «ухаживания» и настойчивого внимания, среди юношей же готовы к подобным действиям около половины.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о согласии с утверждением, что «Мужчина должен ухаживать за девушкой, делать первый шаг, добиваться внимания», % по группам респондентов

Distribution of answers to a question of consent with a statement that “The man has to take the first step trying to obtain girl’s attention”, in % on groups of respondents

Группы молодёжи НРК	Согласен	Частично согласен	Не согласен	Итого
По гендерным группам				
Мужчины	53,0	39,9	7,1	100,0
Женщины	69,1	25,8	5,1	100,0
По возрастным группам, лет				
15–19	58,5	33,7	7,8	100,0
20–24	57,4	37,2	5,4	100,0
25–29	67,0	27,9	5,1	100,0
Группы респондентов по территории проживания				
Город	59,4	33,6	7,0	100,0
Село	66,2	30,7	3,1	100,0
В целом по массиву опрошенных	61,0	32,9	6,1	100,0

Гендерная нормативность повседневных практик выявлялась также путём анализа отношения респондентов к ряду оценочных высказываний, представляющих собой стереотипы о гегемонной маскулинности в данной социальной среде: бытовое насилие (драка как распространённая и «нормальная» практика разрешения конфликтных ситуаций между мужчинами) и опасения относительно излишней заботы о внешности («мужик» не должен уделять ей слишком много внимания, так как это является косвенным маркером гомосексуальной ориентации). Результаты опроса свидетельствуют о том, что девушки в целом не склонны к нормализации насилия в мужской среде: 60% из них не согласны с суждением «Драка – нормальный способ выяснения отношений между мужчинами» (в то время как среди мужчин не поддерживают высказывание лишь чуть более 30%). Около четверти респондентов мужского пола уверены, что насилие в мужской среде неизбежно и нормально; более 40% «частично согласны», апеллируя, по всей видимости, к необходимости принимать во внимание контекст конкретной конфликтной ситуации.

Мнения респондентов относительно внешности мужчины разделились. Полностью согласны с высказыванием «*Мужчина не должен прилагать много усилий в уходе за своей внешностью*» около 20% респондентов обоих полов, юноши чаще выбирали альтернативу «частично согласен» (52%), девушки – «не согласна» (39,9%) и «частично согласна» (38,6%). В целом сохраняется традиционный для российского рабочего класса паттерн: женщины хотели бы, чтобы их партнёры инвестировали больше материальных и временных ресурсов в уход за собой, однако молодые люди по-прежнему не уверены, сочетается ли повышенное внимание к внешности с доминирующим в рабочей среде конструктом маскулинности (за исключением таких практик, как посещение тренажёрного зала с целью наращивания мышечной массы, тату-салонов). Интересно, что менее всего поддерживает данное суждение самая мобильная возрастная группа молодёжи от 20 до 24 лет (лишь 13,3%), в то время как среди группы молодых взрослых от 25 до 29 лет согласных с высказыванием уже более 30%.

Заключение

Таким образом, анализ количественных данных демонстрирует, что консерватизм и патриархальные семейные установки, которые приписывают рабочему классу в массовой культуре, оставаясь доминирующей референтной моделью семьи, тем не менее не находят однозначной поддержки абсолютного большинства опрошенной молодёжи и имеют мало общего с реальной ситуацией в рабочих семьях. Ввиду крайне низкого дохода, классическая патриархальная модель семьи (мужчина – добытчик, жена – домохозяйка) является скорее идеально-типической конструкцией, в российских реалиях доступной только представителям среднего класса. При одинаковом классовом статусе мужчины и женщины рабочего класса, занятые рутинным трудом, по-прежнему обладают далеко не равными финансовыми возможностями: оплата труда в сервисном секторе, где большую часть сотрудников составляют женщины, по-прежнему гораздо ниже, чем в сфере промышленности, добычи ископаемых и строительства. Следовательно, экономические факторы закрепляют условия для воспроизводства практик структурного доминирования мужчин в семейной сфере, обуславливая сохранение позитивной нормативной установки на сохранение паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами. Следовательно, высказывание одного из первых исследователей маскулинности рабочего класса А. Толсона, относящееся к концу 1970-х гг., не потеряло актуальности и по-прежнему отражается в коллективных установках рабочей молодёжи: «В нашем обществе основной критерий мужественности – это зарплата» [Tolson 1977: 58].

Реализация маскулинной модели поведения в повседневных практиках оценивается респондентами неоднозначно. В опросе были выявлены наиболее общие тренды, однако данная проблема требует более

глубокого анализа с использованием качественных методов. Стремление девушек к традиционному паттерну романтического «ухаживания» не в полной мере соответствует доминирующей среди юношей рабочего класса модели мужественности. Почти 40% девушек рабочего класса не видят противоречия между маскулинностью и заботой о внешности, однако большая часть молодых людей по-прежнему испытывает сомнения, считая повышенное внимание к внешнему виду угрозой собственной мужественности. Также большинство девушек не склонно к нормализации насилия как составляющей конструкта мужественности, в то время как две трети мужчин считают драку нормальным способом разрешения конфликтов. В связи с этим можно говорить о тенденции к различию ожиданий молодых мужчин и женщин в сфере повседневного поведения и коммуникации: большая часть юношей по-прежнему тяготеют к гегемонной для рабочего класса модели маскулинности (ручной труд, физическая сила, брутальный внешний вид, демонстративное неподчинение власти, доминирование над женщиной), в то время как девушки, признавая в целом патриархальный порядок и осознавая свою позицию в нём, готовы к исполнению своей гендерной роли при условии наличия финансовой поддержки и защиты со стороны мужчин; указанные же косвенные признаки не являются в их представлениях показателями мужественности.

Библиографический список

Заславская Т. И. 1997. Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–23.

Здравомыслова Е., Темкина А. 2002. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // *О муже(N)ственности*. Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение. С. 432–452.

Мещеркина Е. Ю. 2002. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // *О муже(N)ственности*. Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение. С. 268–288.

Тартаковская И. Н. 2002. Мужчины на рынке труда // *Социологический журнал*. № 3. С. 112–125.

Anderson E. 2005. Orthodox and inclusive masculinity: Competing masculinities among heterosexual men in a feminized terrain // *Sociological Perspectives*. № 48. P. 337–355.

Cockburn C. 1983. *Brothers: Male dominance and technological change*. L.: Pluto Press. 264 p.

Coltrane S., Shih K. Y. 2010. Gender and the division of labour // *Handbook of Gender Research in Psychology*. Ed. by Chrisler J. C. and McCreary D. R. Vol. 2. *Gender Research in Social and Applied Psychology*, Springer. P. 401–422.

Connell R. W. 1991. Live fast and die young: The construction of masculinity among young working-class men on the margin of the labour market // *Journal of Sociology*. № 27. P. 141–171.

Craig L. 2006. Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children // *Gender & Society*. № 20 (2). P. 259–281.

Demetriou D. 2001. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory & Society*. № 30. P. 337–361.

Donaldson M. 1987. Labouring men: love, sex and strife // *Australian and New Zealand Journal of Sociology*. № 23 (3). P. 165–184.

Gill R. 2003. Power and the production of subjects: A genealogy of the new man and the new lad // *Masculinity and Men's Lifestyle Magazines*. Ed. by B. Benwell. Oxford: Blackwell. P. 34–56.

Hancock A. M. 2007. When multiplication doesn't equal quick addition: Examining intersectionality as a research paradigm // *Perspectives on Politics*. № 5 (1). P. 65–79.

Lindsay C., McQuaid R. W. 2004. Avoiding the "McJobs": Unemployed job seekers and attitudes to service work // *Work Employment and Society*. № 18 (2). P. 297–319.

Lipasova A. 2017. Fatherhood in the Russian provinces: A theoretical and empirical analysis // *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. № 4. P. 629–642.

Lippert J. 1977. Sexuality as Consumption // *For Men Against Sexism*. Ed. by J. Snodgrass. Albion: Times Change Press. P. 207–213.

Lupton R. 2006. Explaining men's entry into female-concentrated occupations: Issues of masculinity and social class // *Gender, Work & Organization*. № 13 (2). P. 108–28.

McDowell L. 2004. Masculinity, identity and labour market change: Some reflections on the implications of thinking relationally about difference and the politics of inclusion // *Geografiska Annaler. Ser. B. Human Geography*. Vol. 86. № 1. Special Issue: The Political Challenge of Relational Space. P. 45–56.

Nixon D. 2009. "I can't put a smiley face on": Working-class masculinity, emotional labour and service work in the "new economy" // *Gender, Work & Organization*. № 16 (3). P. 300–322.

Roberts S. 2013. Boys Will Be Boys ... Won't They? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities // *Sociology*. № 47 (4). P. 671–686.

Segal L. 1990. Slow motion: Changing masculinities, changing men. L.: Virago. 396 p.

Thébaud S. 2010. Masculinity, bargaining, and breadwinning // *Gender & Society*. № 24 (3). P. 330–354.

Tolson A. 1977. *The Limits of Masculinity*. L.: Tavistock. 158 p.

Vanke A. 2014. The corporeality of working-class men in labour regimes and the private sphere. Summary. *Laboratorium*. № 6 (1) P. 154–158.

Willis P. 1979. Shop floor culture, masculinity and the wage form // *Working Class Culture*. Ed. by J. Clarke, C. Critcher, R. Johnson. L.: Hutchinson. P. 185–198.

Whitehead S. 2002. *Men and masculinities: Key themes and new directions*. Cambridge: Polity. 288 p.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.574

The Construct of Masculinity in the Culture of Modern Russia's New Working Class

Tatiana V. Gavrilyuk

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia. E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

For citation: Gavrilyuk, T. V. The construct of masculinity in the culture of modern Russia's new working class. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 28-44. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

Abstract. This article is dedicated to analyzing the construct of masculinity in the culture of modern Russia's new working class. While leaning on an intersectional perspective, it considers practices of producing its plural forms in everyday interaction, as well as persistent structures of social inequality which secure gender order on an institutional level. The article conducts an analytical overview of relevant foreign studies on the working class' modes of masculinity in the postindustrial era. An empirical study of young representatives of the new working class residing in the Ural federal district helped determine the most common structures of gender order in domestic life and in the workspace: standard male social roles, stereotypical everyday fulfillment of male gender roles, gender restrictions and privileges. It has been revealed that a persistent structural disproportion between various sectors of the economy, when it comes to wages and the gender composition of the workforce, determines the transmission of the standard tendency for reproducing the pattern of a "man-provider", who possesses power in the family based on his control over economic resources. Young working class individuals are still interested in preserving and supporting a patriarchal model of distributing household labor. While women are assigned types of activity which require routine execution at a strictly defined time, men assume chores which can be done sporadically, and can be postponed, which provides them with more leisure time. While evaluating the importance of everyday communication rituals, it was established that young women seek to preserve a traditional pattern of gender interaction more so than young men. The results of the study show a distinction between the expectations of young men and women when it comes to standard everyday gender communication: for the most part, young men still lean towards a model of hegemonic masculinity within the working class, while young women, who support the idea of preserving a patriarchic social order, are prepared to assume their gender role within it provided that they receive financial support and protection on behalf of their men. Indirect signs of hegemonic masculinity are not considered by them to be relevant.

Keywords: working class, working-class youth, masculinity, gender, gender regime, hegemonic masculinity.

References

Anderson E. Orthodox and inclusive masculinity: Competing masculinities among heterosexual men in a feminized terrain. *Sociological Perspectives*, 2005; 48:337–355.

Cockburn C. *Brothers: Male dominance and technological change*. London, Pluto Press: 1983. 264 p.

Coltrane S., Shih K.Y. Gender and the division of labour. In: *Handbook of Gender Research in Psychology*. Vol. 2: Gender Research in Social and Applied Psychology. Ed. by J. C. Chrisler and D.R. McCreary. Springer: 2010: 401–422.

Connell R. W. Live fast and die young: The construction of masculinity among young working-class men on the margin of the labour market. *Journal of Sociology*. 1991; 27:141–171.

Craig L. Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children. *Gender & Society*. 2006; 20(2):259–281.

Demetriou D. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique. *Theory & Society*. 2001; 30:337–361.

Donaldson M. Labouring men: love, sex and strife. *Australian and New Zealand Journal of Sociology*. 1987; 23(3):165–184.

Gill R. Power and the production of subjects: A genealogy of the new man and the new lad. In: *Masculinity and Men's Lifestyle Magazines*. Ed. by B. Benwell. Oxford (UK): Blackwell, 2003:34–56.

Hancock A. M. When multiplication doesn't equal quick addition: Examining intersectionality as a research paradigm. *Perspectives on Politics*. 2007; 5(1):65–79.

Lindsay C., McQuaid R. W. Avoiding the "McJobs": Unemployed job seekers and attitudes to service work. *Work Employment and Society*. 2004; 18(2):297–319.

Lipasova A. Fatherhood in the Russian provinces: a theoretical and empirical analysis. *The Journal of Social Policy Studies*. 2017;15(4):629–642.

Lippert J. Sexuality as Consumption. In: *For Men Against Sexism*. Ed. by J. Snodgrass. Albion: Times Change Press, 1977:207–213.

Lupton R. Explaining men's entry into female-concentrated occupations: Issues of masculinity and social class. *Gender, Work & Organization*. 2006; 13(2):108–128.

McDowell L. Masculinity, identity and labour market change: Some reflections on the implications of thinking relationally about difference and the politics of inclusion. *Geografiska Annaler, Ser. B Human Geography*. 2004; 86(1):5–56.

Meshcherkina E. Y. The existence of male consciousness: the experience of reconstructing the masculine identity of the middle and working class. In: *O muzhe(n)stvennosti = On Mascul(Femn)ity*. Ed. S. Ushakin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002:268–288 (In Russ.).

Nixon D. "I can't put a smiley face on": Working-class masculinity, emotional labour and service work in the "new economy". *Gender, Work & Organization*. 2009; 16 (3):300–322.

Roberts S. Boys Will Be Boys ... Won't They? In: *Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities*. *Sociology*. 2013; 47(4):671–686.

Segal L. *Slow motion: Changing masculinities, changing men*. London, Virago, 1990. 396 p.

Tartakovskaya I.N. Men in the labour market. *Sociologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2002; 3:112–125 (In Russ.).

Thébaud S. Masculinity, bargaining, and breadwinning. *Gender & Society*. 2010; 24(3):330–354.

Tolson A. *The Limits of Masculinity*, London: Tavistock, 1977. 158 p.

Vanke A. The corporeality of working-class men in labour regimes and the private sphere. Summary. *Laboratorium*. 2014; 6(1):154–158.

Whitehead S. *Men and masculinities: Key themes and new directions*. Cambridge: Polity, 2002. 288 p.

Willis P. Shop floor culture, masculinity and the wage form. *Working Class Culture*. Ed. by J. Clarke, C. Critcher and R. Johnson. London: Hutchinson, 1979:185–198.

Zaslavskaya T. I. The social structure of modern Russian society. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 1997:5–23 (In Russ.).

Zdravomyslova E., Temkina A. The crisis of masculinity in the late Soviet discourse. In: *O muzhe(n)stvennosti = On Mascul(Femn)ity*. Ed. S. Ushakin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002:432–452 (In Russ.).

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.575

Потребность в профессиональном и личном наставничестве в современном социуме

Ссылка для цитирования: Коренькова М. М. Потребность в профессиональном и личном наставничестве в современном социуме // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 45–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.575>

For citation: Korenkova, M. M. The need for professional and personal mentorship in modern society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 45–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.575>

Коренькова Марианна Максимовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород,
Нижний Новгород, Россия

mkorenkova@hse.ru

Потребность в профессиональном и личном наставничестве в современном социуме

Аннотация. В связи с масштабными трансформациями современного общества произошли значительные изменения в образе жизни россиян. Данные изменения затронули как материальную, так и морально-ценностную сферы жизни современного человека. В статье рассматривается наметившаяся тенденция следовать экспертному мнению при совершении выбора и принятии решений как в бытовых, так и в профессиональных контекстах жизни у россиян молодого и среднего возраста. Увеличившийся объём информации и высокий темп жизни повысили профессиональные и личные требования при принятии на работу или присоединении к социальной группе, включая семью, что ведёт к повышению спроса на экспертное мнение и консультационные услуги. Кроме того, в статье исследуются стили и способы личностного развития как новые социальные практики современного общества. Понимание развития как естественного и спонтанного процесса уступает место новому подходу к формированию личности как упорядоченному и систематическому развитию, являющемуся результатом целенаправленного следования экспертному мнению и посещению различных тренингов для личного и профессионального прогресса. В статье приводится краткий анализ сайтов, предлагающих консультационные услуги в разных областях личной и профессиональной жизни, а также рассматриваются предпосылки и способы создания мотивации для обращения к платным экспертам в сфере личностного развития и эффективность предлагаемых услуг. Автором сделан вывод о существовании достаточно высокого спроса на консультационную деятельность тренеров по личностному росту, тематических блогеров, персональных тренеров в спортзале, ведущих каналов на видеохостинге YouTube, а также лидеров мнений в социальных сетях. Несмотря на отсутствие механизма верификации результатов данных услуг, их популярность остаётся высокой. Личное наставничество и наличие персонального консультанта, коуча, ментора, психолога или духовника рассматривается некоторой группой людей как неотъемлемая часть жизни и даже возводится в рамки престижа.

Ключевые слова: личностное развитие, тренинги, коуч, персональный тренер, блогер

Многие исследователи отмечают глубинные трансформации, затронувшие общество в последнее время. Эти трансформации масштабны и охватывают все без исключения сферы жизнедеятельности общества в целом и человека в частности [Аксенова, Халий 2018]. В результате существенно меняется образ жизни человека, а также модели его жизнедеятельности. Реализация и объективация реальной общественной потребности формирования определённого образа жизни в России является актуальным предметом исследования социологов. Оно затрагивает анализ и интерпретацию складывающихся в реальности моделей жизнедеятельности «как процесса движения к новой целостности на основе эмпирической информации, отражающей социальную активность их субъектов» [Возьмитель 2017]. В данной статье рассматриваются изменения в образе жизни россиян, касающиеся стратегий следования за авторитетным мнением при принятии как важных, так и повседневных решений и способов личностного развития.

Проблема закономерностей нормального развития человека всегда была и остаётся дискуссионной. Это подтверждается рядом исследований в таких областях, как психология [Лучков, Певзнер 1981], социология [Нисская 2016] и антропология [Белик 2009; Олексенко 2007; Авраменкова 2002].

Развитие личности происходит естественным образом через внешне-предметную деятельность при общении с окружающим миром. Идея о социальном опосредовании развивающей деятельности человека была выдвинута Львом Семёновичем Выготским. Развитие человека строится на освоении общечеловеческого опыта, закреплённого в науке и культуре, а также на установлении отношений с окружающими внутри семьи и за пределами семейного окружения [Лучков, Певзнер 1981]. Данный способ формирования личности является естественно-поступательным, а развитие – совокупным результатом образования, жизненного опыта. Однако в последнее время в связи с профессионализацией различных сфер жизни человека и формированием нормативности тех или иных её областей зазвучала идея систематического развития личности на основе личностной осознанности, индивидуально разработанных программ и тренингов при помощи посредников в лице тренеров, коучей, психологов и наставников. Устойчивые формы приобрели паттерны следования за авторитетным мнением¹. Современный социум демонстрирует потребность в профессиональном и личном наставничестве, возводя в рамки престижа наличие персонального консультанта, коуча, ментора, психолога или даже духовника [Дубовка 2017]. Следствием технологического прогресса, например, стало появление программного обеспечения Coach.me. Установив данное приложение на смартфон, пользователь может выбрать одного из 800 специалистов, как заявлено на сайте, и обратиться к нему по интересующему вопросу. Из аннотации к приложению, размещённому

¹ Ты отстал от жизни, если никогда не работал с коучем // Лайфхакер. URL <https://lifehacker.ru/coach/> [Дата посещения: 25.10.2018].

на сайте «Лайфхакер»: «Если вы хотите научиться правильно бегать, плавать, танцевать или просто отжиматься, мобильное приложение Coach.me поможет вам в поиске нужного специалиста. Кроме спортивной деятельности, Coach.me также может помочь стать счастливым и богатым»¹.

Личностное развитие: обращение к экспертам

Наряду с возрастающим спросом на услуги карьерного психолога, семейного консультанта, фасилитатора² коммуникаций, люди в современном обществе всё чаще обращаются за инструкциями к внешним экспертам и в других областях своей жизни. Занятия спортом проходят под руководством персонального тренера в спортзале, приготовление пищи осуществляется под руководством ведущего или ведущей кулинарного канала на YouTube; планируя путешествия, люди следуют советам ведущих интернет-каналов или блогов; нанесением макияжа руководит бьюти-блогер, а выбор одежды в магазине поможет сделать «ваш личный стилист» из Инстаграм. Он же может помочь сделать ревизию вашего гардероба посредством сеанса видеосвязи или личного визита домой. Определённая часть молодых людей отправляется в кино только после просмотра рекомендаций выбранного ими в качестве эксперта кинокритика. Так, например, видео популярного блогера, позиционирующего себя как эксперта в области современного кинематографа с обзором топ 10 фильмов за 2017 г., например, было просмотрено 1 138 343 раз³. Следует отметить, что «фолловеров»⁴ таких экспертов не интересует, действительно ли ведущий обладает профессиональными знаниями о предмете. Авторитет в большинстве случаев строится на убедительном высказывании своего мнения, уникальной подаче материала, оригинальности выбранного подхода к освещению вопроса. Практически все «информационные лидеры» взаимодействуют с активной аудиторией через комментарии [Игнатъев, Куличкина 2017]. Как известно, в последние десятилетия фитнес и занятия в спортзале, являясь важным индикатором качества жизни, материального достатка и отношения к собственному здоровью, становятся социальным эталоном для большинства людей [Ефремова и др. 2015]. При этом важными участниками современной системы фитнеса стали и остаются персональные тренеры. Пользователи интернет-фору-

¹ Coach.me – Мобильное приложение, которое найдёт вам тренера для любого занятия // Лайфхакер. URL <https://lifehacker.ru/coach-me/> [Дата посещения: 25.10.2018].

² Фасилитатор – это человек, обеспечивающий успешную групповую коммуникацию. Слово «фасилитатор» – прямое заимствование английского facilitator – производного от английского глагола «to facilitate» (упрощать) // Википедия.

³ Топ 10 лучших фильмов 2017 года // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tSNkXRT0bcA> [Дата посещения: 25.10.2018].

⁴ Фолловер – (от англ. follower) читатель, последователь, подписчик.

мов, занимающиеся в спортзалах, демонстрируют опыт персональных тренировок, отмечают их необходимость и видят в сессиях с личным тренером залог успеха занятий фитнесом. Сообщение, размещённое на спортивном форуме: «С тренером куда как приятнее и полезнее, тем более если речь идёт о тренажёрном зале: везде есть программы, например, 8 или 10 персональных тренировок. Тренер всё равно потом за своими учениками следит: и советы даёт, и программы вперёд пишет. А если человек серьёзно спортом не занимался – *может, здоровье слабое было* – и начнёт без системы, например, бегать, результат может быть плачевным», отражает важность для пользователя постановки тренером задач и отслеживания результатов с последующим их обсуждением¹. Другое сообщение: «тренер – это друг, наставник, психолог и диетолог в одном лице. Это тот, кто вас контролирует (а самоконтроля не хватает почти каждому из нас!) и не даёт отлынивать на последних подходах!» – говорит о работе тренера с мотивацией клиента. Кроме того, «тренер всегда по-дружески общается с клиентом, знает его настроение, может рассмешить шуткой, поднять настроение, заразить своей энергетикой. Эмоциональная поддержка в период тренировок – *это очень важно!*» С одной стороны, наличие персонального тренера укладывается в рамки систематического подхода к развитию личности; с другой (как иллюстрируют высказывания форумчан) – это эмоциональный фактор создания позитивной атмосферы и ощущения, что кому-то не всё равно, как ты себя чувствуешь.

Почти на любой запрос, касающийся досуга, работы, личного и профессионального развития, найдётся специалист, более или менее ориентирующийся в конкретной теме, и, возможно, имеющий релевантный опыт. Благодаря высокому спросу на консультационные услуги и готовность следовать за ведущим, харизма как набор способностей и талантов консультанта (тренера, блогера и т. д.) не является обязательным качеством современного лидера. Заявка на некоторую компетентность, зрелость и профессионализм иногда подменяет сами эти реальные качества. Зачастую наблюдается механизм веберовского понимания харизмы как приписывания лидеру определённых желаемых черт, являющихся основанием для членов группы следовать за выбранным или назначенным лидером благодаря потребности следовать за «проводниками» между личностью и критериями запроса для успеха в социуме и карьере [Weber et al. 1978].

Также в интернет-пространстве активно осваивается консультирование для желающих открыть свой бизнес, предлагающее пользователям видео и текстовые сообщения по темам, например, «Как открыть свой бизнес», «Как открыть свой бизнес с нуля: 15 идей для малого бизнеса без вложений (с минимальными вложениями)», «Как создать, начать свой бизнес с нуля за 6 шагов», «Лучшие бизнес-идеи

¹ Персональный тренер в тренажёрном зале // НГС. Форум. Спортивные форумы. URL: <https://forum.ngs.ru/board/sport/flat/1901499817/?fpart=1&per-page=50> [Дата посещения: 25.10.2018].

для начинающих предпринимателей – примеры малого бизнеса», «Бизнес идея для начинающих № 1». Одним из повторяющихся признаков данных блогов и видео является «голая мотивация»: «начни!», «верь в себя!», «успех внутри тебя!», «идеи вокруг нас!». Солидности подобным мотивационным призывам могут придать перечисление новомодных элементов маркетинга, таких как «поиск ниши, агрессивные продажи, оформление лендинг пейдж¹» и т. п. Организация своего бизнеса сводится к сильной мотивации и желанию продвигать и продавать товар. Реальность же показывает, что успех собственного бизнеса, по оценкам экспертов, составляет от 1 до 5% и зависит от реального опыта предпринимателя, эффективности бизнеса, налаженных связей [Соколов 2017].

С одной стороны, время очередной смены направления вектора общественного развития напоминает ситуацию американского общества в 1960-е гг., когда оно «жаждало новых идей и новых лидеров, и тысячи молодых людей шарахались от одного «духовного учителя» к другому», стремясь к преобразованию личности [Большаков 2004]. Всесторонний анализ «самих себя» рассматривается как путь к пониманию реальных характеристик и особенностей нашего общества и государства, а также возможных альтернатив его прогресса [Возьмитель 2017]. С другой стороны, в дискурсе о личностном прогрессе становится доминантным мнение о том, что отсутствие развития с помощью экспертного наставничества как взрослых, так и детей является следствием ригидных границ понимания развития как естественного и спонтанного процесса в отличие от упорядоченного и систематического подхода к формированию личности.

Тренинги для развития

Наряду с индивидуальными апологетами тех или иных блогеров или консультантов, получили развитие групповые занятия. Такие тренинги стали популярны и отличаются от индивидуальных сессий тем, что создают условия, которые позволяют и стимулируют доступ к ресурсу других участников и их взаимное обучение. В связи с этим, в современном обществе растёт популярность различных групповых тренингов, направленных на личностное развитие в целом или на развитие отдельных навыков. Тренинги становятся доминантным способом саморазвития, а их посещение – одной из значимых социальных практик.

Чему обещают научить на различных тренингах по личному развитию? Изучив коммерческие предложения тренингов различных форматов, выделим некоторые аспекты «увеличения личностного потенциала» и «фиксируемые результаты в жизни человека» как цели прохождения тренинга:

¹ Лендинг пейдж – посадочная страница сайта, где посетители могут оставить свои данные для связи.

- развитие внутренней и внешней свободы, уменьшение числа штампов и зажимов;
- повышение самооценки, уверенности в себе;
- развитие воображения, умения нестандартно, оригинально мыслить;
- повышение поисковой активности, ориентация на активную позицию;
- развитие навыков самопрезентации, смены убеждений собеседника, работа с возражениями, рефрейминг;
- возможность улучшить качество работы, повысить заработную плату;
- повышение мотивации, тайм-менеджмент;
- развитие карьеры, профессиональных качеств;
- повышение уровня финансовой безопасности, основанной на специальных знаниях особенностей поведения человека в деловой среде;
- развитие понимания своих сильных качеств для перехода на новый уровень финансового благополучия;
- повышение уровня осознанности.

В последнее время также становится актуальным тренировать эмоциональный интеллект – способность распознавать и управлять своими эмоциями и эмоциями партнёра по коммуникации, а также осуществлять «подбор нужной, подходящей субличности для разных коммуникативных ситуаций», заодно развивая, например, «умение с первого взгляда определять мошенников и создавать надёжную защиту». Кроме того, растёт популярность лайф-коучинга, целью которого является помощь в частной жизни, включая область семейных отношений и личного самочувствия в состоянии стресса или плохого настроения по утрам.

Различные мотивы используются для создания и поддержания потребности в тренинге. Так же, как риторика автодилеров мастерски превращает «подержанный автомобиль» в авторитетный «автомобиль с пробегом», риторика тренеров и консультантов конвертирует понятие «затраты» (денег и времени) в «инвестиции» (вклад денег и времени в «улучшенную версию» себя)¹. Вкладывая ресурсы (деньги, время, усилие) в приобретение определённого товара или услуги, потребитель получает ряд бенефиций на уровне ценностей [Котлер 2015]. Какую ценность получает потребитель тренингов по личностному и профессиональному развитию?

Удовлетворение профессионального запроса. Некоторые компании в своих нормативных документах в настоящее время в пункте о продвижении по карьерной лестнице указывают, что повышение по службе получают только те сотрудники, которые регулярно проходят обучение. Кроме того, они могут получить премию, приз или право участвовать в новом проекте, работать на новом оборудовании.

¹ Блог тренера Надежды Бондаренко. 2014. Как продать тренинг в компанию. Пять популярных возражений на переговорах с заказчиком. URL: <https://blogtrenera.ru/noname/2432.html> [Дата посещения: 25.10.2018].

Новизна. Существует ряд людей, постоянно находящихся в поиске новых образовательных и социально-культурных образцов и увлекающихся чем-то неизвестным и неожиданным для себя. Они захвачены новаторскими идеями, и посещение тренингов для новаторов является ответом на их поиски.

Работа со своими личностными проблемами. Попытки повышения самооценки, избавления от страхов, построения стратегии достижения личных целей, улучшения здоровья и многое другое, что могло бы привести к личной успешности, душевному комфорту или хорошим отношениям являются не меньшей ценностью, чем материальные приобретения, такие как дом или автомобиль.

Престиж и статус. Для определённой группы людей посещение тренингов является престижным маркером социального достижения и своего рода демонстрационным потреблением.

Стимулом к посещению тренингов становятся рекомендации друзей и знакомых. *«Подруга зовёт сходить с ней на тренинг «личностного роста». Она там занимается уже месяц, и ей безумно нравится. Приглашает меня. Говорит, что и карьера вверх пойдёт, и отношения наладятся. У меня как раз с мужем кризис в отношениях, ругаемся часто. Да ещё и со свекровью отношения испортились. Вот и думаю, может сходить».* Там же: *«Самый простой и лёгкий способ заставить человека пойти на тренинг – действовать через «слушателей». Если мой коллега, к мнению которого я прислушиваюсь, начнёт положительно отзываться о тренинге, а если ещё и в «работе» увижу «плюсы»... – я на тренинг...»¹.*

Кроме того, триггером для посещения тренинга является недовольство текущими обстоятельствами жизни. В личном блоге тренера Надежды Бондаренко, например, такая ситуация описывается как «сытый хлеба не ищет» и ведёт к обсуждению приёмов выяснения и формирования потребностей клиента². Предрасположенность к получению внешней помощи возникает в проблемной ситуации, когда вопрос о личностном росте становится актуальным вследствие недовольства существующим положением дел, воспоминания о личной неудаче. У потенциального клиента создаётся общий фон неудовлетворённости текущим состоянием, который ведёт к формированию потребности найти решение для сложившейся ситуации [Коренькова 2018]. Желание расти возникает как следствие недовольства, обесценивания собственных достижений на фоне историй успеха других людей. Проведённые журналом «Слэйт» (США) исследования социальных сетей показали, что просмотр снимков, свидетельствующих об успешности, о красивой, насыщенной жизни, о счастье, материальном благополучии, наличии

¹ Идти ли на тренинги «личностного роста»? // Woman.ru. Форум. URL: <http://www.woman.ru/psycho/personality/thread/4288796/> [Дата посещения: 25.10.2018].

² Блог тренера Надежды Бондаренко. 2011. Как сформировать потребность у клиента? Метафорическая фасилитация. URL: <https://blogtrenera.ru/blog/kak-sformirovat-potrebnost-u-klienta-metaforicheskaya-delovaya-igra-sytyj-xleba-ne-ishhet.html> [Дата посещения: 25.10.2018].

семьи и т. п. у других пользователей, например, в Инстаграме, ведёт к возникновению негативных эмоций и даже депрессивных состояний¹. Объясняется это тем, что пользователи обычно выкладывают снимки, формирующие картинку «идеальной жизни», которая начинает угнетать других пользователей, не способных соответствовать подобным стандартам [Козлова 2014]. Возникшее в итоге чувство зависти, несостоятельности и неблагополучия мотивирует пользователей к обретению быстрых результатов перемены в жизни. Зачастую проблема раскрытия личного потенциала обостряется страхом упущенных возможностей, ситуация выбора в личной и профессиональной сферах жизни понимается как нестабильная конструкция, в которой тренинг выступает единственным средством спасения от негативных эмоций.

Ещё одной причиной посещения тренингов стали особенности нашего общества, главными характеристиками которого являются высокий темп жизни и большой объём информации. Они ведут к попытке «экономить» время и силы, доверяться тем, кто позиционируют себя экспертами в актуальных сферах жизни: *«Современный человек имеет доступ к огромному количеству информации и большой спектр траекторий для профессионального и личностного выбора. В таких условиях человека пугает вероятность жить затратно или нерационально. Говоря «затратно», я подразумеваю как финансово, так и по времени. Именно поэтому люди готовы прислушаться к тому, кто может задать им эффективное направление»*².

Удержание клиента является не менее важным, чем его привлечение. Одним из способов может стать создание эмоциональной зависимости от тренера или группы. Люди покидают тренинг с ощущением эйфории и заметного прилива сил. Но постепенно под бременем повседневных дел и забот эти яркие чувства проходят, и подсознание требует обновления эмоций, связанных с прохождением тренинга. Часть слушателей подсаживаются на «безрезультатные, но эмоциональные тренинги, и увлекают своё окружение туда же» [Барменков 2017]. Популярным способом создания необходимости одной или нескольких повторных консультаций с тренером стало формирование «Личного плана развития» обучаемого и контроль его выполнения, требующий нескольких встреч с консультантом после окончания тренинга. Эффективность тренинга подразумевает, что он проведён качественно, достигнуты поставленные цели, оправданы затраты на обучение и получена практическая ценность – новые знания и навыки, которые применяются в личной и профессиональной сферах жизни человека. Получение и оценка эмпирически верифицируемых результатов тренингов существенно затруднены, особенно в случае тренингов личного развития. Если после бизнес-тренинга для организации можно судить о результате по повышению успеш-

¹ Названа самая депрессивная социальная сеть // Newsru.com. Технологии. URL: <https://hitech.newsru.com/article/25jul2013/instagram> [Дата посещения: 25.10.2018].

² Одиннадцать оригинальных способов привлечения людей на тренинг. 2008 // Livejournal. URL: <https://colscy.livejournal.com/24900.html> [Дата посещения: 25.10.2018].

ности работы в связи с изменением поведения её сотрудников, то восприятие результатов личностного развития остаются субъективными. В лучшем случае, в отличие от ложной и инфантильной идеи «быстрых изменений», качество тренинга могут показать только реальные постепенные изменения жизни в лучшую сторону, когда человек действительно начинает демонстрировать развитие навыков, приобретение знаний, обретение уверенности в себе и т. п. Пользу тренингов можно видеть и в том, что они приводят к размышлению над жизненными целями и смыслом собственной жизни, помогают завязать полезные знакомства, найти единомышленников и друзей.

Наряду с положительными результатами тренингов, существует и ряд присущих им недостатков. Одной из популярных идей современного консультирования разного толка является идея «сильных сторон». Она зачастую однобоко воспринимается субъектами тренингов как отказ от работы со своими дефицитарными способностями. Анализ неудач заменяется визуализацией желаний или аффирмациями. В результате формируется позитивное самовосприятие, отказ от корректировки своих слабых сторон, без чего дальнейшее улучшение попросту невозможно.

Отсутствие индивидуального подхода приводит к тому, что тренинги «гребут всех под одну гребёнку» и «уравнивают всех» – бизнесменов, учителей, домохозяек, студентов и т. п. Теория развития Выготского, напротив, категорически потребовала индивидуализирования объекта [Лучков, Певзнер 1981]. Когда тренер призывает выйти за рамки привычного существования, профессиональный бэкграунд бизнесмена удержит его от радикальных поступков, однако нередко случаи подобных действий со стороны менее зрелых в профессиональном, моральном и физическом смысле людей после тренингов. Например, таких как продажа квартиры, стремительный переезд, выбрасывание мебели или гардероба и тому подобные акты «обновления» своих жизненных обстоятельств.

Некоторые выводы

Человеческая психика весьма индивидуальна, и упражнения для неё должны быть подобраны с учётом всех индивидуальных особенностей. Суггестивные упражнения, с помощью которых тренеры пытаются сделать лидеров и ярких собеседников одновременно из разных людей, подвергая их одинаковым стрессовым и ролевым ситуациям, не могут иметь одинаковый эффект у разных типов личности. Для некоторых людей подобные методики могут послужить усугублением негативных симптомов (например, в группе риска находятся меланхолики).

Всё вышесказанное является отчётливым признаком того, что в российской культуре прижились понятия тренинга и роли тренера, личного наставника на новом уровне своего функционирования. Данная область социальных практик – быстро и неравномерно растущая область

деятельности, которая, несмотря на стадию формирования, имеет высокую популярность. Тотальная спешка, множественность выбора и выработавшийся паттерн общества консюмеризма – покупать решение за деньги, привели к необходимости быстрого решения проблемы в противоположность накоплению опыта и поступательному развитию по мере прожитых лет.

Библиографический список

Авраменкова В. В. 2002. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребёнка в мире // Вопросы психологии. № 1. С. 3–16.

Аксенова О. В., Халий И. А. 2018. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. № 24. С. 13–26. URL: <http://www.vestnik-isras.ru> [Дата посещения: 25.10.2018].

Барменков Е. 2017. Иллюзия развития: чем опасны тренинги личностного роста // Forbes. 15.06.2017. URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/345795-illyuziya-razvitiya-chem-opasny-treningi-lichnostnogo-rosta> [Дата посещения: 25.10.2018].

Белик А. А. 2009. Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие. М.: РГГУ. 613 с.

Большаков К. 2004. Тренируй и властвуй // Коммерсантъ Деньги. № 36. С. 80–85. <https://www.kommersant.ru/doc/504616> [Дата посещения: 18.10.2018].

Возьмитель А. А. 2017. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. № 23. С. 13–44. URL: <http://www.vestnik-isras.ru> [Дата посещения: 25.10.2018].

Дубовка Д. Г. 2017. Сила слова старца: механизм осуществления харизматической власти // Антропологический форум. № 33. С. 36–64. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru> [Дата посещения: 25.10.2018].

Ефремова М. В., Чкалова О. В., Бошман Т. К. 2015. Анализ российского рынка фитнес-услуг // Экономический анализ: теория и практика. № 21 (420). С. 25–37.

Игнатъев А. И., Куличкина М. В. 2017. «Instagram» как эффективная площадка для продвижения товаров и услуг // Студенческий форум: электрон. научн. журн. № 7 (7). С. 64–68. URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud> [Дата посещения: 25.10.2018].

Козлова Н. С. 2014. Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый. № 16. С. 387–390. URL: <https://moluch.ru/archive/75/12840/> [Дата посещения: 25.10.2018].

Коренькова М. М. 2018. Популярность личных тренингов // Омские социально-гуманитарные чтения–2018: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ. С. 57–62.

Котлер Ф. 2015. Основы маркетинга. 5-е европейское изд. / Ф. Котлер, А. Гари. М.: Вильямс. 752 с.

Лучков В. В., Певзнер М. С. 1981. Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии // Вестник Московского Университета. Серия 14. «Психология». № 4. С. 60–70. URL: <http://msupsyj.ru> [Дата посещения: 25.10.2018].

Нисская А. К. 2016. Дошкольная образовательная среда как условие эффективного перехода к обучению в школе // Современное дошкольное образование. Теория и практика. № 4. С. 50–57. URL: <sdo-journal.ru> [Дата посещения: 25.10.2018].

Олексенко А. И. 2007. Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский – П. А. Флоренский: несостоявшийся диалог. Приглашение к диалогу М.: Прогресс-Традиция. 666 с.

Соколов М. 2017. Почему «взлетает» только 1% стартапов — и это нормально // Forbes. 23.03.2017. <http://www.forbes.ru/tehnologii/339113-pochemu-vzletaet-tolko-1-startapov-i-eto-normalno> [Дата посещения: 25.10.2018].

Weber M., Roth G., Wittich C. 1978. Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press. 1470 p.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.575

The Need for Professional and Personal Mentorship in Modern Society

Marianna M. Korenkova

National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: mkorenkova@hse.ru

For citation: Korenkova, M. M. The need for professional and personal mentorship in modern society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 45–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.575>

Abstract. Due to large scale transformations in modern society, serious changes have occurred in the lifestyle of Russian people. Said changes have affected both the material and the moral-value side of modern life. This article examines the recently established trend towards following expert opinion when making choices and decisions, both when it comes to the consumer and the professional aspect of the life of young and middle-aged Russians. An increased amount of information and a fast pace of living have increased professional and personal requirements when it comes to employment or joining a social group – including a family – which leads to an increased demand for expert opinion and consulting services. Additionally, this article examines styles and means of personal development as new social practices in modern society. The understanding of development as being a natural and spontaneous process gives way to a new approach towards personality formation as being a process of orderly and systematic development, it being a result of intentional adherence to expert opinion and attending various training seminars aimed at personal and professional growth. This article gives a short analysis of websites which offer consulting services in various fields of personal and professional life, while also evaluating premises and means of creating motivation for resorting to paid expert services in the field of personal growth, as well as the effectiveness of the services being offered. The author comes to the conclusion that there is relatively high demand for those consulting services offered by personal growth coaches, bloggers who cover the subject, personal trainers at gyms, leading YouTube channels, and opinion leaders on social media. Despite there not being a way to verify the results of these services, they still remain quite popular. Personal mentorship, having a personal trainer, coach, mentor, therapist or spiritual father is regarded by a certain group of the population to be an essential part of their lives, and is even elevated to being something of prestige.

Keywords: personal development, training, coach, personal trainer, blogger.

References

- Avramenkova V. V. Social psychology of childhood in the context of the development of the relationship of the child in the world. *Voprosy psihologii = Questions of Psychology*. 2002; 1:16–21 (In Russ.).
- Aksenova O. V., Khaliy I. A. Modern Development. Towards Designating a Research Topic. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018; 24:13–26 (In Russ.).
- Barmenkov E. The illusion of development: the danger of personal development training. Forbes website. Release 15. 06. 2017. URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/345795-illyuziya-razvitiya-chem-opasny-treningi-lichnostnogo-rosta> [accessed 04.05.2019] (In Russ.).
- Belik A. A. Cultural (social) anthropology. Moscow, 2009. 202 p. (In Russ.).
- Bolshakov K. Train and Conquer. *Kommersant – Den’gi = Kommersant – Money*. 2004; (36):80–85.
- Voz’mitel A. A. Conceptual foundations of the sociology of lifestyle. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2017; 23:13–44 (In Russ.).
- Dubovka D. G. The power of the old man’s word: a mechanism for the exercise of charismatic power. *Antropologicheskii forum = Anthropologic Forum*. 2017; 33:36–64 (In Russ.).
- Efremova M. V., Chkalova O. V., Boshman T. K. Analysis of the Russian market of fitness services. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2015; 21(420):25–37 (In Russ.).
- Ignatyev A. I., Kulichkina M. V. Instagram as an effective platform for the promotion of goods and services. *Studenchesky forum = Student’s Forum*. 2017; 7:64–68 (In Russ.).
- Kozlova N. S. The social network “Instagram” as a socio-psychological phenomenon. *Molodoy ucheniy = The Young Scientist*. 2014; 16:387–390 (In Russ.).
- Korenkova M. M. The popularity of personal training. In: *Omskie social’no-gumanitarnye chteniya–2018 = Omsk social and Humanitarian Readings*. Omsk: Omsk State Technics University publ., 2018:57–62 (In Russ.).
- Kotler F. Basics of marketing. Moscow: Williams, 2015. 752 p. (In Russ.).
- Luchkov V. V., Pevzner M. S. The value of the theory of L. S. Vygotsky for psychology and defectology. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14 “Psihologiya” = Moscow University Bulletin. Ser. 14 “Psychology”*. 1981; 4:60–70 (In Russ.).
- Nisskaya A. K. Preschool educational environment as a condition for an effective transition to schooling. *Sovremennoe doshkol’noe obrazovanie: Teoriya i praktika = Modern Preschool Education: Theory and Practice*. 2016; 4:50–57 (In Russ.).
- Oleksenko A. I. Anthropological matrix of the twentieth century. L. S. Vygotsky – P. A. Florensky: a failed dialogue. Invitation to the dialogue. Moscow: Progress-Tradiciya, 2007. 666 p. (In Russ.).
- Sokolov M. Why only 1% of startups “take off” – and this is normal. Forbes website. Release 23. 03. 2017. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/339113-pochemu-vzletaet-tolko-1-startapov-i-eto-normalno> [accessed 04.05.2013] (In Russ.).
- Weber M., Roth G., Wittich C. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. 1470 p.

СРЕДНИЙ КЛАСС: АВТОРСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.576

Средние классы в социальной структуре занятого населения в России

Ссылка для цитирования: Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Средние классы в социальной структуре занятого населения в России // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 58–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>

For citation: Bobkov, V. N.; Odintsova, E. V. Middle classes in the social structure of Russia's working population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 58–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>

Бобков Вячеслав Николаевич

Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

bobkovvn@mail.ru

Одинцова Елена Валерьевна

Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН,
Москва, Россия

odin_ev@mail.ru

Средние классы в социальной структуре занятого населения в России

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследования состава и масштабов российских средних классов, формируемых из числа занятого населения. Основу исследования составила оригинальная авторская методология, развивающая многокритериальный подход к идентификации социальной структуры общества по уровню и качеству жизни и выявлению в её составе средних классов. Определение потенциала формирования средних классов среди занятого населения, их качественная и количественная идентификация при использовании комплекса объективных и субъективных характеристик проводилась на основе сопоставления фактических значений со специально разработанными социальными стандартами. Данные стандарты фиксируют нормативные требования к уровню образования, положению в сфере занятости, уровню душевых денежных доходов, объёму сбережений, уровню доходов от основной занятости и обеспеченности недвижимым имуществом, а также к соответствующим параметрам качества и уровня жизни, определённым через их субъективное оценивание. Исследование позволило выявить, что масштабы средних классов в структуре занятого населения не достигают 25%. При этом только порядка 2% занятых могут быть идентифицированы в качестве ядра средних классов, а ещё 21% концентрируются в расширенном ядре и периферии. В статье показано, что потенциально, имея необходимое положение в сфере занятости и уровень образования, средние классы могла бы составить более массовая группа работников. Но, учитывая невысокий уровень материально-имущественной обеспеченности занятых и их домохозяйств, а также несоответствие субъективным идентификационным признакам, значительная доля работников остаётся за рамками средних классов. Авторами рассматриваются основные причины, приводящие к более низким совокупным количественным оценкам границ средних классов. Определены масштабы «потерь» потенциальной численности средних классов, связанные с особенностями реализации в сфере занятости образовательного потенциала работников, с уровнем материально-имущественной обеспеченности и субъективными оценками качества и уровня жизни работников, идентифицирующих потенциал средних классов по своему положению в сфере занятости и уровню образования.

Ключевые слова: средние классы, занятое население, образование, положение в сфере занятости, материально-имущественная обеспеченность, субъективные оценки, идентификационные критерии, социальные стандарты, потенциал средних классов

Национальные цели и стратегические задачи, определённые на период до 2024 г. в Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г.¹ для осуществления прорывного социально-экономического развития России, повышения уровня жизни и обеспечения устойчивого роста реальных доходов населения, улучшения жилищных условий российских семей, создания комфортных условий для проживания, позволяют предполагать, что поставленная в своё время задача увеличения численности средних классов не ушла из повестки российской социальной политики. Данный ориентир долгосрочного развития нашей страны был зафиксирован в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.² и Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.³, однако чётко обоснованных и формализованных критериев, идентифицирующих средние классы и позволяющих отслеживать реализацию поставленной задачи, в них предложено не было. Результаты исследований, проведённых с применением различных критериев, дающих возможность комплексно идентифицировать средние классы и проводить анализ их положения с учётом тех или иных аспектов уровня и качества жизни [Малева и др. 2015; Бобков и др. 2018], показывают, что обозначенная в данных стратегических документах задача увеличения представительства средних классов в социальной структуре российского общества продолжает оставаться актуальной.

В этой связи большое значение приобретает не только выявление численности и состава средних классов, но и не в меньшей степени определение основных «барьеров» и «ограничений» для их расширения. В рамках данной публикации соответствующие задачи решаются на основе авторского подхода к определению критериев для выявления средних классов, установлению критериальных границ, определяющих принадлежность к ним, и решению других методологических вопросов.

В статье обобщаются основные результаты реализованного авторами исследования, посвящённого выявлению средних классов в составе занятого населения. Эмпирическую базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, а также данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ)⁴. В статье приводятся данные по 2016 г., который

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года // Собрание законодательства Российской Федерации № 20, ст. 2817: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002018020000&docid=4> [Дата посещения: 05.04.2019].

² Распоряжение Правительства Российской Федерации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. №1662-р // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009 [Дата посещения: 04.05.2013].

³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ [Дата посещения: 04.05.2013].

⁴ 4 «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>).

являлся базовым для проведения оценивания. Анализ динамики средних классов в период 2016–18 гг., проведённый авторами, не выявил существенных изменений.

Методологические особенности исследования средних классов

Для выявления представителей средних классов из числа занятого населения авторы опираются на концепцию многокритериальной идентификации, что находит применение и в других исследованиях (отечественных и зарубежных), направленных на выявление средних классов [Российское общество... 2016; Малева и др. 2015; Российские средние классы... 2008; Авраимова; Wright 2000; Erikson et al. 1979; Weber 1978]), и проводят оценивание на основе объективных и субъективных, материальных и нематериальных характеристик занятых. Отличительные особенности авторского подхода к идентификации средних классов заключаются в следующем.

Во-первых, рассматривается не средний класс, а *средние классы, понимаемые как социальные слои внутри общественных классов* наёмных работников, работодателей, предпринимателей, не являющихся работодателями, или социальной группы самозанятых работников [Средние классы... 2018: 10].

Во-вторых, *использован нормативный подход*, предполагающий сопоставление фактических параметров уровня и качества жизни с требованиями к ним социальных стандартов. С учётом этого для каждого из используемых критериев (см. таблицу 1) обоснованы соответствующие социальные стандарты, идентифицирующие принадлежность к средним классам.

В-третьих, в рамках каждого из нормативных критериев используются две-три критериальных границы для целей идентификации, чтобы выделить представителей средних классов, а среди них – представителей их ядра. Так, применительно к таким объективным нормативным критериям, как образование, положение в сфере занятости, сбережения, обеспеченность недвижимым имуществом, а также к субъективному критерию, были обоснованы 1) *социальные стандарты первого уровня*, которые фиксируют минимально необходимые требования для отнесения к средним классам, и 2) *социальные стандарты второго уровня*, определяющие необходимые требования для выявления ядра средних классов в рамках конкретного критерия. Для критериев душевых денежных доходов и доходов от основной занятости обоснованы и установлены нижняя и верхняя нормативные границы стандартов доходов для выявления представителей средних классов и средняя – для идентификации их ядра.

Требования социальных стандартов для идентификации средних классов применительно к немонетарным нормативным критериям конкретизированы в таблице 1.

Таблица 1

**Немонетарные нормативные критерии и социальные стандарты
для идентификации средних классов**

*Non-monetary standard criteria and social standards
for identification of middle classes*

Уровень социальных стандартов	Требования социальных стандартов
1. Нормативный критерий образования	
Социальный стандарт первого (минимального) уровня	Наличие образования не ниже среднего профессионального
Социальный стандарт второго уровня	Наличие образования не ниже высшего
2. Нормативный критерий положения в сфере занятости	
2.1. Для работающих по найму	
Социальный стандарт первого (минимального) уровня	Наличие занятости по найму, требующей образования не ниже среднего профессионального: специалисты среднего уровня квалификации и военнослужащие не офицерского состава
Социальный стандарт второго уровня	Наличие занятости по найму, требующей образования не ниже высшего: руководители, специалисты высшего уровня квалификации и офицеры действительной военной службы
Уровень социальных стандартов	Требования социальных стандартов
2.2. Для работающих не по найму	
Социальный стандарт первого (минимального) уровня	Наличие занятости в качестве индивидуального предпринимателя или самостоятельно занятого
Социальный стандарт второго уровня	Наличие статуса работодателя, т. е. наличие у занятых не по найму наёмных работников
3. Нормативный критерий обеспеченности недвижимым имуществом	
Социальный стандарт первого (минимального) уровня	Жилище (основное жильё) должно удовлетворять следующим требованиям: размер общей площади жилого помещения от 23 до 40 кв. м. на чел.; наличие не менее 1 комнаты на члена домохозяйства; наличие горячего водоснабжения, централизованного водоснабжения, центрального отопления, централизованной канализации, ванны/душа, кухонной плиты (газовой или электрической), доступа в интернет
Социальный стандарт второго уровня	Наличие другого недвижимого имущества помимо основного жилья: наличие квартиры/дома, части квартиры/дома, дачи и т. п.
4. Субъективный критерий	
Социальный стандарт первого (минимального) уровня	Соответствие необходимым требованиям по 2-м из 3-х параметров субъективного критерия: 1) самооценка профессионально-квалификационной позиции; 2) самооценка уровня доходов от основной занятости; 3) самооценка уровня материально-имущественной обеспеченности
Социальный стандарт второго уровня	Соответствие всем 3-м параметрам субъективного критерия: 1) самооценка профессионально-квалификационной позиции; 2) самооценка уровня доходов от основной занятости; 3) самооценка уровня материально-имущественной обеспеченности

Источник: составлено авторами на основе [Средние классы... 2018: 64–124].

Отметим, что требования стандартов критерия *положения в сфере занятости* дифференцированы для наёмных работников и занятых не по найму. При этом, устанавливая требования социальных стандартов для группы занятых по найму, авторы исходили из необходимости взаимосвязи с требованиями стандартов образования, что позволяет избежать растративания потенциала формирования и идентификации средних классов. Положение в сфере занятости, адекватное стандартам идентификации средних классов, должно быть подкреплено соответствующим уровнем образования; и, наоборот, имеющийся образовательный потенциал, отвечающий стандартам выявления средних классов, должен получить соответствующую реализацию в сфере занятости [Средние классы... 2018: 70].

Для монетарных критериев были определены следующие идентификационные требования в рамках стандартов.

Нормативные границы стандартов денежных доходов, идентифицирующие представителей средних классов, были обоснованы с применением математических моделей – логарифмически нормального распределения плотности населения по уровню среднемесячных среднедушевых денежных доходов $f(x)$ и логарифмически нормального распределения плотности объёма денежных доходов населения по уровню среднемесячных среднедушевых денежных доходов $\varphi(x)$; определением для них статистических информативных показателей: модального, медианного и среднего значений [Бобков и др. 2018]. Таким образом было обосновано, что средние классы по уровню денежных доходов локализируются в границах от 3,1 ПМ (среднее значение денежных доходов X_{fc} – нижняя нормативная граница) до 11 ПМ¹ (верхняя нормативная граница). Для идентификации ядра средних классов по данному критерию была установлена средняя нормативная граница, соответствующая 4,2 ПМ (медианное значение $XX_{\varphi med}$).

По критерию *сбережений* определены качественные требования к их объёму. На минимально необходимом уровне для отнесения к средним классам (социальный стандарт первого (минимального) уровня) – это наличие сбережений, объём которых позволит сохранить привычный уровень потребления в течение нескольких месяцев и дольше в случае потери всех источников доходов. Более высокие требования для идентификации в качестве ядра средних классов по данному критерию (социальный стандарт второго уровня) предполагают необходимость наличия сбережений, объём которых при необходимости достаточен для покрытия расходов, сопоставимых с расходами на приобретение жилья [Средние классы... 2018: 91–94].

Для критерия *доходов от основной занятости* нижняя, средняя и верхняя нормативные границы стандартов определялись на основе нормативных границ душевых денежных доходов таким образом, чтобы с учётом наличия нагрузки по содержанию детей и возможности разделить данную нагрузку между работающими родителями они позволяли бы вывести душевые денежные доходы в домохозяйствах на уровень стандартов средних классов [Средние классы... 2018: 94–100]. При рас-

¹ Граница была обоснована в более ранних исследованиях и определена на основе потребительского бюджета высокого достатка [Качество и уровень жизни... 2007].

чётах использовалась шкала эквивалентности для учёта экономии при совместном ведении хозяйства и специфика региона проживания для учёта межрегиональных различий в уровне жизни.

В-четвёртых, нормативные критерии для определения принадлежности к средним классам не рассматриваются авторами в качестве равнозначных. Предложено *различать критерии по своей функциональности* для целей выявления средних классов. В рамках исследования идентификационные критерии были дифференцированы на две группы.

Первая группа включает т. н. *приоритетные критерии*, к которым отнесены критерии, учитывающие положение в сфере занятости и уровень образования, рассматриваемые в качестве определяющих при формировании средних классов. Предполагается, что подкреплённое опытом работы образование должно позволить получить соответствующее положение в сфере занятости. Оно, в свою очередь, должно позволить занятым обеспечить материально-имущественное положение, отвечающее стандартам средних классов, и, как следствие, соответствие их самоидентификационным признакам. Остальные из используемого комплекса критериев рассматриваются в качестве «производных» от приоритетных критериев и отнесены ко второй группе т. н. *аналитических критериев* [Средние классы... 2018: 15–16].

В-пятых, количественная идентификация проводится на двух уровнях. Первый, базовый уровень связан с оценкой *потенциала формирования средних классов*. Данный потенциал идентифицируется процентом занятых, удовлетворяющих требованиям социальных стандартов в рамках отдельных нормативных критериев (или их комбинации – для приоритетных критериев). В составе потенциала средних классов с учётом соответствия социальным стандартам выделяются ядро¹ и периферия². Это позволяет выявлять сферы уровня и качества жизни, в которых локализируются потери возможной численности средних классов, обуславливая более низкие их масштабы при совокупном многокритериальном оценивании.

На втором уровне количественной идентификации средних классов проводится *многокритериальное оценивание* их масштабов и их идентификация как составной части социальной структуры, что реализуется на основе следующих критериев (с учётом трансформации отдельных нормативных критериев в интегрированные критерии) [Средние классы... 2018: 146–148]:

– *интегрированный приоритетный критерий*, который идентифицирует занятых с образованием и положением в сфере занятости, соответствующих требованиям стандартов первого (минимального) и/или второго уровня;

¹ При соответствии требованиям стандартов второго уровня. Для критериев, предполагающих оценку денежных доходов, – при уровне душевых денежных доходов в домохозяйствах, доходов от основной занятости, находящихся в пределах средних и верхних нормативных границ стандартов.

² При соответствии требованиям стандартов первого уровня. Для критериев, предполагающих оценку денежных доходов, – при уровне душевых денежных доходов в домохозяйствах, доходов от основной занятости, находящихся в пределах нижних и средних нормативных границ стандартов.

– *интегрированный критерий материально-имущественной обеспеченности*, который идентифицирует занятых, соответствующих не менее чем двум из трёх критериев: доходы от основной занятости (должны находиться в пределах нижней и верхней идентификационных нормативных границ), а также сбережения и обеспеченность недвижимым имуществом (должны отвечать требованиям стандартов не ниже первого (минимального) уровня);

– *субъективный критерий*, который идентифицирует занятых, соответствующих требованиям стандарта не ниже первого (минимального) уровня.

Занятые идентифицируются в качестве представителей средних классов при соответствии необходимым требованиям как минимум по двум из трёх выделенных критериев, при этом одним из них должен быть интегрированный приоритетный критерий.

Многокритериальная идентификация средних классов

Соответствие представителей средних классов требованиям нормативных критериев, применяемых для многокритериальной идентификации, представлено в таблице 2.

Таблица 2

Характеристики представителей средних классов на основе требований нормативных критериев идентификации
Characteristics of the middle class representatives on the basis of requirements of standard criteria of identification

Состав средних классов	Характеристики занятых, включённых в средние классы
<p>Ядро (2,3% занятых)</p>	<p>Интегрированный приоритетный критерий 1). Образование и положение в сфере занятости отвечают требованиям социальных стандартов второго уровня; 2). Образование отвечает требованиям стандарта второго уровня, а положение в сфере занятости – социальному стандарту первого минимального уровня; положение в сфере занятости отвечает требованиям стандарта второго уровня, а образование – социальному стандарту первого минимального уровня</p>
	<p>Интегрированный критерий материально-имущественной обеспеченности Материально-имущественная обеспеченность отвечает не менее двум из трёх критериев: 1) доходы от основной занятости находятся в пределах нижней и верхней идентификационных нормативных границ; 2) сбережения отвечают требованиям стандарта не ниже первого (минимального) уровня; 3) обеспеченность недвижимым имуществом отвечает требованиям стандарта не ниже первого (минимального) уровня</p>
	<p>Субъективный критерий Отвечают требованиям не менее двух из трёх параметров: 1) самооценка профессионально-квалификационной позиции; 2) самооценка уровня доходов от основной занятости; 3) самооценка уровня материально-имущественной обеспеченности</p>

Продолжение таблицы 2

Состав средних классов	Характеристики занятых, включённых в средние классы
Расширенное ядро (9,8% занятых)	<p>Интегрированный приоритетный критерий Образование и положение в сфере занятости отвечают требованиям социальных стандартов второго уровня</p>
	<p>Интегрированный критерий материально-имущественной обеспеченности и субъективный критерий Отвечают необходимым требованиям (см. «Ядро») или по своей материально-имущественной обеспеченности или по субъективному критерию</p>
	<p>Интегрированный приоритетный критерий Образование и положение в сфере занятости отвечают требованиям социальных стандартов первого минимального уровня</p> <p>Интегрированный критерий материально-имущественной обеспеченности Материально-имущественная обеспеченность отвечает не менее двум из трёх критериев: 1) доходы от основной занятости находятся в пределах нижней и верхней идентификационных нормативных границ; 2) сбережения отвечают требованиям стандарта не ниже первого (минимального) уровня; 3) обеспеченность недвижимым имуществом отвечает требованиям стандарта не ниже первого (минимального) уровня</p> <p>Субъективный критерий Отвечают требованиям не менее двух из трёх параметров: 1) самооценка профессионально-квалификационной позиции; 2) самооценка уровня доходов от основной занятости; 3) самооценка уровня материально-имущественной обеспеченности</p>
Периферия (11,2% занятых)	<p>Интегрированный приоритетный критерий Образование отвечает требованиям стандарта второго уровня, а положение в сфере занятости – социальному стандарту первого минимального уровня; положение в сфере занятости отвечает требованиям стандарта второго уровня, а образование – социальному стандарту первого минимального уровня;</p> <p>Образование и положение в сфере занятости отвечают требованиям социальных стандартов первого минимального уровня</p> <p>Интегрированный критерий материально-имущественной обеспеченности и субъективный критерий Отвечают необходимым требованиям (см. «Ядро») или по своей материально-имущественной обеспеченности или по субъективному критерию</p>

Источник: составлено авторами на основе [Средние классы... 2018: 148–152].

Применение предложенной авторами методологии показало, что из числа занятого населения *только 23% могут быть идентифицированы в качестве представителей средних классов*. При этом всем трём критериям, определённым для многокритериального оценивания, соответствуют лишь около 2% занятых (9,9% занятых, отнесённых к средним классам), являющихся ядром средних классов. Основная же часть занятых, составляющих средние классы (более 80%), локализуется в расширенном ядре – 9,8% (42% занятых, отнесённых к средним классам) и периферии – 11,2% (48,1% соответственно).

Состав занятых, формирующих средние классы, может быть охарактеризован следующим образом. Ядро средних классов представлено двумя группами занятых. К первой группе отнесены те, кто при соответствии требованиям интегрированного критерия материально-имущественной обеспеченности и субъективного критерия имеют образование и положение в сфере занятости, удовлетворяющие требованиям социальных стандартов второго уровня. Другими словами, данную группу занятых отличает наличие признаков ядра по двум составляющим интегрированного приоритетного критерия.

Ко второй группе занятых, составляющих ядро средних классов, вошли те, чье образование отвечает требованиям стандарта второго уровня при положении в сфере занятости, соответствующем первому минимальному стандарту, и наоборот. По двум другим критериям для многокритериальной идентификации они так же, как и представители первой группы ядра, отвечают необходимым требованиям.

В *расширенном ядре средних классов* также выделяются две группы занятых. К первой группе отнесены занятые, отвечающие социальным стандартам второго уровня на основе образования и положения в сфере занятости и удовлетворяющие требованиям только одного из неприоритетных критериев. Вторую группу формируют занятые, отвечающие требованиям двух неприоритетных критериев, тогда как их образование и положение в сфере занятости удовлетворяют требованиям только стандартов первого минимального уровня.

Периферия средних классов включает занятых, которые по неприоритетным критериям соответствуют нормативным идентификационным требованиям или субъективному оцениванию, или параметрам материально-имущественной обеспеченности. Образование и положение в сфере занятости у данной группы или соответствует минимальным требованиям для идентификации средних классов, или по одному из учитываемых составляющих интегрированного приоритетного критерия отвечают минимальным требованиям, а по другому – достигают требований стандарта второго уровня.

Исследование показало, что *масштабы средних классов*, выявленные по итогам многокритериальной идентификации на уровне 23% от числа занятых, являются *более низкими по сравнению с имеющимися для этого возможностями, которые предоставляет современная структура занятых и их отдельных групп*, определяемая уровнем образования и характеристиками занятости (около 43% от числа занятых). Для существенной доли занятых (около 20%) потенциал, определяемый положением в сфере занятости и образованием, не подкрепляется соответствующей материально-имущественной обеспеченностью. Они также не отвечают необходимым требованиям и по субъективному критерию. В итоге данная группа занятых оказывается за рамками средних классов, составляя на данном этапе резерв для увеличения их численности.

К резерву средних классов также может быть причислена еще одна группа занятых, сопоставимая по численности с первой. Для данной группы характерна обратная ситуация с соответствием критериям

идентификации – они удовлетворяют необходимым требованиям по интегрированному критерию материально-имущественной обеспеченности и/или субъективному критерию, но не достигают минимальных нормативных требований по интегрированному приоритетному критерию, т. е. не имеют необходимого положения в сфере занятости и образования.

Основные ограничения для более массовой представленности средних классов

Основные причины нахождения работников в составе резерва средних классов при проведении их идентификации обусловлены следующим.

1. *Несоответствие образовательного потенциала и его реализации в сфере занятости.* Исследование показало наличие достаточно высокого образовательного потенциала для формирования средних классов в составе занятого населения. Образовательный потенциал средних классов, определяемый долей занятых, преодолевающих минимальные идентификационные требования к образованию (наличие образования не ниже среднего профессионального), достигает порядка 60%. При этом потенциал для формирования ядра средних классов, определяемый наличием образования не ниже высшего (т. е. соответствием требованиям стандарта второго уровня), составляет около трети среди занятых.

Однако учёт их положения в сфере занятости показывает, что выявленный совокупный потенциал (около 60%) по критерию образования, сжимается до 43% от числа работников. Данная группа занятых идентифицирует потенциал средних классов по положению в сфере занятости и образованию, т. е. на основе учёта двух приоритетных критериев (подробнее см. таблицу 3). Масштабы данного потенциала, как показало оценивание, оказываются на 27% меньше, чем при выявлении потенциала только на основе критерия образования.

Выявленные «потери» связаны прежде всего с группой занятых, которые могли бы претендовать на вхождение в состав средних классов, имея необходимый образовательный потенциал, но текущая реализация данного потенциала пока оставила их за рамками средних классов. Эта группа представлена работниками, которые имеют избыточный образовательный потенциал относительно имеющегося положения в сфере занятости: при среднем профессиональном образовании или образовании не ниже высшего они заняты на позициях, где не востребован такой уровень квалификации. У данных работников уровень образования не ниже минимальных требований при положении в сфере занятости, не достигающем минимальных требований для выявления средних классов.

Таблица 3

Масштабы и состав потенциала средних классов на основе требований приоритетных нормативных критериев (в целом по России, 2016 г.)
Scales and structure of the middle classes potential on the basis of requirements of priority standard criteria (% , in Russia as a whole, 2016)

	Потенциал средних классов на основе критериев образования и положения в сфере занятости		
	Ядро	Верхняя группа периферии	Нижняя группа периферии
Масштабы, в % от числа занятых	17,7	13,1	12,5
Состав потенциала	Занятые по найму		
	Руководители, специалисты высшего уровня квалификации, офицеры действительной военной службы с образованием не ниже высшего	1) специалисты высшего уровня квалификации, руководители, а также офицеры действительной военной службы со средним профессиональным образованием; 2) специалисты среднего уровня квалификации, военно- служащие не офицерского состава с образованием не ниже высшего	Специалисты среднего уровня квалификации и военнослужащие не офицерского состава со средним профессиональным образованием
	Занятые не по найму		
	работодатели, имеющие образование не ниже высшего	1) работодатели со средним профессиональным образованием; 2) самозанятые и предприниматели (не относящиеся к работодателям) с образованием не ниже высшего	1) самозанятые и предприниматели (не являющиеся работодателями) со средним профессиональным образованием и ниже; 2) работодатели с образованием ниже среднего профессионального

Источник: составлено авторами на основе [Средние классы... 2018: 126–132].

2. *Несоответствие большей части занятых, составляющих потенциал средних классов по приоритетным критериям образования и положения в сфере занятости, идентификационным нормативным требованиям к материально-имущественной обеспеченности.* Масштабы потенциала средних классов, определяемого на основе оценивания по приоритетным нормативным критериям, выявленные на уровне 43% от занятых в экономике, также можно оценить как достаточно значительные. Однако дополнительный учёт других объективных критериев при много-

критериальной идентификации средних классов выводит за рамки данного потенциала большинство занятых, которые могли бы составить средние классы по своему положению в сфере занятости и образованию.

Так, привлечение критерия доходов от основной занятости для оценки принадлежности к средним классам приводит к тому, что его потенциал, определённый на основе двух приоритетных критериев, сжимается с 43,3% от числа занятых до 11,6%, или почти в 4 раза. Это определяется тем, что только 27% занятых, для которых положение в сфере занятости и образования является достаточным для включения в состав потенциала средних классов, имеют доходы от основной занятости, находящиеся в пределах нормативных границ идентификации средних классов.

У основной же части занятых (более 70%) из числа отнесённых к потенциалу средних классов по приоритетным критериям образования и положения в сфере занятости доходы от основной занятости не достигают минимальной (нижней) нормативной границы, идентифицирующей принадлежность к средним классам. Другими словами, доходы от занятости не могут обеспечить для них душевых доходов на уровне стандартов средних классов: как для работников, у которых имеется нагрузка по содержанию детей с учётом возможности её разделить, так и для работников, у которых данная нагрузка отсутствует.

Аналогичная ситуация была выявлена и по критерию сбережений, также учитываемому при интегральном оценивании соответствия нормативным требованиям при многокритериальной идентификации средних классов наряду с доходами от основной занятости. Среди занятых только около 12% соответствуют необходимым идентификационным требованиям по критерию сбережений, одновременно удовлетворяя требованиям к образованию и положению в сфере занятости. Большинство занятых (более 70%), составляющих потенциал средних классов по приоритетным критериям, не достигают минимальных идентификационных требований, определённых для выявления средних классов.

Для критерия обеспеченности недвижимым имуществом, являющегося третьей составляющей при многокритериальном оценивании принадлежности к средним классам, были выявлены гораздо более существенные несоответствия. По данному критерию около 90% занятых, идентифицированных в качестве потенциала средних классов по критериям образования и положения в сфере занятости, не достигают минимально необходимых требований. Только около 4% занятых, имеющих соответствующее идентификационным требованиям образование и положение в сфере занятости, обеспечены недвижимым имуществом, необходимым для средних классов. В данном случае масштабы потенциала средних классов (43,3%), определённого на основе приоритетных критериев, оказываются в 10 раз ниже.

3. Несоответствие большей части занятых, составляющих потенциал средних классов по приоритетным критериям образования и положения в сфере занятости, идентификационным нормативным требованиям по субъективному критерию. По критерию, предполагающему субъективное

оценивание параметров качества и уровня жизни, также были выявлены несоответствия, однако их масштабы являются менее значительными по сравнению с критерием материально-имущественной обеспеченности.

Среди занятых, которые отвечают требованиям интегрированного приоритетного критерия, имея необходимое для вхождения в состав средних классов образование и положение в сфере занятости, около половины не удовлетворяют требованиям в рамках субъективного критерия. Только 22% занятых соответствуют идентификационным требованиям одновременно и по субъективному, и по интегрированному приоритетному критерию. В итоге имеющийся потенциал (43,3%) формирования средних классов, определяемый положением в сфере занятости и образованием, при дополнительном оценивании по субъективному критерию сжимается почти в два раза.

Таким образом, *значительная часть занятых, идентифицирующих потенциал средних классов с учётом своего положения в сфере занятости и уровня образования, «вымывается» из его состава, не достигая необходимых требований к материально-имущественной обеспеченности, а также по субъективному критерию.*

4. Рассматривая проблемы формирования средних классов в составе занятого населения, следует отметить, что они *более чем на 80% сформированы наёмными работниками, а доля занятых не по найму в них насчитывает менее 20%*. Это определяется, во-первых, структурой занятого населения, в которой доминируют работающие по найму; с учётом этого базовый потенциал формирования средних классов из числа работающих не по найму более чем в 12 раз ниже по сравнению с наёмными работниками¹. Во-вторых, как показало проведённое оценивание, образовательный потенциал среди занятых по найму выше, чем среди занятых не по найму [Средние классы... 2018: 126–132]. Как результат, *потенциал средних классов сформирован преимущественно наёмными работниками, удовлетворяющими требованиям соответствующих стандартов, а доля занятых в нём не по найму незначительна и не оказывает существенного влияния на внутреннюю структуру средних классов, формируемых из числа занятых в экономике.*

Заключение

Проведённое исследование развивает практику многокритериальной идентификации средних классов применительно к российским условиям, предлагая новые решения методологических вопросов. В рамках исследования были предложены двух(трёх)уровневые социальные стандарты: 1) образования, 2) положения в сфере занятости, 3) душевых денежных доходов, 4) сбережений, 5) доходов от основной занятости, 6) обеспеченности недвижимым имуществом, а также 7) субъективного критерия. Всё

¹ На основе данных Росстата [Обследование... 2016].

это позволяет не только выявлять принадлежность к средним классам, но также и структурировать их на ядро и периферийную часть. Результаты исследования в данном контексте дали возможность уточнить и дополнить исследовательскую практику в части идентификационных параметров и их комбинации, подходов и методов, применяемых при фиксировании критериальных границ локализации средних классов.

С учётом введения дифференциации нормативных критериев на приоритетные и вспомогательные, а также исходя из использования критериев с выделением нескольких уровней социальных стандартов для проведения оценивания, авторам удалось предложить оригинальный подход к выявлению принадлежности к средним классам на основе комплексного многокритериального оценивания при трансформации отдельных критериев, предполагающих оценку объективных параметров уровня и качества жизни, в интегрированный приоритетный критерий и интегрированный критерий материально-имущественной обеспеченности. Выделение в рамках идентификации средних классов её базового уровня, предполагающего проведение оценивания потенциала формирования средних классов, позволило авторам определить основные сферы уровня и качества жизни, аккумулирующие «потери» возможной численности средних классов, выделить основные «ограничения» для более массовой их представленности в структуре занятого населения.

Результаты количественной и качественной идентификации средних классов в составе занятого населения на основе авторской методологии показали, что масштабы средних классов, выявленные при совокупном оценивании критериев на уровне около 23%, могли бы быть значительно выше, исходя из потенциала, обусловливаемого положением в сфере занятости и образованием работников (около 43%). Однако общий невысокий уровень материально-имущественной обеспеченности занятых (и их домохозяйств), формируемый доходами от основной занятости, сбережениями, жилищной обеспеченностью и обеспеченностью другим недвижимым имуществом, «выводит» значительную их часть за рамки средних классов. С этим могут быть связаны и существенные «потери» в численности средних классов, выявляемые при учёте параметров субъективного критерия.

Наращивание потенциала формирования средних классов, восстановление «потерь» его численности может быть обеспечено: 1) созданием новых рабочих мест, для которых требуется среднее профессиональное и высшее образование, для реализации недоиспользованного образовательного потенциала работников, избыточного относительно имеющейся занятости; 2) развитием предпринимательской самозанятости для выравнивания доли работников с разным статусом занятости в структуре потенциала средних классов; 3) повышением уровня душевых денежных доходов, снижением неравенства их распределения, повышением уровня доходов от основной занятости, расширением возможностей для повышения уровня жилищной обеспеченности населения, улучшением жилищных условий, повышением благоустроенности жилища и др. [Средние классы... 2018: 154–175].

Библиографический список

Авраамова Е. М. Новые вызовы расширению российского среднего класса // Официальный сайт РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/images/insap/Avraamova-srednii-klass.pdf> [Дата посещения: 23.07.2017].

Бобков В. Н., Херрманн П., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В. 2018. Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности // Экономика региона. Т. 14. Вып. 4. С. 1061–1075. doi 10.17059/2018–4–1

Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.) / Бобков В. Н. (рук. авт. кол.) и др. М.: ВЦУЖ, 2007. 719 с.

Малева Т. М., Бурдяк А. Я., Тындик А. О. 2015. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 109–138.

Обследование рабочей силы. 2016 // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 [Дата посещения: 10.11.2017].

Российские средние классы накануне и на пике экономического роста / А. Е. Шашитко, С. Б. Авдашева и др. М.: Экон-Информ, 2008. 200 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Средние классы в капиталистической России: научная монография / Гл. науч. ред. В. Н. Бобков. М.: КНОРУС, 2018. 208 с.

Erikson R., Goldthorpe J. H., Portocarrero L. 1979. Intergenerational class mobility in three Western European societies: England, France and Sweden // British Journal of Sociology. Vol. 30, No. 4. Pp. 415–441. doi: 10.2307/589632

Weber M. 1978. Economy and Society. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Wright E. O. 2000. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.576

Middle Classes in the Social Structure of Russia's Working Population

Viacheslav N. Bobkov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. E-mail: bobkovvn@mail.ru

Elena V. Odintsova

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: odin_ev@mail.ru

For citation: Bobkov, V. N.; Odintsova, E. V. Middle classes in the social structure of Russia's working population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 58–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>

Abstract. This article presents the main results of studying the composition and scale of Russia's middle classes, which are comprised of the working population. The study is based on an authentic methodology, which develops a multi-criterion approach to identifying social structures, based on standards and quality of living, and to revealing middle classes within their composition. Determining the potential for developing middle classes within the working population, their qualitative and quantitative identification while utilizing an array of objective and subjective characteristics – all of this was conducted based on comparing actual values with specially formulated social standards. Said standards record the normative requirements for education level, position in the field of employment, level of personal income, amount of savings, income level from primary occupation and possession of real estate, as well as the corresponding values of standards and quality of living, determined by means of subjective assessment. The study revealed that the proportion of middle classes within the structure of the working population is less than 25%. And only 2% of the working population can be identified as the core middle classes, while another 21% relate to either a broadened core or the periphery. The article reveals that potentially, if they were to attain the necessary position in the employment field and the proper level of education, a wider range of workers could comprise the middle classes. However, considering the relatively low level of material security for workers and their households, as well as inconsistencies with subjective identification markers, workers for the most part remain outside of the middle classes. The authors consider the main reasons which lead to the lower general quantitative estimates of the boundaries of middle classes. Assessed is the scale of “losses” when it comes to the potential size of the middle classes, which are linked to the specifics of workers implementing their educational potential in the workplace, to their level of material security and subjective evaluation of living standards and quality, and which identify the potential of middle classes in terms of their position in the field of employment and their level of education.

Keywords: middle classes, employed population, education, position in employment, material and property security, subjective assessment, identification criteria, social standards, the potential of the middle classes

References

Avraamova E. M. New challenges to the expansion of the Russian middle class. RANEPА official website. URL: <https://www.ranepa.ru/images/insap/Avraamova-srednii-klass.pdf> [accessed 23.07.2017] (In Russ.).

Bobkov V. N., Herrmann P., Kolmakov I. B., Odintsova E. V. Two-Criterion Model of the Russian Society Stratification by Income and Housing Security. *Economika regiona = Region Economy*. 2018; 14(4):1061–1075. doi 10.17059/2018-4-1 (In Russ.).

Eriksson R., Goldthorpe J. H., Portocarrero L. Intergenerational class mobility in three Western European societies: England, France and Sweden. *British Journal of Sociology*. 1979; 30(4):415–441. doi: 10.2307/589632

Maleva T. M., Burdjak A. Y., Tyndik A. O. Middle classes at different stages of life. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy associacii= Bulletin of the New Economic Association*. 2015; 3:109–138 (In Russ.).

Middle classes in the capitalist Russia. Scientific monograph. Ed. By V. N. Bobkov, E. V. Odintsova, V. G. Kvachev, I. B. Kolmakov, V. V. Pavlova. Moscow: KNORUS, 2018. 208 p. (In Russ.).

Quality and standard of living of the population in new Russia (1991–2005). Moscow, VCUZh publ., 2007. 719 p. (In Russ.).

Russian middle classes on the eve and at the peak of economic growth. Moscow: Econ-Inform, 2008. 200 p. (In Russ.).

Russian society and challenges of the time. Volume 3. Ed. By M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2016. 424 p. (In Russ.).

Weber M. *Economy and Society*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 1978. 1469 p.

Wright E. O. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 576 p.

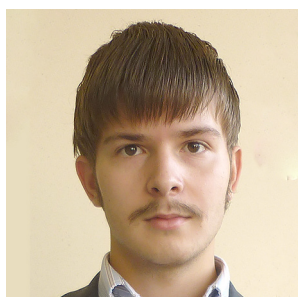
ПОЛИТОЛОГИЯ: СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.577

Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации

Ссылка для цитирования: Кучинов А. М. Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 75–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.577>

For citation: Kuchinov, A. M. Policy and quasi-policy in Russia: vectors for a possible transformation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 75–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.577>

**Кучинов
Артемий Михайлович**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

arkuchinov@yandex.ru

Политика и квазиполитика в России: векторы возможной трансформации

Аннотация. Российская действительность подтверждает актуальность исследования специфики исторической формы политики, сложившейся в стране. Характер наличного властного порядка в постсоветской России требует использовать для его анализа иные аналитические категории, чем демократия или авторитаризм, применять подходы и методы на пересечении политологии и социологии. Такие подходы позволяют рассматривать политику не только как процесс и результат деятельности исключительно элит, но как круга акторов, который не только не задан изначально, а, напротив, не ограничен. Автор статьи¹ предлагает свою типологию политики, отталкиваясь от идеального её типа как институционализированной, основанной на универсальном доверии, а не на насилии, конкуренции ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан. От политики отличаются явления *недополитики* – отсутствием институционализированности, *дополитики* – отсутствием принципов неограниченности участия и ориентации на общее благо, *антиполитики* – применением нелегитимного насилия. Эти явления обозначаются собирательным термином «квазиполитика». *Недополитика* и *дополитика* присущи «естественному состоянию» людей и способны стать регуляторами общественной жизни и оборота ресурсов, в то время как *антиполитика* является извращением человеческого общежития в случае отсутствия знания о ненасильственных способах решения проблем. Опираясь на эмпирический материал, автор показывает, что в России имеет место теряющее работоспособность явление *дополитики*, и рассматривает возможные тенденции её дальнейшей трансформации. *Дополитика* характеризуется синкретизмом властной, экономической и правовой сфер общественной жизни и по умолчанию является явлением архаичным. Однако степень архаичности *дополитики* бывает разная, в случае России она высока. В России имеет место высокая интеграция на социальном уровне в ситуативных неформальных группах (кликах) при низкой на социетальном уровне степени доверия, из-за чего не возникает политической дифференциации, оформленной в идеологическом плане. Тенденции трансформации российской *дополитики* разнонаправленны и противоречивы: одновременно с усилением *дополитики* посредством архаизации в России наблюдается несистематическое обращение *дополитических* акторов к принципам *недополитики* и *антиполитики*, в случаях, когда *дополитика* не позволяет решать актуальные задачи акторов.

Ключевые слова: власть, политика, квазиполитика, российские трансформации

¹ Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (№ 17-03-00446). Руководитель проекта Л. Е. Филиппова.

Опыт общественно-политического развития России после 1991 г. подтверждает актуальность изучения специфики сложившейся в стране исторической формы политики. Исследованиями было показано, что особенности российского властного процесса выражаются прежде всего в его неполитическом характере [Граждане... 2011; Гражданское... 2013; Денисов 2011; Институциональная... 2006; Инфраструктура... 2013; Массовая... 2016; От общественного... 2011; Пастухов; Патрушев 2011; Политическая... 2018; Экспертное... 2017]. В России наблюдается низкая степень социетальной интеграции и относительно высокая — социальной (в неформальных группах, «кликах»), на что указывает, в частности, уровень межличностного и институционального доверия. Как следствие, не артикулируются принцип общего блага (*res publica*) и общая гражданская ответственность, весьма слаба политическая дифференциация по проектам и целям развития, оформленная, в том числе, идеологически, — она подменяется лояльностью или нелояльностью власти.

Теоретико-методологический аспект

Специфика предмета исследования побуждает использовать особый исследовательский инструментарий. Так, в нашем случае продуктивным оказалось изучение российского властного устройства дисциплинами, методами и подходами, находящимися на сопряжении политологии и социологии. Такой синтез позволяет рассматривать властный порядок не только как результат деятельности элит, а как процесс, круг акторов которого не только не задан изначально, а, напротив, не ограничен. Ведь если даже не все потенциальные акторы вовлечены в процесс принятия решений, то те, кто обладают высоким статусом («верхи», «элиты»), в любом случае зависимы от акторов с более низким статусом («низы», «народ»). Границы между «верхами» и «низями» зачастую размыты; и «верхи», и «низы» участвуют в обороте ресурсов, подкрепляющих власть и распределяемых ею, причём часть ресурсов могут неявно распределять «низы». И «верхи», и «низы» в равной степени вовлечены в тот или иной дискурс (понимаемый нами как порядок взаимодействия), позволяющий пользоваться теми или иными правилами (по Э. Гидденсу — нормами и интерпретативными схемами [Гидденс 2005]). Более того, если говорить об «авторитаризме», к которому иногда сводят понимание сегодняшнего властного процесса в России, то, как известно, и этот феномен основан на бездействии и пассивности граждан — уже поэтому невластных акторов не стоит игнорировать.

При определении политики мы используем «немакиавеллистский» подход, основанный на учениях политических мыслителей Античности (Платон, Аристотель) и развиваемый в рамках современной политической философии (особенно — Х. Арендт и Ш. Муфф). Немакиавеллистский подход используется нами потому, что макиавеллистский (определе-

ние политики через власть) предполагает слишком широкое понимание политики: ведь под стремление «завоевания власти» легко подводится преступность вроде терроризма, вооружённого мятежа, насильственного захвата власти, в то время как политика в идеальном случае основана на морали и праве (Аристотель). С точки зрения немакиавеллистского подхода политика даже противопоставляется власти, насилию, преступности. Таким образом, случаи применения насилия говорят о том, что эти акты поведения уже не являются политикой. Политика понимается нами как институционализируемая, основанная на универсальном доверии, а не на насилии, конкуренция ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан. Родовой термин в определении — конкуренция, вне конкуренции не может существовать политика; однако не всякая конкуренция имеет цивилизованный характер. Политическая (с позиции немакиавеллистского подхода) конкуренция основана на принципе ненасилия, когда «легитимное насилие» со стороны государства принципиально ограничено. Конкурирующие проекты и решения при всех различиях ориентированы на общее благо, а не на групповые и тем более индивидуально-эгоистические интересы, а принцип формального равенства предполагает неограниченность участия. Наконец, политика систематически воспроизводится на основе закреплённых правил, т. е. имеет институциональные черты.

Мы предположили возможность выполнения как всех критериев (тогда речь идёт о политике), так и части из них (тогда наблюдаются явления *недополитики*, *дополитики*, *антиполитики*, обозначаемые собирательным термином «квазиполитика»).

Основной признак *недополитики*, в отличие от политики, — отсутствие институционализированности. Это — некие несистематические явления ненасильственной, ориентированной на общее благо, конкуренции проектов и решений — в условиях одного события или места (в случае т. н. «мерцающей политики») или среди неограниченного круга свободных граждан без систематического закрепления (в случае *протополитики*). При *недополитике*, как и при политике, акторы понимают важность политических принципов — свободы, уважения к чужому мнению и ориентации на общее благо, ненасилия, гражданской ответственности, доверия и др.

Эти принципы малозначимы в случае *дополитики*, предполагающей относительно закрытый процесс принятия решений властными группами и экспертными кадрами, которые ориентируются на личные эгоистические и групповые интересы, даже если среди них появляется конкуренция. По сравнению с политикой и *недополитикой*, *дополитика* — более архаичное явление, предполагающее использование властных ритуалов в ущерб интеллектуальным действиям, гипертрофированную роль иерархичности (выраженное деление на «верхи» и «низы») во всех сферах общественной жизни. *Дополитика* может быть устойчивой и неустойчивой. Свобода, ответственность и другие гражданские добродетели не актуализированы; такие явления, как «авторитарная личность» (Т. Адорно), «бегство от свободы» (Э. Фромм), — проблемы преимущественно *дополитических* соци-

альностей, т. к. они там более выражены. Области общественной жизни слабо дифференцированы и поглощаются властно-административной сферой, не оставляя места для политики. При наиболее архаичных вариантах возможен синкретизм этого «микса» с квазирелигиозной сферой, проявляющейся в той или иной сакрализации власти, привнесении в неё черт сверхъестественного. Однако насилие в условиях *дополитики*, хотя и чаще применимо, чем при политике и *недополитике*, не самое высокое и редко используется за пределами т. н. «легитимного насилия», властный процесс не основан на тотальном запугивании населения.

Неполитическую власть (*дополитику*) как относительно нормальное явление (возможно, наравне с *недополитикой* присущее «естественному состоянию» людей) следует отличать от ситуаций извращения человеческого общежития, когда тотальное запугивание, террор принимают систематический характер, и властный процесс, таким образом, основан на насилии. По мере нашего исследования эмпирического случая сегодняшней России, верифицировались идеи П. А. Кропоткина, который считал насилие извращением природы социального, возникающем в случаях, когда люди не знают, как действовать ненасильственно [Кропоткин 2011: 77]. Такие случаи мы назвали *антиполитикой*, поскольку при них попираются все принципы политики: властный актер применяет нелегитимное насилие против других в ущерб конкуренции проектов и решений, принципам свободы, равенства и общего блага. Аналогично *дополитике*, в зависимости от степени институционализации *антиполитика* может быть мерцающей и тотальной. Если политика, *недополитика* и *дополитика* способны в той или иной мере осуществлять регулирование общественных отношений, получение и распределение ресурсов, то *антиполитика* не может быть механизмом регулирования общественных отношений и оперирования ресурсами, но служит лишь средством «подкрепления» власти. С помощью насилия нельзя побудить индивида к *мотивированному* действию, отсюда его ограниченность даже для формирования лояльности «подданных». Именно эти факты побудили нас принять положения П. А. Кропоткина.

Рассмотренный нами континуум явлений регулирования общественных отношений – от наиболее (политика) до наименее (*антиполитика*) оптимального – определяется возможностями самореализации того или иного числа индивидов. Каждое из этих явлений исторично, возникает и исчезает в зависимости от конкретных условий, и их эволюция совсем не обязательно линейна, переход от одного явления к другому в том или другом направлении не предопределён, нередки случаи застоя.

Заметим, что политика – явление преимущественно Античности и Модерна (вопрос о её существовании в другие эпохи требует специального изучения), она возможна только при наличии свободных граждан, хотя принципы конкуренции, равенства, ненасилия, ориентации на общее благо весьма древние, встречаются в племенных институтах принятия решений (например, вече). Это говорит о том, что и *недополитика*,

и дополитика в равной степени присущи «естественному состоянию» людей, что не относится к *антиполитике*, поскольку насилие нельзя признать естественным.

Изложенную выше нормативную концепцию мы проверили эмпирическим путём с помощью данных репрезентативного всероссийского опроса 700 респондентов, проведённого летом 2018 г. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (руководители обследования С. В. Патрушев и Л. Е. Филиппова. Далее – опрос ОСПИ-2018). Ранее, в 2017 г., автор проводил неформализованные интервью при пилотном обследовании, эти материалы также использованы при обобщениях. По некоторым сюжетам мы обращались к результатам всероссийских опросов Левада-Центра.

Российская дополитика: точка отсчёта трансформаций

Эмпирические данные подтверждают наличие дополитики в сегодняшней России.

Наши респонденты понимают «политику» как сферу действия власти и достижения личных целей. Такое понимание адекватно дополитике, поскольку принцип общего блага не артикулируется. Это относится и к ответам на вопросы, в чьих интересах действует власть и как обычно принимаются решения. По мнению относительного большинства респондентов, власть в России ничто не может ограничить, и она действует в обход правил.

В свою очередь российские граждане, по мнению респондентов, руководствуются ценностями выгоды, силы, личного успеха, собственности, закона (который понимается как инструмент власти). Эти принципы интенсивно влияют на действия акторов, в то время как «политические» принципы и ценности – доверие, справедливость, мораль, права человека – вторичны, их упоминание респондентами редко превышает 10%.

В условиях российской дополитики респонденты не понимают значимости конкуренции в общественном и политическом процессах, но поддерживают специфически дополитическую идею «единства политических сил». Такая ситуация имеет, среди прочего, и исторические корни, поскольку в новой и новейшей истории России опыта политической конкуренции почти не было.

Данные Левада-Центра также подтверждают дополитическое состояние России в силу обращения акторов к соответствующим интерпретативным схемам. На вопрос «Что происходит, когда власть в стране многие годы находится в руках одних и тех же людей?» в 2007–17 гг. от 30 до 41% респондентов отвечали, что это обеспечивает порядок и стабильность в стране (этот показатель увеличивается) [Общественное... 2018: 45]. Сходным образом респонденты относятся к оппозиции: в 2017 г. около 40% считали, что она определённно и скорее нужна (в 2004 г. – вдвое больше), а 30% – скорее и определённно не нужна (против 13% в 2004 г.) [Общественное... 2018: 106].

Принцип неограниченности участия также не актуализируется респондентами опроса ОСПИ-2018, которые в соотношении 2:1 считают, что политика – дело немногих, и что правила политики отсутствуют или неизвестны.

Дистанция между «верхами» и «низами» весьма существенна. По данным Левада-Центра, с 1989 по 2017 гг. убывающее число респондентов (с 15 до 7%) считало, что органы власти являются народными и что их интересы совпадают с интересами простых людей [Общественное... 2018: 47]. Молчаливое согласие с такими представлениями лишает возможности мотивации к изменению ситуации.

Синкретизм политической и экономической сфер подтверждается тем, что три четверти опрошенных связывают власть и собственность, причём каждый третий констатирует невозможность их разделения.

Среди респондентов, доверяющих людям, обнаруживается меньше носителей других, помимо доверия, политических качеств, но наблюдаются многие качества дополитического «подданного» власти. Заметим, что в период 2010–17 гг. тенденция к некоторому преодолению недоверия на социетальном уровне не сопровождалась сходной динамикой на социальном уровне [Общественное... 2018: 43].

Воспроизводство в России кликового социального устройства и, соответственно, связанного с ним «кликokratического режима» (дополитики) вместо политической сферы можно подтвердить данными о том, на чью помощь в трудных жизненных ситуациях надеются опрошенные. С 1994 по 2017 гг. статистика ответов на этот вопрос почти не менялась: не более 5% респондентов надеялись на помощь государства и (или) своего работодателя, общественных организаций; при том, что на родственников и друзей стабильно полагаются не менее 50–60% респондентов. Доля опрошенных, надеющихся только на самих себя, колеблется от 33% (1997 и 2017 гг.) до 76% (2012 г.) – индивидуализм в России не получил (в связи с такими колебаниями) должной институционализации. Испытываемые людьми чувства в повседневной жизни в последние 20 лет почти не меняются [Общественное... 2018: 17–18] Согласно социологии эмоций и учению Л. И. Петражицкого, это стоит рассматривать как подтверждение неизменности неустойчивого характера не только эмоций, но и неопределённости правил, которыми движима российская социальность в эпоху трансформации.

В 2006–17 гг., по данным Левада-Центра, ответственными в семье себя считали около 80% опрошенных, на работе – около 40%, в доме/во дворе – 30%, в районе/городе – 5–15%, в стране 5–10% респондентов [Общественное... 2018: 37–39]. Низкий уровень ответственности – также одна из черт дополитики, основанной на некотором «послушании» и отчуждённости от процесса принятия решений, которое автоматически сводит на нет гражданскую ответственность.

Хотя каждый второй респондент опроса ОСПИ-2018 утверждал, что в России законы можно и нужно выполнять, но только каждый пятый считал, что может рассчитывать на равную помощь со стороны закона в случае конфликта с властью. Это говорит о слабой работоспособности права в России и связанных с этим серьёзных проблемах. По данным Левада-Центра 2013–17 гг., лишь 11–12% опрошенных хорошо помнили, что написано в российской Конституции, помнили плохо – 24–26%; читали,

но ничего не помнили 24–27%; никогда не читали Конституцию 37–41%. При этом около половины респондентов согласны с тем, что российские власти её соблюдают в полной мере или в основном [Общественное... 2018: 126].

Недостаточная работоспособность конституционных прав подтверждается тем, что респонденты в отдельных случаях всё чаще соглашались с ущемлением прав граждан ради интересов государства (16% в 1999 г., 14–17% в 2004–13 гг., 24–25% в 2015–17 гг.) при нестабильно колеблющейся доле респондентов, полагающих, что люди вправе бороться за свои права, даже если это идёт вразрез с интересами государства: 43% в 1999 г., 44–49% в 2004–9 гг., 46% в 2010 г., 52% в 2011 г., вновь снижение до 46–47% в 2013–17 гг.) [Общественное... 2018: 127]. Такие тенденции говорят об усилении дополитики в России.

Однако потенциал российской дополитики ограничен, поскольку она не в состоянии решать спектр задач, стоящих перед акторами. Это подтверждается данными Левада-Центра о предпочтениях респондентами разных политических систем: «советской, которая была у нас до 1990-х гг.», «демократии по образцу западных стран» и «нынешней системы» [Общественное... 2018: 26]. С конца 2010-х гг. (см. рис. 1) ослабевают симпатии респондентов к актуальному российскому властному устройству (исключение – лишь «крымский скачок» вверх в 2014–15 гг.).

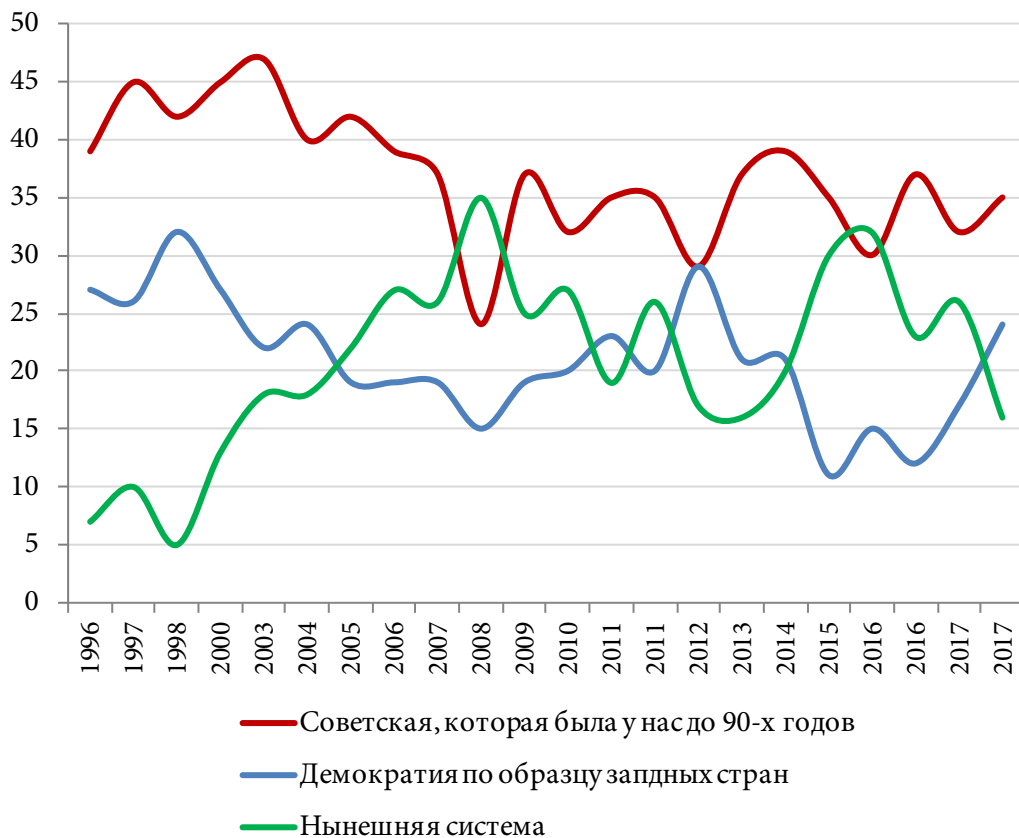

Рис. 1. Ответы на вопрос Левада-Центра о предпочтениях респондентами политических систем в России [Общественное... 2018: 26]

Diagram 1. Answers to a question of Levada Center on respondents preferences of political systems in Russia

Хотя жизнеспособность дополитики ослабевает, очевидных альтернатив для неё в России сейчас нет. Поэтому акторы случайно, ситуативно осуществляют практики *недополитики* и *антиполитики*, что может определить некоторые векторы трансформации в будущем.

При том, что кризис политики – всемирное явление, российская специфика заключается в архаичности дополитики, что подтверждает наличие культа силы, постоянные аналогии между семьёй и государством, сохранение гендерной асимметрии.

Многое можно понять и из того, как реализуются квазирелигиозные отношения. Религия, по умолчанию, – сфера соединения человека со сверхъестественным. Она способна принимать разные институциональные формы. При архаичной религиозности наблюдается синкретизм религии и власти. В России религиозная сфера синкретически связана с «миксом» власть–экономика–право. На эту особенность проливают свет данные Левада-Центра: с конца 1980-х гг. увеличивается число опрошенных, называющих себя верующими (православными – примерно от 20 до 80%, представителями других конфессий – до 10%); доля респондентов, называющих себя неверующими, сокращается (с 70 до менее 10% – см. рис. 2) [Общественное... 2018: 143]. Но ответы на вопрос «Есть ли у вас дома какие-нибудь предметы религиозного культа для совершения религиозных обрядов?» не согласуются с ростом числа верующих (75% в 2008 г. и 62 – в 2017) [Общественное... 2018: 145] Религия в качестве института соединения со сверхъестественным реализуется в культе, в противном случае – это только декларации.

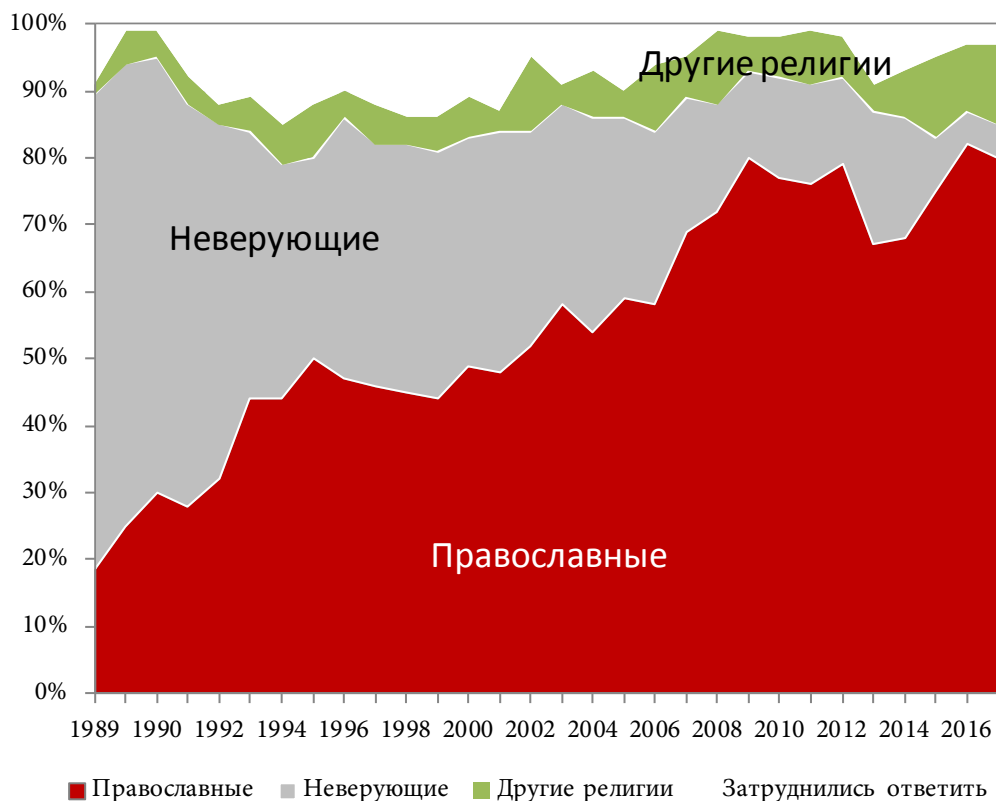

Рис. 2. Ответы на вопрос Левада-Центра о вероисповедании [Общественное... 2018: 143]

Diagram 2. Answers to a question of Levada Center on religion

Сокращение религиозных практик свидетельствует, что религиозная сфера слабо институционализирована и «подменяется» идентификацией – квазисолидаризацией с какой-либо конфессиональной общностью, т. е. «квазирелигиозностью». Последняя не приводит к религиозным практикам, но предполагает оперирование квазирелигиозными интерпретативными схемами, которые не затрагивают связь со сверхъестественным, а легитимируют наличную архаичную *дополитику*, вторгаясь в нерелигиозные слабоинституционализированные сферы, включая властную, экономическую и правовую. «Подмена» религии квазирелигиозностью (находящейся в синкретизме с властно-экономико-правовой сферой) подтверждается данными Левада-Центра 2017 г.: при вышеописанных тенденциях «роста числа верующих» боятся гнева Божьего, Страшного суда лишь 5% респондентов [Общественное... 2018: 22]. Такое состояние религии интерпретируется нами как усиление архаизации *дополитики* в России. Интересно, что эта тенденция не одинакова в России и других странах, поскольку тенденции «роста числа верующих» при прекращении подлинно религиозных практик присущи не всем странам. К сожалению, мы не имеем возможности рассуждать об этом здесь, т. к. эта проблема может составить тему отдельного исследования.

Представляется, что продолжение *дополитики* в России всё менее возможно, на повестке дня – её трансформация. Обнаруживаются три возможные тенденции: к усилению архаичности *дополитики*, к возникновению политики и к формированию *антиполитики*.

Потенциал трансформации в сторону политики

Акторы российской *дополитики* несистематически, временами реализуют неинституционализированные практики *недополитики*, в которых стоит искать возможности трансформации в *недополитику* и политику.

Опрос ОСПИ-2018 показал, что акторы российской *дополитики* воспроизводят принципы политики весьма избирательно. При следовании одним политическим нормам и (или) интерпретативным схемам, они часто отказываются от следования другим, вместо этого следуя «альтернативным» квазиполитическим нормам и интерпретативным схемам. Из-за этого не выявляется достаточного числа носителей всех или хотя бы многих политических принципов, причём носители большинства принципов политики не понимают политику как конкурентный процесс. Многие респонденты оценивают текущие властные процессы излишне оптимистично, что, по нашему мнению, свидетельствует об их недостаточных гражданских и политических компетенциях. Например, опрошенные, считающие, что участники протестов движимы желанием жить лучше, сами являются преимущественно аполитичными акторами, для которых прежде всего важен принцип достатка.

Конкурентную суть политики, по данным ОСПИ-2018, отмечают преимущественно неудовлетворённые властью и окружающими процессами недоверчивые акторы, которые при этом не считают закон и права человека значимыми в политике и, таким образом, не являются политическими акторами.

Тем не менее потенциал для трансформации российской дополитики в политику можно усмотреть в признании важными для будущего России таких политических принципов, как права человека, справедливость, закон, равенство, доверие, свобода (37,3%). Однако их реализация предполагает готовность к политическому действию и к политическому участию. Пока большинство не показывает ни такой готовности, ни собственно действия и участия, предпочитая ничего не делать, а лишь «обсуждать политику» с друзьями и знакомыми.

Дополитика не даёт достаточных для формирования политики прав, свобод, обязанностей как в формальных правилах, так и, что важно, – в неформальных. Неформальные служат предпосылкой для установок на независимые инициативные гражданские и политические действия. Поэтому даже *недополитика* в России формируется весьма ситуативно, слабо, в «мерцании». Подобные выводы обнаруживаются и по данным Левада-Центра. Они показывают, что возможности участвовать в принятии решений в своей стране, своём районе, городе ограничены, респонденты имеют мало способов добиваться от власти решения своих проблем [Общественное... 2018: 40–42].

Потенциал трансформации в сторону *антиполитики*

Как и в рассмотренном ранее случае политики, часть акторов российской дополитики ситуативно обращается к практикам *антиполитики*.

Носители принципов *антиполитики* распределены относительно равномерно среди носителей разных властных, гражданских и, что парадоксально, политических принципов. Они разбираются в окружающей действительности, но не удовлетворены окружающим миром и по незнанию лишены гражданских добродетелей. Неудовлетворённые действующей властью, эти акторы желают сами быть властью, но «в альтернативу» сегодняшней власти – своими средствами, включая прежде всего использование насилия.

В 1989–2017 гг. ответы на вопрос Левада-Центра «Бывают ли такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, „сильная рука“?» колебались: на необходимость «сильной руки» в разные годы указывали от 15 до 45% респондентов (при снижении доли затруднившихся с ответом). В 2017 г. за «сильную руку» в постоянном или ситуативном режиме высказались 78%, против 17% [Общественное... 2018: 34]. Однако нет достаточного количества интерпретативных схем, описывающих, как противодействовать насилию, обеспечить его недопущение. Суждение П. А. Крopotкина о том, что люди применяют насилие в случае нехватки знаний о ненасильственных методах решения проблем, видимо, подтверждается.

Согласно нашим теоретическим размышлениям, присущее *анти*-политике нелегитимное насилие сосуществует с агрессией, а агрессия – последствие страха. Однако уровень «политических» страхов, по данным Левада-Центра, в России невысок [Общественное... 2018: 19, 22]. Это соответствует относительно невысокому значению насилия в сегодняшней российской социальности.

Важнейший срез для изучения насилия – историческая память респондентов. При политике и *недо*политике факты насилия в истории должны восприниматься как события, которым не следует повторяться, за которые стыдно и необходимо изыскивать методы недопущения их повторения. По данным Левада-Центра, в 1999–2017 гг. опрошенные испытывают всё меньше и меньше стыда за стремление навязать силой свой строй другим странам и народам (снижение с 15 до 4% респондентов), за наследие крепостничества, дух рабства, привычку людей к подневольному труду (соответственно с 17 до 8%), за репрессии, террор и выселения народов в 1920–50-х гг. (с 34 до 22%), за гонения на церковь в XX в. (с 21 до 11%) [Общественное... 2018: 32]. Актеры российской дополитики не видят в этом проблемы, либо не знают о досадных событиях прошлого, но что ещё более опасно – могут оправдывать это насилие. Подобные данные должны вызывать озабоченность. При опоре на такое общественное мнение может произойти трансформация в сторону *анти*политики.

Склонность к насилию можно также исследовать, изучая толерантность. Согласно опросам Левада-Центра, уровень неприязни к людям иной веры невысок – менее 10% респондентов [Общественное... 2018: 140]. Данные о ксенофобиях по этническому признаку более проблемные. Россияне спокойнее относятся к людям из иностранных государств, особенно из этнически близких Украины и Беларуси (относятся плохо 13–19%), но гораздо хуже (41%) – к людям из регионов Северного Кавказа, большей частью гражданам РФ, этнически другим [Общественное... 2018: 171]. Причины этого связаны с низкой интенсивностью взаимодействия разных общностей: россияне про этих «мигрантов» не особо много знают [Общественное... 2018: 172]. Такого рода ксенофобия, попирая базовые гражданские принципы и разрушая институт гражданства, среди прочего, препятствует формированию политики.

Ещё более настораживают ответы на вопрос Левада-Центра «Следует ли ограничить проживание на территории России людей следующих национальностей?»: в 2004–17 гг. лишь 11–28% респондентов давали согласующийся с российской Конституцией ответ о недопустимости таких ограничений. Большинство опрошенных полагало необходимым ограничения для вьетнамцев, евреев, выходцев с Кавказа и из бывших среднеазиатских республик СССР, китайцев, цыган, «всех наций, кроме русской» [Общественное... 2018: 174].

Респонденты, таким образом, не очень умеют жить вместе со «странными», по их мнению, людьми – которые по-другому выглядят и себя ведут. Это говорит о попрании принципов прав человека и равенства, и при неблагоприятном стечении обстоятельств может стать фак-

тором стимуляции *антиполитики*. По данным опроса ОСПИ-2018, нетолерантность представляет собой препятствие для солидаризации, а без солидарности политика не формируется.

Говоря о рисках трансформации российской *дополитики* в *антиполитику*, важно отметить, что *антиполитика* возможна лишь при применении насилия «сверху», со стороны власти, чему сегодня препятствуют риски для самой власти – репутационные и ресурсные, прежде всего. Представляется, что наличие этих рисков объясняет, почему власть «запугивает» население в России в весьма ограниченных масштабах, и они вряд ли могут заметно расширяться. К тому же, в виду привычки к бездействию, российские *дополитические* акторы не способны осуществлять насилие не в мыслях или на словах, а на деле. Но проблема сохраняется: российские акторы живут интерпретативными схемами, которые приводят к попранию принципов прав человека, равенства, отказу от действий ненасильственным путём.

Заключение

Для предотвращения *антиполитики*, с нашей точки зрения, необходимо обеспечивать образовательные и коммуникационные (внутри власти и населения и между ними) практики так, чтобы принципы прав человека и равенства, отказа от насилия интенсивно транслировались культурой (в том числе и особенно – искусством) и соблюдались в практиках и формируемых институтах. Наиболее эффективный инструмент предотвращения насилия и *антиполитики* – просвещение. Важно транслировать (в том числе в образовании и в произведениях искусства) знания об опасности насилия и интерпретационные схемы, как действовать ненасильственно, не потворствовать симпатиям к насилию; столь же важно – формировать условия для роста доверия, невозможности какой-либо сегрегации по религиозному или этническому принципу в государственной, гражданской, политической и многих других сферах, особенно – при оказании государственных и муниципальных услуг.

Сегодняшняя российская социальность не релевантна критериям современного общества, а её властное устройство не является политическим, с нашей, базирующейся на немакиавеллистском подходе к пониманию политики, точки зрения. Имеет место устойчивая *дополитика*, архаическая и теряющая свою работоспособность без инструментов насилия. В случаях, когда практики *дополитики* неработоспособны, акторы обращаются к практикам *недополитики* или *антиполитики*, либо усиливают архаичность наличной *дополитики*. Эмпирически обнаружены все эти три тенденции.

Носители «политических» и «антиполитических» принципов среди респондентов опроса ОСПИ-2018 распределены равномерно-дисперсно, без концентрации в каких-либо социально-демографических категориях. Это объясняется тем, что выбор предпочтений между «наборами» принципов определяется не социально-демографическими факторами, а взаимностью и универсальностью отношения акторов к человеческому общежитию.

Библиографический список

Гидденс Э. 2005. Устройство общества: Очерк теории структуризации: 2-е изд. / Пер. И. Тюрина. М.: Академический проект. 528 с.

Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка. 2011 / [ред. колл.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов]. М.: РАПН; РОССПЭН. 318 с.

Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. 524 с.

Денисов С. А. 2011. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 606 с.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 589 с.

Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica: коллективная монография / Под ред. О. Хархордина, Р. Алапура, О. Бычковой. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. 352 с.

Кропоткин П. А. 2011. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование». 254 с.

Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С. В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 287 с.

Общественное мнение—2017. М.: Левада-Центр. 2018. 244 с.

От общественного к публичному: коллективная монография / Науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета, 2011. 530 с.

Пастухов В. Мы живем в «дополнительном» государстве! // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> [Дата посещения: 14.09.2018].

Патрушев С. В. 2011. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. Политические исследования. № 6. С. 120–133.

Политическая наука: научный журнал / Ред.-сост. номера С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: ИНИОН РАН. 2018. № 2. 310 с.

Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 73 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5773> [Дата посещения: 14.09.2018].

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.577

Policy and Quasi-Policy in Russia: Vectors for a Possible Transformation

Artemiy M. Kuchinov

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia.

E-mail: arkuchinov@yandex.ru

For citation: Kuchinov, A. M. Policy and quasi-policy in Russia: vectors for a possible transformation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 75–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.577>

Abstract. The reality of Russia confirms the relevance of studying the specifics of the historical form of policy prevalent in the country. In order to analyze the nature of the existing order of power in post-Soviet Russia, different analytical categories are required compared to democracy or authoritarianism. This warrants using approaches and methods which lie at the border between political science and sociology. Such approaches allow for examining politics as a process and a result of not only the elites' doings, but also a group of actors, which is not only not outlined, but, on the contrary, isn't really limited. The author of this article offers an authentic policy typology, starting with its ideal variety, being institutionalized, based on universal trust rather than force and on competition between projects and decisions aimed at common benefit, conducted within an indefinite circle of free citizens. Compared to true policy, the main distinctions of other phenomena is a lack of institutionalization in the case of "under-policy", lacking principles of unrestricted participation and alignment towards common good in the case of "pre-policy", and the use of unlawful violence in the case of "anti-policy". These phenomena can be described using the collective term "quasi-policy". "Under-policy" and "pre-policy" are inherent to people's "natural state", and can be used as a means to adjust public life and the circulation of resources, while "anti-policy" is a perverse form of social order which arises from not knowing any non-violent solutions to various problems. Based on the empirical data, the author shows that "pre-policy", which is becoming ever less effective, is prevalent in Russia, while also considering possible trends for its subsequent transformation. "Pre-policy" is characterized by syncretism of the governmental, economic and legislative domains of public life, being an archaic phenomenon by default. However, the degree of "pre-policy's" archaism varies. In Russia's case it is quite high. In Russia we see a high degree of integration on the social level within situational informal groups (cliques), combined with a low degree of trust on the societal level, which leads to there not being ideologically manifested political differentiation. The tendencies when it comes to the transformation of Russia's "pre-politics" are multidirectional and conflicting: together with amplified "pre-policy" by means of increasing archaism, we can also observe pre-political actors occasionally resorting to certain principles of "under-policy" and "anti-policy", when "pre-policy" is unable to help said actors solve the problems that they face.

Keywords: power, politics, quasi-politics, Russian transformations

References

- Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Berkley, Los Angeles: University of California press, 1984. 402 p.
- Citizens and political practices in contemporary Russia: Reproduction and transformation of institutional order. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2011. 318 p. (In Russ.).
- The civic and the political in Russian social; practices. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: ROSSPEN, 2013. 524 p. (In Russ.).
- Denisov S. A. Administrative society. Ekaterinburg: Humanitarian university, 2011. 606 p. (In Russ.).
- Institutional political science: Modern institutionalism and political transformation of Russia Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: ICPS RAS publ., 2006. 589 p. (In Russ.).
- Freedom infrastructure. Shared Things and Res Publica: A Collective Monograph Ed. by O. Kharkhordin, R. Alapuro, O. Bychkova. Saint-Petersburg: European university press, 2013. 352 p. (In Russ.).
- Kropotkin P. A. Mutual aid: A factor of evolution. New. York, McClure, Phillips & Co, 1902. 348 p. (In Russ.).
- Mass politics: Institutional foundation. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow: Political encyclopedia, 2016. 287 p. (In Russ.).
- Public opinion-2017. Moscow: Levada-center, 2018. 244 p. (In Russ.).
- From "obshchestvennoye" (social) to public. Ed. by O. V. Kharkhordin. Saint-Petersburg: European university press, 2011. 530 p. (In Russ.).
- Pastukhov V. We live in pre-political state! Political news agency website. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> [accessed: 14.09.2018] (in Russ.)
- Patrushev S. V. The clickocratic order as an institutional trap of Russian modernization. Polis = Political studies. 2011; (6):120–133 (In Russ.).
- Expert discussion of the concept of constitutionalization of the political field and political space in Russia. Ed. by S. V. Patrushev, L. Y. Philippova. Moscow: FCTAS RAS publ., 2017. 73 p. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5773> [accessed: 14.09.2018] (In Russ.).

ПОЛИТОЛОГИЯ: СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.578

«Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии

Ссылка для цитирования: Андреев И. А. «Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 90–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.578>

For citation: Andreev, I. A. China's "soft power" and its projection onto the territory of post-Soviet Eurasia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 90–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.578>

**Андреев
Иван Андреевич**

Национальный исследовательский университет
«МЭИ»,
Москва, Россия

v-andreev_07@mail.ru

«Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии

Аннотация. В статье рассматривается использование «мягкой силы» как инструмента политической стратегии КНР. В контексте проблемы сочетания форм международного политического влияния государств раскрывается содержание концепции «мягкой силы» в интерпретации её автора, американского политолога Дж. Ная, анализируется адаптация данной концепции к политической стратегии Пекина, обусловленной возвышением КНР до статуса мировой державы № 2. Отмечается созвучность данной концепции с многовековой политической традицией Китая и вместе с тем с актуальной для Пекина задачей снять традиционные опасения соседей по поводу возможной угрозы с его стороны, обусловленной как самой величиной страны с огромным, почти полутора миллиардным населением, так и сравнительно недавними примерами её агрессивности во времена маоизма. В статье даётся характеристика основных инструментов осуществления китайской стратегии «мягких» влияний, в частности – расширение сети институтов и классов Конфуция, использование возможностей страны-хозяйки резонансных международных мероприятий, обучение в учебных заведениях КНР, установление китайского контроля над некоторыми глобальными медиакомпаниями и др. Особое внимание уделено использованию «мягкой силы» в отношениях Китая с постсоветскими государствами – в первую очередь Россией и республиками Центральной Азии. Показаны особенности политического контекста использования Пекином «мягкой силы» на постсоветском пространстве, среди которых отмечаются как довольно сильное предубеждение против Китая в странах Центральной Азии, так и необходимость укрепления дружественных отношений с Российской Федерацией, которая обладает сопоставимым с КНР ресурсом «мягкой силы» и вместе с тем претендует на ведущую роль на постсоветском пространстве. Исходя из проведённого анализа, автор делает вывод, что методами «мягкой силы» удалось создать для российско-китайского стратегического партнёрства солидный фундамент общественной поддержки. Во многом благодаря этому в последнее десятилетие постоянно возрастал уровень взаимного доверия, что помогло, с одной стороны, приглушить беспокойство россиян по поводу миграции китайцев в районы Дальнего Востока и Сибири, а с другой – без каких-либо эксцессов ослабить некоторые завязавшиеся в прошлом болезненные узлы российско-китайских отношений.

Ключевые слова: политическое влияние, политическое доверие, «мягкая сила», постсоветское пространство, российско-китайские отношения

Как указывал ещё Н. Макиавелли, стремление государства стать сильнее надо рассматривать как своего рода естественную закономерность. Долгое время самым эффективным средством воздействия, побуж-

дающим его действовать в интересах других государств или, по крайней мере, согласованно с этими интересами, было применение вооружённой силы (или угроза такого применения). К сожалению, угрозы такого рода по-прежнему остаются актуальными. Однако трагический опыт двух мировых войн и создание ядерного оружия, способного уничтожить не только отдельные страны, но и всю человеческую цивилизацию в целом, стимулировали создание новой мировой системы, в которой важным регулятором международных отношений, имеющим миротворческие полномочия, являются авторитетные международные организации – прежде всего ООН. В связи с этим возросло значение международного права, а также различных органов, структур, обеспечивающих режимы коллективной безопасности. Кроме того, окончательная «победа» в классическом смысле слова в современных войнах технически очень затруднена или, чаще всего, вообще невозможна, поскольку цена этой победы оказывается неприемлемо высокой, а более слабая сторона нередко способна ответить на перспективу поражения и захват части своей территории развёртыванием изнурительной для противника партизанской войны.

Войны как «продолжение политики другими средствами» в этой ситуации нередко становятся чересчур накладными как из-за весьма высокой стоимости военных операций, так и силу того, что они могут вызвать серьёзные осложнения со стороны мирового сообщества. Само по себе это, конечно, не может предотвратить эскалации политических противоречий до того уровня, когда дело доходит до угрозы оружием и/или его применения. Тем не менее в современных условиях формы вооружённых столкновений несколько видоизменились: ныне они обычно представляют собой локальные акции, достаточно ограниченные по времени и целям, а основной задачей военных становится «проецирование военной мощи» и сдерживание. Трудно избавиться от впечатления, что при всём неоспоримом значении вооружённых сил их функции сужаются, и они постепенно превращаются в «фактор второй линии», актуально используемый лишь время от времени, но самим своим наличием он подкрепляет и обеспечивает действие некоторого другого, не имеющего непосредственного материального выражения «фактора X», использование которого практически не создаёт рисков и к тому же обходится несравненно дешевле, чем содержание и использование вооружённых сил.

С окончанием так называемой «холодной войны», разделившей человечество идеологическими границами на два противостоящих друг другу вооружённых лагеря, перегруппировка факторов влияния в мировой политике стала проявляться настолько отчётливо, что возникла потребность в выделении этого «фактора X» в качестве особого предмета исследования. У него появляется и собственное терминологическое обозначение – «мягкая сила», введённое в 1990-х гг. одним из основоположников неолиберального подхода к теории международных отношений американским политологом Дж. Наем. «Мягкая сила», в противовес «жёсткой» силе оружия или экономического принуждения (за которым также в большинстве случаев стоит вооружённая угроза), определя-

ется в его работах как способность «получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [Най 2006].

В 1990–2000-е гг. концепция «мягкой силы» попала в поле зрения китайской политической мысли. Китайские авторы нашли её созвучной традициям китайской политической культуры, со времён Сунь Цзы особо ценившей такие победы, которые удавалось достичь, не вступая в прямое столкновение с противником. Кроме того, данная концепция как нельзя лучше отвечала принятой китайским руководством новой тактике продвигать свои интересы постепенно, исподволь, избегая слишком грубого нажима, который мог бы напугать партнёров, заведомо находящихся в совсем иной «весовой категории», чем пугающая своим громадным масштабом могучая держава с почти полутора миллиардами населения и более чем трёхмиллионной (в то время) армией. По этой причине понятие «мягкая сила» было очень быстро подхвачено не только академическими специалистами в области теории международных отношений, но и влиятельными политическими деятелями, в том числе входящими в высшее руководство страны. С начала 2000-х гг. популяризация концепции «мягкой силы» также активно ведётся в китайском сегменте интернета, что указывает на стремление расширить сферу её использования и ввести её в массовую политическую культуру в качестве значимого элемента того языка, на котором власть говорит с обществом о национальных целях и задачах.

Проблема «мягкой силы» применительно к политике КНР была впервые сформулирована на высшем уровне в ноябре 2006 г. в выступлении тогдашнего лидера КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао на 8-й Всекитайской конференции представителей литературы и искусства. Через год эти установки вошли в доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК (октябрь 2007), где они впервые получили специфически китайскую интерпретацию в рамках концепции строительства социализма с китайской спецификой. Как в дальнейшем разъяснялось в публикациях авторитетных китайских аналитиков и экспертов, ставка китайского руководства на использование «мягкой силы» отражала стремление КНР выступать в качестве выразительницы интересов всего глобального мира, играя ведущую и направляющую роль в гармонизации всей системы международных отношений.

Конечно, эти идеологические установки нельзя назвать революционными. В определённом смысле их можно рассматривать как продолжение и в то же время модификацию взглядов Мао Цзедуня и Дэн Сяопина, которые, несмотря на различие в подходах к стратегии строительства социализма, в равной степени китаизировали марксизм, отдавая при этом дань ханьскому национализму и традиционному китаецентризму – распространённому среди китайцев убеждению в том, что Поднебесная обладает неким внутренним превосходством над всеми остальными государствами и цивилизациями. Китайское руководство и раньше придавало важное значение популяризации китайского языка

и культуры, а также созданию позитивного имиджа Китая в мире. Например, ещё в 1984 г. в структуре Министерства образования КНР была создана Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (сокращённо Ханьбань). Но теперь это направление получило статус стратегического, а вся работа по нему приобрела ярко выраженный системный характер. В начале 2000-х гг. под эгидой Ханьбань по всему миру стала создаваться сеть институтов, школ и классов Конфуция, представляющих собой культурно-образовательные центры, в которых граждане любой страны могут изучать китайский язык и углублять свои познания о Китае (например, изучать китайскую медицину, каллиграфию, порядок проведения чайной церемонии и др.). Преподавание и вся деятельность этих китайских центров направлены на развитие разностороннего сотрудничества с КНР. Первый Институт Конфуция был открыт в июне 2004 г. в Узбекистане, а вскоре после этого и в Сеуле (Республика Корея) [Гао Вэньцзин 2015]. К настоящему времени число Институтов Конфуция по всему миру перевалило за 500, а классов Конфуция – за 1000. Это в несколько раз больше, чем немецкая сеть Институтов Гёте или число культурных центров, которыми располагает Британский совет. Считается, что создание и развитие этой сети институтов является одним из самых значительных глобальных образовательных и культурно-просветительских проектов начала XXI в.

С конца XX в. всё более важным направлением наращивания гуманитарного влияния КНР стало привлечение в китайские вузы иностранных учащихся – студентов, аспирантов и стажёров. Для них выделяется значительное количество стипендий, причём финансирование стипендиальной программы для иностранцев постоянно увеличивается. Китай также очень активно участвует в международных кинофестивалях и музыкальных конкурсах, где китайские кинорежиссёры, артисты и музыканты не раз получали престижные премии; организует выставки, посвящённые китайской культуре и истории, а также нынешним достижениям страны; участвует практически во всех престижных спортивных соревнованиях. Резонансным событием стало проведение в 2008 г. в Пекине XXIX летних Олимпийских игр. Право принять у себя олимпийцев китайская столица завоевала в острой борьбе с такими серьёзными конкурентами, как Париж, Торонто, Стамбул и Осака, причём проведение Игр обошлось китайскому бюджету в рекордную на тот момент сумму – \$44 млрд. Не менее феерическим событием, чем Олимпиада, стало проведение в Шанхае и всемирной выставки ЭКСПО-2010.

Дело, однако, не ограничивается культурой, искусством, наукой, образованием, спортом. КНР работает над созданием образа страны, которая не только сама добивается выдающихся достижений, но и готова прийти на помощь всем в ней нуждающимся, исходя при этом не из каких-то своекорыстных интересов, а из принципов гуманизма. Пекин

оказывает техническое, финансовое и информационное содействие многим странам Азии и Африки, принимает участие в ликвидации последствий стихийных бедствий и миротворческой деятельности.

Естественно, невозможно эффективно использовать «мягкую силу», если не располагать средствами донесения нужной информации до самой широкой аудитории. В этом плане КНР также может записать в свой актив значительные успехи. Центральное информационное агентство КНР Синьхуа и Центральное телевидение Китая (CCNV) в XXI в. превратились в мощные мультимедийные конгломераты, успешно конкурирующие с такими глобальными «фабриками новостей», как CNN и BBC, а также с щедро финансируемым за счёт нефтедолларов Персидского залива арабским каналом Аль-Джазира.

Распад Советского Союза, вызвавший глубокую трансформацию всей архитектуры формирующегося глобального мира, внёс значительные изменения в геополитическое положение КНР, что в сочетании с рядом других факторов существенно повлияло на внешнеполитические стратегии Пекина. Подробный анализ как самих этих изменений, так и контекста, в котором они происходили, выходит далеко за рамки настоящей работы. Отметим лишь два обстоятельства, непосредственно касающихся Российской Федерации и исторически связанных с ней постсоветских государств Евразии.

Во-первых, по мере того, как КНР стала превращаться в мировую державу № 2 и тем самым – объективно – в конкурента США, претендующих на роль мирового гегемона, наметилась тенденция к её сближению с восстанавливающей свою мощь и влияние Россией. На протяжении последних 15 лет сотрудничество Российской Федерации с КНР неуклонно углублялось, вплоть до активного взаимодействия двух государств в области безопасности, а также координации их позиций в тех вопросах мировой политики, где той или другой стороне приходится сталкиваться с активным противодействием со стороны Запада. В настоящее время Российская Федерация и КНР характеризуют свои отношения как всеобъемлющее стратегическое партнёрство¹.

Во-вторых, фрагментация расположенного к северо-западу от границы КНР геополитического пространства, когда вместо единого Советского Союза здесь возникли целых пять несравнимых с ним по мощи и к тому же внутренне не очень стабильных центрально-азиатских государств (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), привела к тому, что перед китайцами вдруг открылось ещё одно перспективное направление экспансии, чрезвычайно привлекательное как в силу огромных природных богатств этого региона, так и в силу того, что, непосредственно примыкая к территории КНР, оно представляет собой как бы естественное расширение её хозяйственной

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 4 июля 2017 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> [Дата посещения: 27.01.2019].

территории. Ныне это направление, пожалуй, становится по крайней мере вторым по значению после Юго-Восточной Азии. Здесь, однако, продвижение китайского влияния наталкивается на другие, пустившие глубокие корни, влияния, в том числе – на многовековые исламские традиции и этническую солидарность (в большинстве стран Центральной Азии основную массу населения составляют тюркоязычные народы, достаточно восприимчивые к идеологии пантюркизма и к тому же родственные оппозиционным ханьскому доминированию уйгурам из Синьцзян-Уйгурского автономного района). Не следует сбрасывать со счёта и давние культурно-политические и экономические связи с Россией, в особенности сильные в Казахстане и Кыргызстане.

Понятно, что и на российском, и на центрально-азиатском направлениях внешней политики Китая «мягкая сила» приобретает особенно большое значение. Стратегия её использования включает в себя практически весь набор стандартных мер: например, создание институтов и классов Конфуция, организация культурных и образовательных обменов и др.). В то же время эта стратегия профилируется с учётом особенностей отдельных стран, и потому стандартная основа в ряде случаев дополняется специфическими и даже уникальными элементами. В особенности это касается России, которая в силу своего совокупного технико-экономического и военного потенциала, геополитического положения и международного статуса, а также особенностей своего культурного и исторического наследия, занимает среди внешнеполитических партнёров КНР совершенно особое место. Хотя в чисто экономическом плане взаимодействие со США и странами Запада очевидно имеет для КНР большее значение, чем торговля и совместные проекты со своей северной соседкой, но зато Москва поддерживает Пекин по широкому кругу международных вопросов, в то время как Запад проводит по отношению к нему политику сдерживания.

Прежде всего надо отметить, что Россия является единственным партнёром КНР на постсоветском пространстве, который так же, как и она сама, способен применять «мягкую силу» в глобальном масштабе. При этом возможности России в этом плане примерно равны китайским. Согласно составленному британским агентством Portland Communications глобальному рейтингу «мягкой силы» 2018 г. (с которым, кстати говоря, согласился и Дж. Най), Россия заняла в нём 28-е, а Китай 27-е место [Portland Communication 2018]. И если «мягкая сила» КНР и, допустим, США подобны двум противоположно направленным векторам, то противоречия между Россией и Китаем в этом плане имеют достаточно локальный характер (например, они конкурируют между собой за влияние в Центральной Азии). В целом же «мягкая сила» России и Китая построены на близких друг другу концептуальных основаниях. В частности, и Россия, и Китай поддерживают идею многополярного мира, выступают против попыток военно-политических структур Запада, в особенности НАТО, подменять собой ООН, не считают так называемые «западные ценности» чем-то универ-

сальным, и т. д. Поэтому параллельное наращивание «мягкой силы» России и Китая может создавать некий перекрёстный синергетический эффект, увеличивая соответствующий потенциал обеих держав. Это касается, например, совместной разработки истории Второй мировой войны и пропаганды российской и китайской точек зрения на события 1930–40-х гг. в противовес предпринимающимся в последнее время на Западе попыткам приписать себе главную роль в победе над германским нацизмом и японским милитаризмом.

Создавая поле контактов между российской и китайской гуманитарными средами, китайцы в трудное для России время (1990–2000-е гг.) финансировали поездки российских историков, философов и социологов на различные совместные научные мероприятия в КНР, окружали их вниманием и предупредительностью, обеспечивая намного лучшие условия проживания, чем при аналогичных поездках предоставляла Европа, а также предлагали широкие возможности для знакомства со страной и её культурой. Кстати говоря, один из важнейших инструментов китайской «мягкой силы» – глобальная сеть институтов Конфуция первоначально задумывалась именно для Центральной Азии, постсоветского пространства и Восточной Европы и лишь затем распространилась на Запад [Гао Вэньцзин 2015]. В России она выстраивается с 2005 г., а на сегодняшний день здесь функционирует 22 Института Конфуция – это многократно меньше, чем в США и Великобритании, но больше, чем в Германии и во Франции (по 18) или в Японии (20). Безусловно, россияне оценили и заявление МИД КНР, осуждающее принятые Конгрессом США в июле 2017 г. санкции против России, КНДР и Ирана.

Используя «мягкую силу» в своих взаимодействиях с Россией (а в последнее время также и с её ближайшим союзником – Республикой Беларусь), Пекин стремится не столько к осуществлению политико-психологического сопровождения каких-то выгодных для него проектов (что, разумеется, тоже не исключается, но всё же не столь важно), сколько к тому, чтобы сформировать у граждан государства-партнёра ощущение надёжной дружественной опоры. Речь может даже идти об укоренении в массовом сознании своего рода привычки оглядываться на Китай, не привязанной к конкретным политическим ситуациям, но тем не менее постоянно присутствующей в политической жизни в форме психологически устойчивого стереотипа. Данная цель обеспечивается, с одной стороны, осторожной, но вместе с тем и недвусмысленной поддержкой независимого внешнеполитического курса России по отношению к Западу, не дающей этому последнему возможности её изолировать (достаточно напомнить хотя бы о таких символических жестах, как участие Си Цзинпина в бойкотировавшихся Западом мероприятиях по поводу 70-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне или участие китайских кораблей в праздновании Дня Военно-морского флота в 2017 г.), а с другой стороны – демонстрацией уважения к тому, что объединило две страны в XX в. На фоне раз-

горающейся в Польше, странах Прибалтики, а теперь уже и на Украине «войны памятников» вызывает чувство признательности образцовая забота китайцев о советских воинских мемориалах. Хотя нелишне обратить внимание и на появление в некоторых китайских СМИ (особенно на интернет-порталах) довольно заносчивых по тону публикаций с настояживающим рефреном на тему «Гордая Россия начала кланяться», где с разных сторон обсуждается тема отставания России в экономическом росте и перспективы её возрастающей зависимости от КНР.

В соответствии с межправительственными договоренностями двух стран, 2007 г. в России был объявлен годом Китая. В его рамках была проведена целая серия мероприятий по линии экономического и научно-технического сотрудничества, а также грандиозный фестиваль китайской культуры, охвативший свыше 30 российских городов. Такого представительства китайской культуры в России не было даже в лучший период советско-китайской дружбы. Большой успех имели годы русского и китайского языков (2009–10), а также год российского туризма в Китае (2012) и китайского туризма в России. В последнее время КНР в среднем ежегодно посещают 1,2–1,3 млн российских туристов и примерно столько же китайских туристов приезжают в Россию¹. С 2009 г. ведётся трансляция на Российскую Федерацию передач центрального телевидения КНР–ССТV на русском языке (программы российского канала также доступны в КНР). Благодаря всему этому взаимная информированность россиян и китайцев в последние годы существенно возросла.

Об эффективности влияния китайской «мягкой силы» на российское общество можно судить по сравнительной динамике эмоционального восприятия КНР и других стран мира. В 1990-е гг. взоры россиян были целиком и полностью прикованы к Западу, а страны Востока не вызывали у них ни особого интереса, ни симпатий, но после 2001 г. ситуация начала быстро изменяться. Если не считать близких союзников России из числа бывших советских республик, то, по данным социологических исследований, лучше всего в настоящее время россияне относятся именно к Китаю (а также к Индии). Осенью 2014 г. примерно 64% опрошенных россиян отмечали, что испытывают к этим двум странам позитивные чувства, тогда как доля отрицательных ответов по Китаю составила всего 14%. В то же время уровень симпатий к Франции составлял лишь 57%, к Великобритании 46%, Германии – 44%. Уступает Китаю в глазах россиян и Япония (уровень симпатий – 55%). Но хуже всего наши сограждане воспринимают «патентованного» обладателя «мягкой силы» – США. В этом случае доля благожелательных ответов падает до 14%, тогда как доля негативных поднимается до 68% [Российское общество... 2015: 304].

¹ Межгосударственные отношения России и Китая. Справка // РИА Новости. 04.09.2016. URL: <https://ria.ru/spravka/20160904/1475893374.html> [Дата посещения: 27.01.2019].

Таким образом, методами «мягкой силы» удалось создать для российско-китайского стратегического партнёрства солидный фундамент общественной поддержки, который, несомненно, придаёт ему дополнительную устойчивость. Во многом благодаря этому возростал уровень взаимного доверия, что помогло, с одной стороны, приглушить беспокойство россиян по поводу миграции китайцев в районы Дальнего Востока и Сибири, а с другой – без каких-либо эксцессов развязать некоторые болезненные узлы российско-китайских отношений, в частности провести в 2005 г. демаркацию границы между Российской Федерацией и КНР по Амуру, ликвидировав благодаря этому застарелый очаг напряжённости между двумя странами. Как известно, КНР получила при этом примерно 337 кв. км. спорной территории (острова Тарабарова, Большой Уссурийский и др.). Но, хотя данное решение подвергалось в России достаточно серьёзной критике, на фоне растущих симпатий к КНР удалось без особого труда убедить общественность в том, что стратегическое партнёрство с Китаем намного ценнее того, что мы ему уступили. Некоторые политические организации (в первую очередь – Хабаровский краевой комитет КПРФ) попытались организовать в знак несогласия протестные митинги, но они получились немногочисленными и быстро прекратились, а 20 мая 2005 г. Государственная Дума ратифицировала соглашения о демаркации границы значительным большинством голосов (307 против 80).

Но дело, безусловно, не только и не столько в материальных приобретениях, сколько в преимуществах взаимной поддержки и координации. КНР и Россия достаточно успешно взаимодействуют в форматах ШОС и БРИКС. В ряде случаев они совместно блокировали в ООН принятие инициированных странами Запада односторонних резолюций и других документов (например, по ситуации в Сирии и проблеме соблюдения прав человека в КНДР). Благожелательная позиция России облегчает Пекину сотрудничество с другими странами СНГ, а также проникновение в регион Арктики, ресурсы которой всё больше интересуют наших китайских партнёров. Но главное, что формирование тандема РФ–КНР помогает Китаю прочно утвердиться в статусе глобальной державы, чего очень не хочет Запад, который предпочёл бы ограничить китайские амбиции региональным масштабом и с этой целью уже начинает проводить по отношению к Пекину политику сдерживания. В то же время, как отмечается в публикациях многих экспертов, стратегическую ценность России для китайского руководства не следует переоценивать, она имеет свои пределы, в том числе по вопросам Украины, Крыма, инвестиционного сотрудничества, непризнанных республик Закавказья (Абхазии и Южной Осетии), а в ряде случаев и по сирийской проблеме [Виноградов 2016]. Пока не очень понятно и место России в грандиозном китайском проекте «Один пояс – один путь», который Москва тем не менее поддерживает, рассчитывая на то, что российские трансконтинентальные транспортные коридоры станут важнейшей составной частью новой системы международных экономических транзитов.

Государства Центральной Азии, даже вместе взятые, не имеют политического, экономического, технологического и военного потенциала, сопоставимого с российским, но они богаты необходимыми для китайской экономики природными ресурсами. Кроме того, данный регион занимает важное стратегическое положение – с одной стороны, через него пролегают транзитные пути на запад, вплоть до Европы, а с другой – он представляет собой как бы расположенную у самых границ КНР «подушку безопасности», отделяя Поднебесную от беспокойного исламского мира. Поэтому приоритеты в отношениях с государствами Центральной Азии в КНР расставляются иначе, чем с Россией: сотрудничество в рамках реализации концепции многополярного миропорядка в данном случае не столь актуально, на первом же месте стоит создание условий для китайских инвестиций, а также вовлечение этих стран в эффективную систему безопасности, в рамках которой КНР сможет оперативно парировать возможные угрозы, если они здесь возникнут. Тем не менее, даже если этот регион и занимает в китайской политике «мягкой силы» несколько более скромное место, чем Россия, то, во всяком случае, он требует не меньшего внимания. Китайские аналитики прекрасно понимают, что за влияние в Центральной Азии разворачивается конкурентная борьба. Один из самых сильных участников этой борьбы – США, начавшие было создавать в Центральной Азии свои военные базы, но, видимо, в последние годы удалось их оттуда вытеснить. Однако остаются ещё ЕС и Россия, чьё «мягкое влияние» Китаю приходится уравнивать.

В качестве имеющего определённую эвристическую ценность косвенного критерия оценки интенсивности использования Китаем «мягкой силы» на том или ином направлении его внешней политики, на наш взгляд, можно использовать статистические данные по сети институтов Конфуция, а также по количеству ежегодно принимаемых китайскими вузами студентов из той или иной страны. В этой связи надо обратить внимание на плотность сети институтов и классов Конфуция, созданных в постсоветских государствах Центральной Азии. Здесь их в общей сложности примерно столько же, сколько в России. Любопытно, однако, что 80% этих учреждений сконцентрировано в Кыргызстане – одной из самых маленьких стран региона с населением всего 6 млн чел. Разумеется, причины такой неравномерности могут быть довольно разными, но очевидно, что приведённая цифра не могла получиться случайно, она отражает как позицию принимающей стороны, так и значение, которое Кыргызстану придают в Пекине (возможно, как наиболее податливому партнёру). В то же время по числу студентов из Центральной Азии, обучающихся в КНР, лидирует Казахстан; в 2015 г. он занял по данному показателю 8-е место в мире, лишь сравнительно немного уступив занявшей 5-е место России (16197 студентов против 13198) и значительно опередив такие тесно связанные с КНР страны Индокитая, как Вьетнам, Лаос и Малайзия (10031, 6918 и 6650 обучающихся соответственно) [Арефьев, Любская 2017].

Поскольку, несмотря на значительные природные ресурсы, государства Центральной Азии располагают весьма ограниченным экономическим потенциалом, а некоторые из них просто-напросто очень бедны (например, в Таджикистане и Кыргызстане душевой ВВП составляет менее 100 долл. в год), Китай добивается расположения местных обществ прежде всего экономическими средствами, финансируя имеющие для них жизненно важное значение промышленные, инфраструктурные и социальные проекты и оказывая содействие в подготовке кадров. При этом он (а иногда и *только* он) способен инициировать осуществление таких проектов, которые ни по своей стоимости, ни территориально «не вмещаются» в рамки хилых национальных экономик. В качестве примера назовём хотя бы строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан или газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай. При этом Пекину нередко приходится одновременно принимать на себя роль политического посредника, координирующего и согласовывающего интересы своих партнёров и предотвращающего их конфликты. При этом он нередко проявляет огромную выдержку, терпение и гибкость, на которые, возможно, способны только китайцы. Так, в процессе проработки проекта вышеупомянутой железной дороги президент Кыргызстана А. Атамбаев неожиданно коренным образом менял свои решения и подходы, но китайские переговорщики восприняли это спокойно и тут же предложили сторонам рассмотреть альтернативные варианты. Другой пример – строительство Зеравшанской ГЭС на границе Узбекистана и Таджикистана. Китай первоначально хотел участвовать в этом проекте, однако, когда понял, что его реализация сопряжена с противоречиями между Ташкентом и Душанбе, вышел из него, чтобы не провоцировать углубление конфликта. Однако вышел не просто так, а предложил Таджикистану в порядке компенсации помощь в осуществлении других важных для него проектов, предоставив для этого кредит в размере \$ 1 млрд¹. Так китайцы создают себе образ Незаменимого Покровителя, и приучают как население, так и местные элиты к тому, что он вправе выступать в этом регионе в роли арбитра. Реализуя эти подходы, китайцы прибегают не только к двусторонней, но и к многосторонней дипломатии в рамках существующих институциональных возможностей. В частности, они активно используют ШОС в качестве публичной площадки для презентации китайских кредитных предложений [Страны СНГ... 2013: 88].

Разумеется, китайский язык и культура также не остаются в стороне. Более того, похоже, что китайцы подспудно проводят здесь линию на китаизацию, которая в России или, допустим, в Беларуси была бы совершенно немыслимой и не дала бы никаких результатов. При этом они действуют очень гибко, учитывая ментальность населения, его традиции, почти полное отсутствие здесь интеллектуалов европей-

¹ Изимов Р. 2014. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // Информационное агентство «Регнум». 28.01.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1759411.html> [Дата посещения: 27.01.2019].

ского типа (и, следовательно, соответствующих интересов). В связи с этим в странах Центральной Азии особый акцент делается на структуры повседневности, на популяризацию китайского образа жизни на уровне бытовых привычек и традиций. Характерный пример этого – введённый в открытых здесь Институтах Конфуция учебный курс «Китай на кончике языка», цель которого – содействие распространению китайской культуры посредством обучения китайскому кулинарному искусству¹. Небезынтересно в этой связи отметить, что популяризируются именно ханьские культурные традиции, но не традиции живущих в КНР и родственного населению Центральной Азии тюркских народов.

При всём том китайцы очень прагматичны, и, если им предоставляется возможность приобрести что-то осязаемое, они сделают это, не оглядываясь на задачи культивирования и наращивания «мягкой силы». Например, в 1999 г. в ходе урегулирования пограничных споров к КНР отошло 407 кв. км. территории Казахстана и 200 кв. км. Таджикистана. В 2011 г. Таджикистан вновь передал Китаю 1,1 тыс. кв. км. а в 2013 г., по данным таджикской оппозиции, КНР получила от Душанбе в счёт внешнего долга ещё один богатый полезными ископаемыми участок Горно-Бадахшанской области на Памире (хотя ни таджикские, ни китайские официальные лица этой информации не подтвердили). При этом китайский капитал всё шире внедряется в экономику государств Центральной Азии, в особенности в стратегически важных отраслях, таких как разработка месторождений нефти и газа, добыча урановых руд и руд цветных металлов, энергетика, транспорт, коммуникации и др. Общий счёт китайских фирм и предприятий, действующих в регионе, идёт уже на сотни, а вот казахских, узбекских, киргизских компаний в Китае практически нет. И хотя, реализуя совместно со странами Центральной Азии целый ряд важных для них программ, Китай несомненно способствует ускорению развития этого региона, ни от экспертов, ни от общественности не укрылась также и обратная сторона этого сотрудничества – тенденция к переносу в Центральную Азию экологически вредных и низко рентабельных производств. К тому же вместе с китайскими капиталами и проектами появились китайские рабочие, а вслед за ними и торговцы, которые, как жалуются местные жители, стали вытеснять их с колоритных восточных базаров (в особенности, в приграничной полосе).

Всё вышесказанное создало почву для нервозности и подозрительности, которая время от времени выплёскивалась в СМИ и публикациях отдельных политологов и историков. В массовом сознании стал формироваться стереотип «китайцы всё скупили». В 2015 г. в связи с принятием поправок к Земельному кодексу Казахстана, разрешавших иностранцам приобретать сельхозугодья на аукционах, в стране произошли массовые волнения, вызванные беспокойством по поводу того,

¹ Изимов Р. 2014. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // Информационное агентство «Регнум». 28.01.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1759411.html> [Дата посещения: 27.01.2019].

что теперь исконные казахские земли на вполне законном основании отойдут к новым хозяевам-китайцам. При этом опасения высказывались не только по поводу перспектив экономического и даже политического подчинения государств Центральной Азии Китаю, но и по поводу утраты народами региона своей идентичности. Некоторые китаеведы сочли уместным напомнить в этой связи о старой китайской стратегаеме «из гостя превратиться в хозяина» [Денисов 2015: 52].

Надо сказать, что такого рода настроения не составляют для китайцев большого секрета. Так, среди населения Казахстана, как откровенно в личной беседе признавал один из китайских политологов, уровень доверия к Китаю невысок; влияние Китая в этой стране непрерывно растёт, но чиновники и население смотрят на это косо, причём их недоверие непрерывно усиливается. Тем не менее в последние годы в интеллектуальных кругах государств Центральной Азии не без содействия КНР проявила себя группа экспертов и аналитиков, доказывающих объективную необходимость тесного сотрудничества с Китаем в процессе модернизации экономик Центральной Азии и предлагающих активнее идти ему навстречу (А. Каукенов, М. Шибутов и др.). Ими, в частности, была высказана идея формирования в Казахстане среды *China friendly* (идея изначально была подсказана туристическими программами, реализуемыми в Москве и Петербурге, но применительно к казахстанским реалиям она получила несколько более широкое значение). В то же время даже благожелательно воспринимающие экономическую и культурную экспансию Китая политологи хотели бы по возможности её уравновесить. В этой связи они с сожалением говорят о «коммуникационном разрыве» между Россией и странами Центральной Азии (в частности, с самым близким союзником Москвы в этом регионе – Казахстаном). Некоторые российские и казахские аналитики выдвинули, на наш взгляд, весьма здравую мысль о том, что постсоветским странам надо создавать механизмы выработки общей позиции в вопросах сотрудничества с Китаем, в том числе привлекая к этому экспертное сообщество¹.

Как видим, продвижение позитивного образа Китая в политическом и культурном пространствах стран его ближайшего геополитического окружения наталкивается на определённые психологические барьеры, имеющие весьма глубокие исторические корни и социальный опыт народов, взаимодействующих с Поднебесной. Однако терпеливое использование методов «мягкой силы» в конечном счёте даёт достаточно значимый для Пекина эффект. И дело не только в создании социально-политических условий для простого расширения территориально-ресурсной базы быстрорастущей экономики Китая, но и в молчаливой поддержке претензий КНР на роль модератора и арбитра, способного гармонизировать окружающее его пространство, снимая накапливаю-

¹ Казахстан и Россия должны действовать сообща во взаимоотношениях с Китаем // ИА «Интерфакс». 06.06.2017. URL: <http://interfax-russia.ru/Moscow/news.asp?id=838713> [Дата посещения: 27.01.2019].

щиеся в нём противоречия и конфликты, а в дальнейшем, видимо, и на роль мирового лидера. Во всяком случае, без такой поддержки вряд ли могла бы состояться идея международного мегапроекта по возрождению Великого шёлкового пути («Один пояс – один путь»), которую специалисты по международным отношениям не без оснований рассматривают как важнейший шаг к интеграции Большой Евразии.

В данном мегапроекте, естественным образом отсылающем нас к геополитическому концепту хартленда как ключевого элемента архитектуры глобального мира, главная роль без обсуждения отходит к его «учредителю» Китаю. Отныне участие в воссоздании Великого шёлкового пути, подключение к данному проекту на практике становится неким эвфемизмом для заключения инвестиционных, кредитных, а иногда, вероятно, и политических сделок с китайской стороной [Ларин 2015: 56]. На этот счёт у реалистически мыслящего политика вряд ли могут возникнуть какие-то сомнения. Но вместе с тем создание Нового шёлкового пути в политической риторике КНР принципиально отделяется от целеполагания и инструментария глобальной гегемонии. Оно позиционируется как своего рода «общее дело», осуществляемое объединившимися вокруг данного проекта странами и народами в интересах всего человечества. Речь идёт о формировании новой, соответствующей реалиям и потребностям XXI в. и в то же время подходящей всем членам международного сообщества модели сотрудничества ради совместного процветания. При такой трактовке идея возрождённого Великого шёлкового пути становится инновационной находкой, способствующей укреплению «мягкой силы» Китая как *мирового лидера нового типа*. А любое упоминание о Шёлковом пути уже по простой логике смысловых ассоциаций является также отсылкой к Китаю, выступающему в образе ответственной и динамичной державы, действующей в интересах всех своих партнёров по принципу «общего выигрыша».

Библиографический список

Арефьев А. Л., Любская К. А. 2017. Российские студенты в Китае // Демоскоп Weekly. № 715–716. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php> [Дата посещения: 27.01.2019].

Виноградов А. О. 2016. РФ – КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. Т. 21. № 21. С. 47–61.

Гао Вэньцзин. 2015. Институты Конфуция в мире // Гуманитарные научные исследования. № 6. URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11485> [Дата посещения: 27.01.2019].

Денисов И. 2015. Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. Т. 21. № 3 (114). С. 51–60.

Ларин А. Г. 2015. «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый шелковый путь и его значение для России [Сб. статей] / Под ред. В. Петровского. М.: Институт Дальнего Востока. С. 38–57.

Най Дж. С. 2006. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Тренды. 221 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 1. / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2015. 336 с.

Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М.: РИСИ, 2013. 166 с.

Portland Communications. A Global Ranking of Soft Power 2018 // URL: <https://softpower30.com/> [Дата посещения: 27.01.2019].

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.578

China's "Soft Power" and its Projection onto the Territory of Post-Soviet Eurasia

Ivan A. Andreev

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia. E-mail: v-andreev_07@mail.ru

For citation: Andreev, I. A. China's "soft power" and its projection onto the territory of post-Soviet Eurasia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 90–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.578>

Abstract. This article considers the use of "soft power" as an instrument of China's political strategy. Within the context of the issue of combining forms of international political influence, the notion of "soft power" is unveiled as interpreted by its author – American political expert J. Nye – while analyzing the adaptation of said notion to Peking's political strategy, which in turn is associated with China's rise to the position of global superpower number 2. Highlighted is the fact that this notion is attune to China's centuries-old political tradition, as well as Peking's current objective to relieve its neighbors traditional unease on account of a possible threat on their behalf, due both to the sheer size of the country, with its population of almost 1.5 billion people, and its relatively recent aggressive behavior during the time of Maoism. The article gives a characteristic of the main instruments used to implement the Chinese strategy of "soft" influence, particularly broadening the network of Confucius institutes and classes, taking advantage of hosting high-profile international events, education in China's educational facilities, establishing control over certain global media corporations etc. Especially considered is the use of "soft power" in China's collaboration with post-Soviet states, primarily with Russia and republics of central Asia. Demonstrated are features of the political context of Peking's use of "soft power" on post-Soviet territory, highlighted among which is a rather strong prejudice against China in countries of central Asia, as well as the need to achieve a friendlier relationship with the Russian Federation, which in turn possesses "soft power" potential comparable to China, and also strives to play a leading role on post-Soviet territory. Based on the analysis conducted, the author comes to the conclusion that "soft power" methods were able to solidify a strong foundation of public support for a strategic partnership between Russia and China. This in no small part helped in gradually increasing the level of mutual trust throughout the last decade, which, on one hand, helped calm Russian people's anxiety on account of Chinese migration to regions of the Far East and Siberia, and on the other – without any serious incidents lighten certain delicate aspects of Russian-Chinese relations which had emerged in the past.

Keywords: political influence, political trust, "soft" power, the post-Soviet space, Russian-Chinese relations.

References

Arefiev A. L., Lyubskaya K. A. Russian students in China. *Demoskop Weekly*. 2017: 715–716. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php> [accessed: 14.04.2019] (In Russ.).

Asanbekov M. K. Involving Central Asia in Chinese civilization is not a new, but a project of China postponed in the past. *Vremya Vostoka = Time of the East*; release 04.09.2013. URL: <http://www.easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/vovlechenie-tsentralnoi-azii-v-kitaiskuyu-tsvivilizatsiyu-ne-novyj-otloz> (In Russ.).

- CIS and Baltic countries in China's global politics. Moscow: RISI, 2013. 166 p. (In Russ.).
- Denisov I. Silk security: a new Chinese concept of development and the rules of the game in Eurasia. Indeks bezopasnosti = Security Index. 2015; 21(3):51–60 (In Russ.)
- Gao Wen Jing. Confucius Institutes in the world. Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian Studies. 2015; 6. URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11485> [accessed: 14.04.2019] (In Russ.)
- Izimov R. “Soft Power” of China – at the sight of Central Asia. IA “Regnum” web portal. Release 01.28.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1759411.html> [accessed: 14.04.2019] (In Russ.).
- Larin A. G. “The Economic Belt of the Silk Road”: economic content, structure, ideology. The New “Silk Road” and its meaning to Russia. Ed. by V. Petrovsky. Moscow: IFE RAS publ., 2015: 38–57 (In Russ.).
- Nay J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Novosibirsk: Trendy, 2006. 221 p. (In Russ.).
- Russian society and the challenges of time. Volume 1. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' mir, 2015. 304 p. (In Russ.).
- Vinogradov A. O. RF – PRC: state and prospects of bilateral relations. China in the Global and Regional Policy. Istoriya I Sovremennost' = History and Modernity. 2016; 21(21):47–61 (In Russ.).
- Portland Communications. A Global Ranking of Soft Power 2018 website. URL: <https://softpower30.com> [accessed: 14.04.2019].

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.579

Социология образования: многосменное школьное обучение в Улан-Баторе

Ссылка для цитирования: *Оролмаа М., Тэгшээ Б., Дашзэвэг М.* Социология образования: многосменное школьное обучение в Улан-Баторе // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2 С. 107–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.579>

For citation: Orolmaa, M.; Taegshae, B.; Dashzaewaeg, M. Sociology of education: multi-shift schooling in Ulaanbaatar. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 107–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.579>

Мунхбат Оролмаа

Монгольский государственный университет,
Улан-Батор, Монголия

munkhbat@num.edu.mn

Бурэнжаргал Тэгшээ

Монгольский государственный университет,
Улан-Батор, Монголия

tburenjargal@gmail.com

Мунхтур Дашзэвэг

Монгольский государственный университет,
Улан-Батор, Монголия

munkhturd5@gmail.com

Социология образования: многосменное школьное обучение в Улан-Баторе

Аннотация. В статье проанализировано многосменное школьное обучение и его влияние на качество образования в городе Улан-Батор, Монголия. Показаны особенности, преимущества и недостатки многосменного школьного обучения, успеваемость учащихся в средней школе, удовлетворённость родителей и учеников качеством, доступностью образования, а также изучены мнения о многосменном школьном обучении. С распадом социалистической системы и переходом к рыночным отношениям многочисленные миграционные потоки из провинции в столицу привели к механическому приросту численности населения, в результате чего государственная политика по всеобщему вовлечению в школы всех детей шестилетнего возраста, а также процесс перехода от десятилетней системы обучения к новой двенадцатилетней столкнулись с возросшей нагрузкой, школы стали испытывать недостаток средств, дефицит учителей и учебного оборудования. В поисках решений этих проблем некоторые школы увеличили число учащихся в одном классе до 45 и более, а другие ввели третью смену обучения, ставшую обычной практикой для многих средних школ в Улан-Баторе. В рамках исследовательского проекта 2016 г. кафедра социологии и социальной работы Монгольского Государственного университета провела научно-исследовательскую работу по изучению многосменной системы школьного обучения, применив различные методы исследования (опрос, интервьюирование, наблюдение и контент-анализ). В рамках исследования «Многосменность в средних школах в Улан-Баторе и качество образования», проведённого в 2016–17 гг., были использованы научные подходы структурного функционализма, феноменологии и теории обмена для анализа качественных и количественных данных. Многосменная система школьного обучения, особенно трёхсменная, создаёт большие проблемы. По данным нашего исследования, все основные заинтересованные стороны (учителя, родители и ученики) видят в ней негативное влияние на качество образования и ограничение возможностей учеников поступить в лучшие высшие учебные заведения, учащиеся школ с трёхсменной системой (по сравнению с двухсменной) получают на 20% меньше учебных часов. Трёхсменное обучение введено преимущественно в школах, которые посещают дети из уязвимых социальных групп. Такая практика создаёт социальную дискриминацию и нарушает права детей на равное и качественное образование. 17,9% респондентов, принявших участие в нашем исследовании, имеют доход менее 185 000 тугриков в месяц (равно 80 долларам США), а 5,4% не имеют никаких доходов. Трёхсменная система школьного обучения отрицательно влияет на здоровье и безопасность школьной среды, увеличивая рост заболеваемости среди детей и число прогулов.

Ключевые слова: многосменное школьное обучение, качество образования, учащиеся, средняя школа, трёхсменное обучение

По данным Национального комитета статистики Монголии 2016 г., более 1,4 млн чел., т. е. 44% от общей численности населения страны, живут в столице Улан-Батор¹. Параллельно с ростом городского населения растут социально-экономические проблемы: бедность, безработица, загрязнение окружающей среды и т. д. Одной из острых социальных проблем является нехватка помещений для учащихся средних школ в Улан-Баторе.

Согласно статистическим данным, в 2017–18 уч. г., 6154 учащихся в 154 группах средних школ учатся в третью смену, что на 18 групп больше, чем в предыдущем году². В государственной политике в сфере образования Монголии предусматривается введение односменного режима обучения для всех классов в общеобразовательных школах к 2024 г. Организация образовательного процесса в одну смену позволит существенно повысить качество школьного обучения.

Традиционно в Монголии существуют многосменная и двухсменная системы обучения в средних школах. В социалистический период многосменное школьное обучение помогло Монголии охватить до 97% детей школьного возраста начальным и средним образованием. Основной целью многосменного обучения является увеличение школьных мест без нагрузки на бюджет страны, что позволяет использовать образовательные здания и приспособления для большего числа учеников. При двухсменной школьной системе первая группа учеников, как правило, посещает школу с раннего утра до середины дня, а вторая – с середины до конца дня. Каждая группа использует одни и те же здания, лабораторное оборудование и другие объекты. Эти две группы обучают разные преподаватели. В это же время в нескольких школах впервые была введена третья смена обучения как «вечерняя школа» или «школа рабочей молодёжи» для взрослых, не имеющих сертификата о среднем образовании.

После распада социалистической системы, миграция из провинции в Улан-Батор привела к приросту численности населения в городе. Государственная политика по всеобщему вовлечению в школы всех 6-леток и процесс перехода от 10-летней системы обучения к новой, 12-летней также увеличивают нагрузку на школьное образование: школы испытывают недостаток средств, учителей и оборудования. В поисках решения проблемы некоторые школы увеличили число учащихся в классе до 45 и более, а другие ввели третью смену обучения. В результате трёхсменная система стала обычной практикой для многих средних школ в столице.

На международном уровне вышеназванные формы не новы и были введены во многих развивающихся странах для повышения доступа к школьному образованию. С одной стороны, многосменность увеличивает доступность образования на начальной стадии ликвидации неграмотности, но, с другой стороны, качество образования проигрывает.

¹ Национальный комитет статистики Монголии. URL: <http://www.nso.mn> [Дата посещения: 15.05.2019].

² Министерство образования, науки и культуры. URL: <http://www.mecss.gov.mn/> [Дата посещения: 15.05.2019].

Исследователи из разных стран рассматривают качество и доступность образования как взаимосвязанные факторы. Качественное образование – один из немногих факторов, рост которого ведёт к повышению его доступности [Константиновский и др. 2006], что важно для социально уязвимых групп.

По мнению некоторых авторов, многосменное обучение – наилучшая практика в решении проблем образования в развивающихся странах. Она широко применяется как в бедных, так и в более благополучных странах, когда спрос на школьные места обгоняет имеющиеся мощности. Увеличение контингента учащихся при сдерживании затрат и поддержании качества преподавания – преобладающая практика образовательных процессов во всём мире [Bray 1989]. Двухсменная система дала доступ к образованию огромному количеству граждан из разных социальных групп и слоёв. Опыт показывает, что Монголия смогла победить неграмотность в сравнительно короткий период. Высокий уровень грамотности стал решающей мерой для повышения человеческого капитала нации. Исследования социальных стратификаций показывают, что грамотные люди могут в дальнейшем обучаться недорого; они, как правило, имеют более высокий социально-экономический статус и широко пользуются возможностями здравоохранения и рынка занятости [Гомбо, Мунхбат 2003].

Вместе с тем некоторые учёные выражают глубокую озабоченность в связи с многосменной системой обучения. Они считают её временной мерой для увеличения числа учащихся и повышения уровня грамотности беднейших слоёв общества, но её применение на постоянной основе может привести к ухудшению качества образования и даже «толкнуть» детей на улицу. Поскольку эта система обучения в основном предназначена для бедных семей, она несомненно приводит к социальной дискриминации. Обучение в две или три смены не позволяет качественно реализовать государственные образовательные стандарты, снижая доступность качественного образования, возможность организации внеурочных видов деятельности и дополнительного образования.

По мнению Тоби Линден, «... такие школы дают худшее образование... В школы с двумя сменами обучения поступают преимущественно дети из бедных семей и, как следствие, такие школы рассматриваются как низшие; ... их считают временной мерой, когда финансовые ресурсы правительства или родителей ограничены. Однако то, что начинается как временное, может стать постоянным» [Linden 2001].

Другой проблемой многосменного обучения можно считать сокращение бюджета на образование. Политики и правительственные чиновники в развивающихся странах рассматривают многосменную систему как метод эффективного использования людских и финансовых ресурсов, оправдывающих расходы, тем самым сокращают уровень занятости в секторе образования.

Многосменная система школьного обучения представляет собой спорный и проблемный вопрос. Эта система устраняет некоторые проблемы, но создаёт другие. Монголия как страна, реализующая многосменную систему школьного обучения, может внести большой вклад в изуче-

ние этой проблемы, если будет проводить научные исследования в данной области. Результаты исследований станут полезны для развития национальной стратегии в сфере образования (решения вопроса доступа к образованию, охвата школьным образованием детей отдалённых районов). Качество образования и сложные проблемы в этом секторе изучались, но до сих пор не были проведены независимые исследования многосменного обучения. Для устранения этого пробела кафедра социологии и социальной работы Монгольского Государственного университета провела научно-исследовательскую работу по изучению данной проблемы.

Методология исследования

Для анализа качественных и количественных данных исследования «Многосменность в средних школах в Улан-Баторе и качество образования», проведённого в 2016–17 гг., были использованы научные подходы структурного функционализма, феноменологии и теории обмена. Специфика темы исследования позволила применить различные методы (опрос, интервьюирование, наблюдение и контент-анализ). В частности, нами были предприняты следующие предварительные шаги: 1) обзор литературы и вторичный анализ данных. Проанализировано несколько программных документов, таких как «Государственная политика в сфере образования», «Мастер-план на 2006–15 гг. Министерства образования, культуры и науки», Национальная программа «Образование», План действий правительства по отношению к образованию и Стратегия по борьбе с коррупцией в сфере образования (проект); 2) полуструктурированные интервью с экспертами, фокус-группы. В рамках этих методов были проведены 10 фокус-групп среди учителей школы и 10 экспертных интервью; 3) структурированный опрос учащихся и их родителей. Отбор респондентов произведён с помощью случайной многоступенчатой выборки.

Выборка состояла из двух групп. Первая – взрослые (родители, имеющие детей школьного возраста). Возраст родителей до 35 лет составлял 44,8%, 36–45 лет – 41,7%, выше 46 лет – 13,2%. N=980 чел. Вторая группа – ученики целевых школ от 1-го по 11-й классы. Среди них учащиеся 1–5 классов составляли 37,9%, 6–8-го классов – 27,1% и 9–11-го классов – 35,0%. N=966 учеников.

Для выбора целевых школ мы использовали кластерную двухступенчатую выборку: на первом этапе выбирались районы (хороны); на втором – школы в этих хоромах¹.

При отборе районов использовались критерии: 1) наиболее привлекательные для мигрантов из сельской местности и 2) типы жилья. В соответствии с этим мы выбрали районы Улан-Батора: Сонгино-Хайрхан, Сухэ-Батор и Баянзурх. Большая часть населения этих трёх районов живёт в юртах. Проживающие в квартирах представлены из районов Хан-Уул и Чингэлтэй.

¹ Хорон (монг. хороо) – самая малая административная единица Улан-Батора.

Школы выбирались в зависимости от количества смен обучения – трёх- и двухсменные (две и три школы соответственно).

История и нынешнее положение школьного обучения

Традиционно односменная система школьного обучения в Монголии не практиковалась. Только с появлением частных школ после 1990-х гг. этот вид обучения был введён в систему монгольского образования.

Двухсменная система школьного обучения была и остаётся главной организационной формой в начальных и средних школах Монголии. В этом исследовании мы сосредоточились на двух основных вопросах – многосменная система обучения и качество образования.

Под «многосменной системой школьного обучения» мы понимаем процесс организации занятий «конец–начало», т. е. одна группа учеников заканчивает свои уроки и освобождает помещения, а следующая группа начинает. Это и есть двухсменная форма школьного обучения. В некоторых случаях смены «накладываются» друг на друга: две (или более) группы учащихся в одно и то же время собираются в одном помещении. Такое положение дел мы называем трёхсменной системой. Каждая группа использует одни и те же здания, лабораторное оборудование и другие объекты.

До 1990-х гг. двухсменная система школьного образования была не единственной формой обучения в начальных и средних школах Монголии. Ученики старших классов (8, 9 и 10-й) занимались с 8.00 до 13.00, или в утренней смене, а младшие классы (с первого до 7-го) учились с 13.30 до 18.00. В некоторых школах были различные сочетания форм утренних или дневных смен. Начальное образование являлось обязательным и продолжалось четыре года. Школы начального, неполного и полного среднего уровней, как правило, не существовали по отдельности. Только 79 школ в Монголии предлагали начальное образование (в основном в отдалённых провинциальных районах), а также 232 восьмилетних школы – начальное и неполное среднее образование, которое являлось заключительным этапом обязательного школьного образования и продолжалось четыре года (в возрасте 12–16 лет). Выпускники-восьмиклассники имели право поступить в профессионально-технические училища. Можно было оставаться в школе ещё на два года и получить полное среднее образование (17–18 лет). Классы полного среднего (не обязательного) образования подразделялись на общие и профессиональные/технические. По результатам академической успеваемости и вступительных экзаменов выпускники старших классов средней школы имели возможность поступить в университеты и институты, а также в профессионально-технические учебные заведения (ПТУ) или на работу. Существовал ряд ПТУ для выпускников неполной и полной средней школы, предоставлявших программы среднего профессиональ-

ного образования для подготовки квалифицированных рабочих и техников. В этот период развития Монголии охват школьным образованием как в начальных, так и средних школах был очень высок (более 90%).

С 1990-х гг. охват школьным образованием упал из-за экономического кризиса в Монголии, и это продолжалось до 2000 г. В это время, в основном в провинции, из-за уменьшения числа учащихся школы стали работать в одну смену. Но в городах, особенно в столице Улан-Баторе, ситуация была совершенно иной. Миграция из провинции в столицу и, как результат, естественный, механический прирост городского населения привели к тому, что школы были перегружены. Чтобы справиться с этой проблемой, многие школы, в основном в отдалённых хоронах Улан-Батора, начали практиковать трёхсменную форму школьного обучения.

По данным Департамента образования Улан-Батора, в настоящее время в столице 30 средних школ имеют трёхсменную систему школьного обучения¹. Параллельно с этим процессом заинтересованные стороны (учёные, учителя и родители) начали дискуссии о многосменной системе обучения, её влиянии на качество образования и его доступность.

По мнению Марка Брея [Bray 1989], многосменное школьное обучение имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К *позитивным* автор относит:

- увеличение числа школьных мест, что расширяет доступ к образованию и помогает правительству в достижении целей социальной справедливости;
- решение проблемы недостатка учителей, позволяющее властям более эффективно использовать ограниченные человеческие ресурсы;
- возможность повысить доходы учителей, а также снизить политическую напряжённость, которая возникает от низких базовых окладов;
- возможность снизить расходы бедных семей на оплату обучения детей. Многосменная система позволяет детям работать в течение нескольких часов в день. Так они помогают своим семьям заработать деньги и в то же время могут учиться;
- наличие вечерних смен позволяет учиться детям, которые должны работать в течение дня;
- возможность снизить переполненность классов, уменьшить давление на спортивные сооружения, библиотеку, школьную столовую.

Негативными факторами Марк Брей считает следующие:

- сокращение школьных часов, особенно в трёхсменной системе, что идёт в ущерб качеству образования, потере времени на работу в классе и внеклассную деятельность;
- усталость учителей, работающих в две смены, что также снижает качество преподавания;

¹ Сборник статистических данных образования. Департамент образования г.Улаанбаатара URL: <http://www.edub.edu.mn> [Дата посещения: 15.05.2019].

- порождение социальных проблем, возникающих из-за того, что дети проводят в школе короткое время, а потом бесцельно и неконтролируемо бродят по улицам.

На примере Монголии можно сделать вывод, что многосменная система школьного обучения имеет ряд достижений, хотя общественное мнение и заинтересованные стороны (учителя, родители, эксперты по образованию, учёные и исследователи) критикуют её, особенно трёхсменную, за отрицательное влияние на качество образования, снижение удовлетворённости учащихся и родителей.

Рассмотрим понятие «качество образования». Как правило, оно характеризуется следующими факторами:

- дети здоровы, хорошо накормлены и готовы активно учиться, процесс обучения поддерживается со стороны их семей и общин;

- здоровая и безопасная школьная среда, благоприятные условия обучения, защищённость и внимание к гендерным аспектам;

- адекватный контент учебных программ и материалов для приобретения базовых навыков (обучение грамоте, счёту и навыкам жизни), необходимых знаний в таких областях, как пол, здоровье, питание, профилактика ВИЧ/СПИДа;

- методы обучения, ориентированные на ребёнка; умелое управление поведением детей, воспитание у них уважения к товарищам с целью облегчения процесса обучения и сокращения неравенства;

- полученные знания соответствуют национальным интересам и направлены на воспитание патриотизма и позитивное участие в жизни общества.

Таким образом, образование предстаёт как сложная система, включающая политический, культурный и экономический контексты, являющиеся в то же время взаимозависимыми и взаимовлияющими.

В соответствии с целями нашего исследования мы ограничили определение «качество образования» пределами возможности школьных ресурсов и преподавательского состава. В нашем понимании «качество образования» означает здоровые, безопасные и защищённые условия обучения и его обеспечение адекватными ресурсами и средствами.

Многосменная система школьного обучения и её проблемы

В рамках нашего исследования мы провели как качественный, так и количественный анализ, опросив учителей, родителей и учеников, сосредоточив внимание на многосменной системе обучения, особенно трёхсменной.

Исследования показывают, что учителя и родители дают ей противоположные оценки. По мнению учителей, третья смена оказывает негативное влияние на результаты образования, она небезопасна и плохо сказывается на окружающей среде внутри школы.

Родители также признают, что трёхсменный режим обучения негативно влияет на качество образования: 56% родителей винят в недостатке знаний своих детей сниженное количество учебных часов и внеклассных занятий. Среди основных причин они называют отсутствие классных кабинетов, нехватку учителей и переполненность классов. По их мнению, двухсменная система не имеет таких сильных негативных влияний на качество образования.

В соответствии с международным опытом не существует прямой связи между двухсменной системой обучения и качеством образования. Как было отмечено в публикации Всемирного банка: «Не существует значительно убедительных доказательств недостатков познавательных достижений при двухсменном школьном обучении. Имеющиеся данные не показывают значительного когнитивного отставания учащихся, которые занимаются в две смены. Недавнее исследование вечерних смен средней школы в Бразилии подтвердило этот факт [Secondary Education ... 2000].

Трёхсменная система школьного обучения, согласно нашим исследованиям, негативно сказывается на успеваемости учащихся по нескольким причинам.

Во-первых, мало времени отводится на дополнительные занятия. Более половины учеников, посещающих школу в третью смену, говорят, что они не могут принимать участия во внеклассных и дополнительных занятиях. Согласно фокус-группам и контент-анализу, в трёхсменной системе учащиеся получают на 20% меньше дополнительных занятий, чем в школах с двухсменным обучением.

В отдалённом районе Улан-Батора люди живут в основном в традиционных жилищах, где выполнение домашнего задания затруднено нехваткой учебного пространства. Кроме того, из-за домашнего насилия со стороны пьяных родителей дети не имеют возможности учиться у себя дома [Secondary Education ... 2000].

Следовательно, если ученики не могут иметь дополнительные учебные часы в школах, их успеваемость сильно страдает. Этим не удовлетворены и родители.

Подтверждается и вывод о том, что число учащихся в одном классе влияет на общее количество часов внеклассного обучения. Как видно из таблицы 1, по мере увеличения числа учеников в одном классе, процент проведения внеклассных занятий падает.

Таблица 1

Число учащихся и учебные часы, %
Number of pupils and class periods, %

Число учащихся	Менее 1 часа в неделю	Менее 2–3 часов в неделю	Менее 4–5 часов в неделю	Не занимаются таким видом деятельности	Другое
До 25 учеников	20,0	25,7	20,0	31,4	2,9
От 26-до 35 учеников	8,7	28,2	22,1	35,4	5,6
От 36 до 45	23,8	23,1	11,5	30,8	10,8
46 и больше	0,0	75,4	0,0	24,6	0,0

Результаты фокус-групп среди учителей подтверждают, что трёхсменная система обучения создаёт следующие проблемы:

- невозможность индивидуальных занятий;
- недостаточное количество классных кабинетов для консультаций и занятий;
- высокая нагрузка на учителей, не позволяющая давать ученикам материал больше учебной программы;
- недостаток времени и финансовых ресурсов для повышения квалификации учителей.

Во-вторых, трёхсменная система школьного обучения отрицательно влияет на здоровье школьной среды. Согласно интервью и фокус-группам, для уборки в классе и кондиционирования воздуха просто нет времени, что повышает уязвимость детей перед различными заболеваниями.

Данные из Китая, Гвинеи, Индии и Мексики показывают, что здоровая окружающая среда школьных помещений способствует сокращению прогулов и повышает внимательность, а детская заболеваемость является основной причиной пропуска занятий [Carron, Chau 1996]. Результаты наших исследований также подтверждают этот вывод.

В-третьих, трёхсменная система школьного обучения становится причиной насилия в отношении детей на улицах. Уроки заканчиваются, когда на улице уже темно. В юрточном районе освещение улиц слабое, нет удобного транспорта, детям приходится идти домой пешком, из-за чего они становятся лёгкими жертвами мелких преступлений и насилий. Однако, к сожалению, точных данных по этому вопросу нет, т. к. подчас дети и их родители не заявляют о преступлении в полицию. Из-за страха подвергнуться нападению или насилию на улицах дети отказываются ходить в школу, что значительно повышает уровень школьной непосещаемости.

И, в-четвёртых, трёхсменная система ограничивает социальную активность детей. Традиционно школы в Монголии играют важную роль в детской социализации и их культурном, эстетическом развитии. Трёхсменный режим обучения не даёт возможности проводить в школах различные культурные мероприятия. В 1995–2000 гг. общественные заведения для детских мероприятий были закрыты и переданы другим бизнес-организациям. Например, банк взял здание детской библиотеки, фондовая биржа разместилась в детском кинотеатре. Кроме того, многие детские площадки были разрушены и превращены в гаражи или отданы строительным организациям. В настоящее время осталось очень мало мест для внешкольной активности детей. Такая ситуация вынуждает многих подростков бесцельно бродить по улицам, подтверждая вывод, что в Улан-Баторе нет благоприятной среды для детей. Новые развлекательные центры платные, дорогостоящие для подростков, поэтому большинство детей не могут пользоваться их услугами.

Многосменное школьное обучение и качество образования: заинтересованные стороны

В основном школу для своих детей выбирают родители; 60% из них ответили, что стараются найти её вблизи дома; 20% сделали выбор в соответствии с рекомендациями друзей и родственников. Только 14% родителей ориентируются на показатели вступительных экзаменов в вузы или национального единого теста (см. рис. 1).

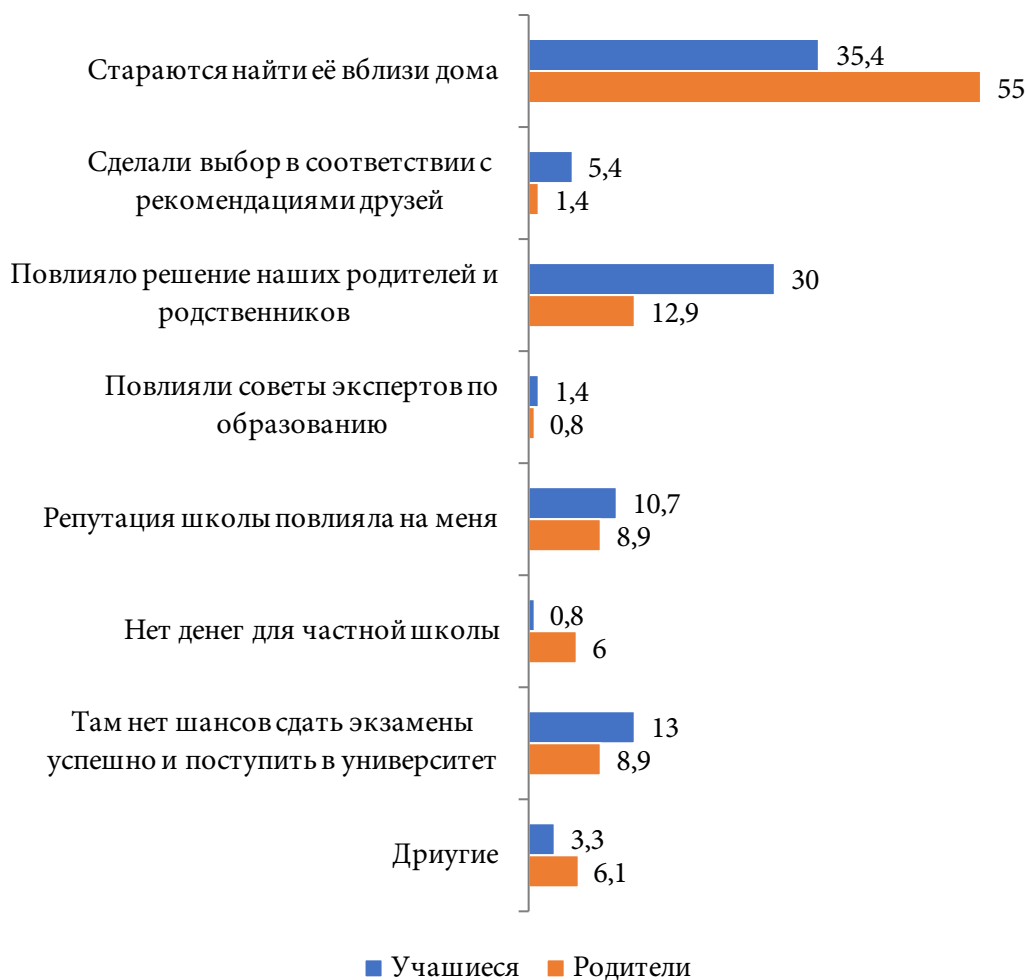

Рис. 1 Причины выбора той или иной школы родителями и детьми
Diagram 1. Reasons for the choice of the school by parents and children

По мнению трети учащихся (35,4%), они выбрали свою школу потому, что она рядом с домом, и 30,2% – по решению родителей.

Несмотря на то, что 69,6% учащихся намерены поступить в университет или колледж после окончания средней школы, только пятая часть из них (13,1%) и 14% родителей при выборе школы принимали во внимание результативность обучения в ней для вступительных экзаменов в высшие учебные заведения (см. рис. 2).

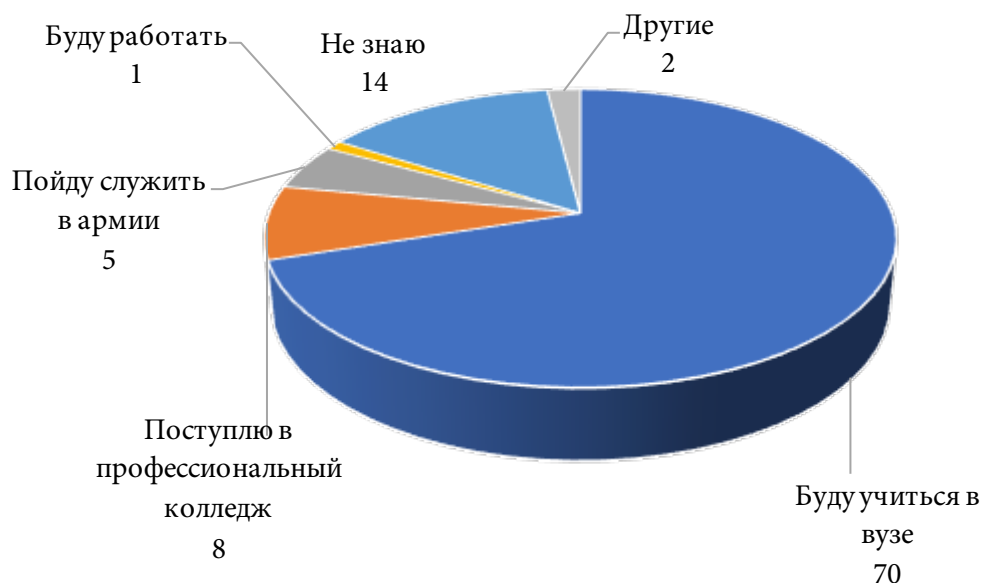

Рис. 2. Планы учащихся после школы

Diagram 2. Plans of pupils after school

Для такого результата есть несколько причин. Во-первых, по закону ученики должны ходить в школы в соответствии с адресом проживания. Во-вторых, родители не могут позволить себе отправить своих детей в частные или государственные школы с платным обучением по причине низких доходов в семье. Большинство респондентов в нашем опросе оказалось из группы с низким уровнем дохода: 62,2% из них имеют доход до 300 000 тугриков в месяц, что соответствует \$220, а 17,9% и того ниже (\$80). В-третьих, если дети учатся в удалённых от дома школах, необходимо ежедневно отводить и забирать их, но родители не имеют на это времени, т. к. оба работают.

Отметим, что «очень удовлетворены» успеваемостью своих детей в школе 15,1% респондентов и 57% «удовлетворены». В то же время 27,9% родителей «удовлетворены мало» или «не удовлетворены». Их не устраивает количество учащихся в одном классе (35%), смена школьного обучения (31%), среда и условия обучения (29%), качество дополнительных занятий (25%).

Несмотря на то, что число учащихся в начальной и средней школах значительно увеличилось за последние годы, строительство новых школ часто не успевает соответствовать этому росту. Поэтому приходится увеличивать количество учащихся в классе и нагрузку на одного учителя. В 1995 г. ЮНИСЕФ провёл исследование в 14 наименее развитых странах, установив, что размеры класса колебались от менее чем 30 учащихся в сельских и городских районах Бутана, Мадагаскара и Мальдив до 73 – в сельских районах Непала и 118 – в Экваториальной Гвинее [Postlewaithe 1998].

Исследование показало, что наполняемость классов непосредственно связана с успеваемостью учащихся, т. к. многие школы ещё не вступили в личностно-ориентированную практику, которая является краеугольным камнем учебной программы среднего образования, выдвигая

нутой Министерством образования Монголии. Большинство учителей работают традиционным способом: «монолог учителя – пассивный приём учащихся». Это отрицательно влияет на развитие критического мышления и творческих способностей детей.

Несмотря на то, что 72,1% родителей были удовлетворены школьной успеваемостью своих детей, почти каждый второй родитель (48%) готов поменять школу, если будут лучшие варианты. Среди положительных ответов (51,3%) более 75% составляют родители, чьи дети посещают школы юрточного района. Родители готовы поменять школу и объясняют это тем, что в квартирных районах школы дают более качественное обучение, чем расположенные в традиционных юрточных районах.

В ходе количественного исследования мы попросили родителей попредметно оценить качество образования в школе, где учатся их дети (см. таблицу 2).

Таблица 2

Оценка родителями основных учебных дисциплин, %
Assessment of the main education disciplines by parents, %

Название дисциплины	Очень хорошо	Хорошо	Средне	Плохо	Очень плохо
Математика	20,9	50,1	18,5	10,0	0,5
Естественные науки	9,3	56,3	30,5	3,5	0,4
Иностранный язык	13,4	38,8	37,8	7,9	2,1
Информатика	11,6	35,2	38,5	8,6	6,2
Социальные науки	10,3	42,5	43,4	3,2	0,6
Технические знания	9,6	38,9	43,5	7,5	0,5

Только один из пяти родителей оценивает качество образования как «плохо» или «очень плохо». Например, положительная оценка родителей, чьи дети учатся в 1–5-м классах, достигает почти 70%. Этот показатель уменьшается в 9–11 классах до 56%. Следовательно, родители становятся всё более критичны к успеваемости своих детей и не доверяют их оценкам. К сожалению, практика завышения баллов становится распространённым явлением в школах. Не удивительно недоумение родителей, когда их дети получают низкие оценки на вступительных экзаменах в вузы.

Далее мы попросили родителей оценить школьную среду по нескольким параметрам: 1 – внешняя среда; 2 – учебное оборудование; 3 – социально-психологическая среда; 4 – комфортность кабинетов; 4 – другое (см. рис. 3).

Родители положительно оценили комфортность классов («отлично» – 46% и «хорошо» – 10.9), но негативно отнеслись к нагрузке и количеству учеников в классе («очень плохо» – 7.7%, «плохо» – 13.8). Большая часть показателей – средние, и это даёт основание полагать, что многим родителям хотелось бы иметь более комфортную среду обучения для своих детей.

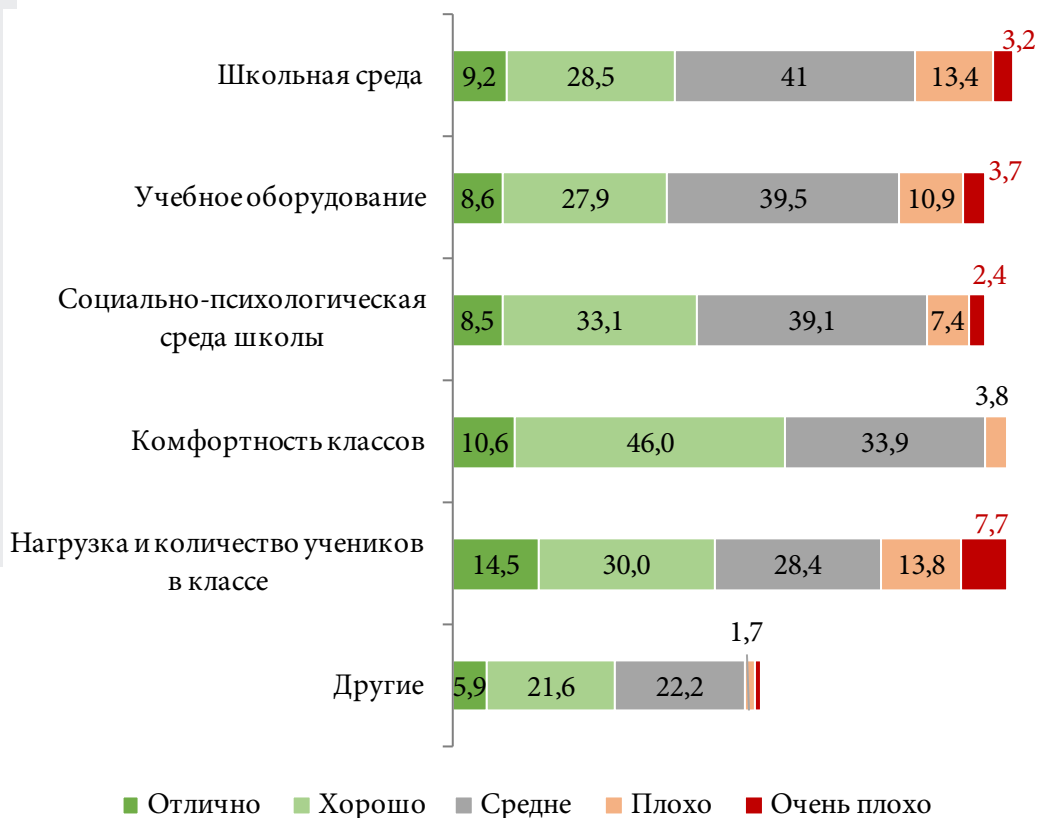

Рис. 3. Оценка школьной среды
 Diagram 3. Assessment of the school environment

Родители оценили уровень развития критического мышления у детей, их умение работать в команде и наличие у них навыков социализации. Оценки показали, что школа развивает навыки критического мышления очень хорошо (14,6%), хорошо (42,4%), средне (7,8%), плохо (7,8%) и очень плохо (1,5%); навыки самостоятельной и командной работы – хорошо (44,8%), средне (33,6%) и очень хорошо (14,6%); чувство ответственности – очень хорошо (12,2%), хорошо (41,5%), средне (35,8%), плохо (9,4%) и очень плохо (1,0%). По оценкам респондентов можно сделать вывод, что навыки критического мышления, самостоятельной и командной работы, ответственности, наиболее востребованные на мировом рынке труда, довольно успешно даются в школах Улан-Батора.

Родители в целом оценивают знания детей и качество работы учителей позитивно: более 67% дают им оценку «хорошо» и 20% – «средне». В последние годы растут тренинги среди школьных учителей. Это создаёт возможности для повышения их квалификации, что положительно влияет на оценку труда учителей.

Заключение

Многосменная система школьного обучения, особенно двухсменная, даёт некоторые преимущества и доступ к образованию большей части населения в определённый социально-экономический период развития страны.

Как показывает монгольский опыт, двухсменная система школьного обучения помогла стране двигаться в направлении всеобщего охвата детей школьного возраста начальным и средним образованием. После распада социалистической системы Монголия попала в очень сложный переходный период, который серьёзно ударил по сектору образования. Многие учителя решили отказаться от своих рабочих мест из-за отсутствия доходов и ушли в другие сферы деятельности. С распадом местных кооперативов родители снова занялись скотоводством, а их дети должны были помогать пасти скот. К концу 1990-х гг. ситуация в образовательной системе страны начала улучшаться. Двухсменная система школьного образования смогла справиться со своими проблемами за очень короткое время. Согласно статистическим данным 2015 г., в 756 начальных и средних школах учились 510 200 учащихся. Показатель охвата детей в возрасте 8–15 лет составлял 98%. В средних школах работали около 28 490 высокообразованных преподавателей, более 9088 (31,9%) из них – в начальных классах, а 19 402 (68,1%) – в средних и старших классах.

Тем не менее двухсменная система школьного обучения имеет некоторые серьёзные недостатки, отрицательно влияющие на качество образования и успеваемость учащихся. По сравнению с односменной системой обучения, двухсменной системе не хватает возможности внеклассного дополнительного обучения, в том числе нет времени для социальной и культурной деятельности учеников.

Практика трёхсменной системы обучения – шаг назад для монгольской системы образования. Она создаёт много проблем. По данным нашего исследования, все основные заинтересованные стороны (учителя, родители и ученики) считают, что она негативно влияет на качество образования и ограничивает возможности учеников поступить в лучшие высшие учебные заведения. Согласно результатам нашего исследования, учащиеся школ с трёхсменной системой получают на 20% меньше учебных часов, чем в школах с двумя сменами.

Трёхсменная система школьного обучения в основном поддерживается в школах, которые посещают дети из уязвимых социальных групп. 17,9% респондентов, принявших участие в нашем исследовании, имеют доход менее 185 000 тугриков в месяц, что равно 80 долларам США, а 5,4% не имеют никаких доходов.

Исследование показывает, что из-за трёхсменной системы обучения и переполненности классов категорически ограничивается возможность проведения внеклассных мероприятий и сокращаются консультации.

Трёхсменная система школьного обучения отрицательно влияет на здоровую среду школы, увеличивая рост заболеваемости среди детей, в результате чего растёт число прогулов. Такое состояние значительно снижает успеваемость учащихся.

В связи с поздним временем окончания занятий при трёхсменной системе обучения учащиеся из отдалённых районов Улан-Батора становятся жертвами уличного насилия и мелких преступлений. Ученики не хотят ходить в школу из-за страха, и это снижает посещаемость занятий.

Трёхсменная система обучения и отсутствие внеклассной учебной деятельности, нездоровая среда школы и страх, насилие на улицах значительно снижают успеваемость учащихся.

В связи с ограниченностью финансирования, инвестиций и недостаточностью пространства невозможно решить проблему расширения школ.

Чтобы справиться с увеличением спроса на начальное и среднее образование и дать равное, высококвалифицированное, конкурентоспособное образование всем детям, Монголия должна разработать долгосрочную образовательную стратегию.

На основании результатов исследований мы разработали следующие рекомендации:

- Сократить миграцию за счёт уменьшения разницы в качестве образования в городских и провинциальных районах. В последние годы правительство пытается добиться этого путём улучшения местного потенциала и качества школ, а также предоставляет дополнительные финансовые выгоды для учителей в провинциальных районах: более высокую зарплату, регулярный бонус, равный двухмесячной зарплате каждые 5 лет, банковский кредит на жильё. В дополнение к этому местные органы власти могут предоставить и другие преимущества. Благодаря такой политике страна могла бы преодолеть нехватку преподавателей в провинциальных школах.

- Ежегодно повышать общие расходы на образование.

- Развивать профессионально-техническое образование для уменьшения нагрузки на старшие классы средней школы. Необходимо строить новые здания школ, чтобы обеспечить среднее профессиональное образование с большой мощностью.

- Для привлечения молодёжи в ПТУ крайне важно использовать финансовые рычаги. По данным 2017 г., студенты получают ежемесячную стипендию в 70 000 тугриков, и по плану Министрства образования к 2019 г. она будет увеличена до 100 000.

- Рассчитывать число студентов ПТУ в зависимости от потребности рынка труда: сегодня он нуждается в 70% квалифицированных рабочих или выпускников ПТУ и в 30% выпускников вузов. По данным нашего исследования, в настоящее время 70% старшеклассников хотят поступить в университеты, что противоречит потребностям рынка труда.

- Необходимо систематически проводить профориентацию молодёжи и студентов, рассказывая о прямой корреляции между полученной профессией и наличием рабочих мест.

- Необходимо уменьшить соотношение учителя/ученики (число учащихся в классе и учебная нагрузка учителя), но увеличить количество учебных часов и внеклассного обучения.

- Нужно поддержать частные школы для уменьшения нагрузки на государственные начальные и средние учебные заведения, а для снижения платы за обучение необходимо частично покрыть расходы за счёт государственного и муниципального бюджетов.

Библиографический список

Гомбо С., Мунхбат О. 2003. О социальной структуре Монгольского общества // Социологические исследования. № 6. С. 129–130.

Константиновский Д. Л. 2006. Доступность качественного общего образования в России: возможности, ограничения // Вопросы образования. № 2. С. 186–202.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. 2006. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Логос. 208 с.

Bray M. 1989. Multi-shift schooling: Design and Operation for cost effectiveness. Hong-Kong: University of Hong-Kong. First edition. 120 p.

Carron G., Chau T. N. 1996. The quality of primary schools in different contexts. Paris: UNESCO. 306 p.

Linden T. 2001. Double-shift secondary schools: Possibilities and Issues. Washington: Washington DC: The World Bank. 24 p.

Secondary Education in Brazil: Time to Move Forward. 2000. Washington D.C.: World Bank and Inter-American Development Bank. 110 p.

Postlewaithe N. 1998. The conditions of primary schools in least-developed countries // International Review of Education. № 44 (4). P. 289–317.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.579

Sociology of Education: Multi-Shift Schooling in Ulaanbaatar

Munkhbat Orolmaa

Mongolian State University, Ulaanbaatar city, Mongolia. E-mail: munkhbat@num.edu.mn

Bouraenjargaal Taegshae

Mongolian State University, Ulaanbaatar city, Mongolia E-mail: tburenjargal@gmail.com

Moonkhtoor Dashzaewaeg

Mongolian State University, Ulaanbaatar city, Mongolia. E-mail: munkhturd5@gmail.com

For citation: Orolmaa, M.; Taegshae, B.; Dashzaewaeg, M. Sociology of education: multi-shift schooling in Ulaanbaatar. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 107–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.579>

Abstract. This article analyzes multi-shift schooling and its effect on the quality of education in the city of Ulaanbaatar in Mongolia. Highlighted are the features, advantages and shortcomings of multi-shift schooling, achievements of middle-school pupils, satisfaction of parents and pupils with the quality and accessibility of education. Also evaluated are opinions on multi-shift schooling. After the downfall of socialism and a transition towards a free market, multiple migratory flows from provinces to the country's capital city have led to a specific increase of the population, and as a result of government policy to admit all 6-year old children into schools, as well as an increased strain on account of transitioning from a 10-year education system to a new 12-year one, schools have encountered a lack of funds, as well as a shortage of teachers and equipment. In an attempt to solve these issues, some schools have increased the amount of pupils attending one class to 45 or more, while also instituting a third shift, which has become common practice among many of Ulaanbaatar's middle-schools. Within the framework of a 2016 research project, the Mongolian State University's department of sociology and social work has conducted research and evaluated the multi-shift schooling system, while utilizing various research methods (survey, interview, observation, content analysis). Under the guise of a study called "Multiple shifts in Ulaanbaatar's secondary schools and the

quality of education”, conducted in 2016–2017, scientific approaches were used such as structural functionalism, phenomenology and exchange theory in order to analyze qualitative and quantitative data. A multi-shift schooling system, especially one with three shifts, creates some serious problems. Based on our research, the main parties concerned (teachers, parents and pupils) for the most part see it as detrimental to the quality of education, and as a liability when it comes to pupils’ opportunity to enroll into the highest tier universities, given that those who go to schools working three shifts receive 20% less learning hours compared to schools working two shifts. Three shifts were introduced mainly in schools attended by children from vulnerable social groups. Such a practice creates social discrimination and violates children’s rights to an equal and quality education. 17.9% of respondents who took part in our study receive an income of less than 185,000 tugriks a month (which is less than 80 USD), while 5.4% have no income at all. A three shift system of schooling has a negative effect on health and safety in the school environment, with an increase in the disease rate among children and the number of absences.

Keywords: multi-shift schooling, education quality, pupils, secondary school, three shift education

References

Gombo S., Moonkhbaat O. On Social Structure of the Mongolian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Science*. 2003; 6:129–130 (in Russ.).

Konstantinovsky D. L. Availability of the general education quality in Russia: opportunities, restrictions. *Voprosy Obrazovaniya = Issues of Education*. 2006; 2:186–202 (in Russ.).

Konstantinovsky D. L., Vakhshain V. S., Kurakin D. Y., Roshchina Y. M. Availability of the general education quality in Russia: opportunities, restrictions. Moscow: Logos, 2006. 208 p. (in Russ.).

Bray M. Multi-shift schooling: Design and Operation for cost effectiveness. Hong-Kong: University of Hong-Kong, 1989. 120 p.

Bray M. Double-shift schooling: Design and Operation for cost effectiveness. Hong-Kong: University of Hong-Kong, 2008. 122 p.

Carron G., Chau T.N. The quality of primary schools in different contexts. Paris: UNESCO publ., 1996. 306 p.

Linden T. Double-shift secondary schools: Possibilities and Issues. Washington (Washington DC): The World Bank publ., 2001. 24 p.

Secondary Education in Brazil: Time to Move Forward. Washington D.C.: World Bank and Inter-American Development Bank publ., 2000. 110 p.

Postlewaithe N. The conditions of primary schools in least-developed countries. *International Review of Education*. 1998; 44 (4): 289–317.

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.580

Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра

Ссылка для цитирования: *Гешева Е. Г. Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 125–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.580>*

For citation: Gesheva, E. G. Russia's electoral landscape: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 125–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.580>

Гешева Елена Георгиевна

Национальный исследовательский университет
«МЭИ»,
Москва, Россия

elenagesheva@yandex.ru

Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра¹

Аннотация. В коллективной монографии «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» эксперты ВЦИОМ анализируют эволюцию политического поведения россиян и выявляют перспективы и риски следующих электоральных циклов. Базой для анализа электорального ландшафта послужили масштабные социологические исследования последних избирательных компаний. Авторы отмечают, что выборы в России происходят в условиях политической системы с ограниченной конкуренцией, не создающей возможности для реального «веера альтернатив». Социологические исследования показывают, что все последние электоральные циклы в России осуществлялись в классическом духе веберовской плебисцитарной демократии, а главным источником социального доверия в обществе является личность политического лидера с легитимностью патерналистского толка. Россияне не рассматривают выборы в логике рационального поведения и полезности, выгод для себя и возможных приобретений для страны, решение экономических проблем в массовом сознании не увязывается с развитием демократических институтов. К оппозиции в основном относятся с недоверием, об этом свидетельствует провал бойкота выборов, предложенный несистемной оппозицией, невысокий уровень сигнального голосования и др. В коллективной монографии выделяются базисные основания «посткрымского консенсуса» – сплочение вокруг фигуры сильного лидера, усиление патриотических настроений на фоне возвращения Крыма и западных санкций. Авторы, исследуя массовое сознание, отмечают «промежуточный» характер ценностной среды, для которой характерны идеологические разломы и размежевания, прежде всего – между консервативным большинством и либеральным меньшинством. Неоднозначность ценностного поля позволяет с равным основанием говорить и о сформировавшемся «посткрымском консенсусе», и о «посткрымском размежевании». «Посткрымский консенсус» сработал не только как механизм объединения, но и как механизм обособления и исключения. В монографии рассматривается влияние эмоциональной компоненты на электоральный выбор. Существенное внимание в работе уделяется проблемам политического прогнозирования, приёмам и методам политического прогнозирования, позволяющего выделить дальнейшие направления и тенденции в электоральных процессах.

Ключевые слова: выборы, электоральное поведение, политическое прогнозирование, методы политического прогнозирования, консенсус, ценности, ограниченная конкуренция

¹ Рецензия на книгу «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» / Под. ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018.

Коллективная монография «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» будет интересна всем, кто интересуется электоральными исследованиями – от специалистов до широкой непрофессиональной аудитории. Эксперты ВЦИОМ анализируют эволюцию политического поведения россиян в 2016–18 гг. и выявляют перспективы и риски электоральных циклов. Читая этот коллективный труд, оказываешься в компании ведущих российских теоретиков и практиков по проблемам электоральных исследований и политического прогнозирования. Сразу отметим не часто встречающееся достоинство исследований подобного рода: многочисленные социологические выкладки не заслоняют живого голоса интеллектуалов, экспертные оценки точны, не «засушены», предлагают свежий взгляд на события недавней политической истории.

Выборы в условиях низкоконтурной политической среды

В работе можно выделить два основных аспекта – анализ больших электоральных циклов на основе прикладных социологических исследований и политическое прогнозирование, позволяющее выделить дальнейшие направления и тенденции в электоральных процессах. Книга в известном смысле фундаментальна – как по масштабу и качеству прикладных социологических исследований, проведённых коллективом, так и по предложенным теоретическим выводам и обобщениям. Это сочетание эмпирических данных и смысловых интерпретаций даёт возможность разобраться в событиях современной электоральной истории, сверить свои ощущения с предложенными выводами и поразмышлять над прочитанным.

Не ставя задачи изложить содержание монографии, остановимся на некоторых узловых темах. Начнём с того, что авторы не рисуют идеализированной картины выборов, завершающихся непредсказуемым результатом и наполненных конкурентной борьбой. Они вполне отдают себе отчёт в том, что выборы в России происходят в условиях политической системы с ограниченной конкуренцией, не создающей возможности для реального «веера альтернатив». Картина электоральных циклов решена в тонах объективного анализа, без желания что-либо приукрасить. Анализируя ход президентской избирательной компании, авторы отмечают, что выборы президента в 2018 г. воспринимались большинством респондентов как игра с заранее известным результатом, что понятным образом отразилось и на интересе к самим выборам, и на мотивации участвующих в них [Выборы на фоне... 2018: 70]. Один из подзаголовков так и называется «Зачем идти на выборы, или торжество политической рутины». Такое название воспринимается как прививка от необоснованных ожиданий и оптимизма.

Впрочем, отметим, что даже тогда, когда выборы во многом имеют предсказуемый характер, процесс тем не менее не исключает интриги. Известно, словарный запас электората – всего лишь два слова «да» и «нет», однако он выступает правителем в узком временном интервале выборного пространства. Поэтому даже в низкоконкурентной политической системе выборы имеют определённый элемент непредсказуемости и заслуживают аналитических усилий. Нередко излишняя уверенность в неопределённом контексте может преподнести сюрпризы. При этом каждый предвыборный цикл обнажает специфическую расстановку сил, известное реформирование электората, изменения в общественном запросе. Они – барометр общественных настроений и поведения политической элиты. Общество эволюционирует, меняются пределы и способы властного контроля, и выборы, как отхлынувшая морская волна, оставляют новый рисунок на песке. Или всё же повторяют старый? Попробуем разобраться.

Прежде всего утверждаешься в мысли, что все последние электоральные циклы в России (и президентские, и парламентские) осуществлялись в классическом духе веберовской плебисцитарной демократии. Для этого есть множество оснований. Граждане не столько выбирают, сколько в очередной раз оказывают доверие плебисцитарному вождю, поддерживают наиболее сильную фигуру. А главным источником социального доверия в обществе по-прежнему является личность политического лидера с легитимностью патерналистского толка, с множеством сходных определений: «защитник», «спаситель» и т. п. Силовые компоненты в образе президента усилились по сравнению с выборами 2012 г. Об этом убедительно говорят такие данные: характеристика «Путин – это сильный лидер» (88%, рост на 17 п. п.), проводит правильную внешнюю политику (85%, рост на 25 п. п.), добился авторитета России в мире (81%, рост на 17 п. п.) [Выборы на фоне... 2018: 85]. Значение фактора «сильный кандидат» отмечают многие авторы. Так, Р. Ф. Туровский пишет, что отличительной особенностью последних президентских выборов стала консолидация электората вокруг сильного кандидата [Туровский 2018: 40].

В классической теории плебисцитарной демократии доверие к лидеру базируется на экономической эффективности, на способности решать назревшие проблемы. В нашем случае едва ли уместно говорить о том, что россияне довольны экономическим и социальным положением в стране. Большинство выступают за необходимость перемен. При этом в общественных настроениях доминирует запрос на стабильность и спокойную жизнь, перемены скорее пугают. Как связать эти противоречивые настроения? Респонденты отмечают отсутствие реальных кандидатов, способных реализовать этот запрос на перемены. В обществе доминирует опасение, что появление новых фигур только ухудшит ситуацию.

Боязнь ухудшения ситуации в случае, если В. Путин уйдёт с поста президента, в той или иной степени демонстрировали все избиратели, а не только его сторонники [Выборы на фоне... 2018: 75]. Это и понятно.

Можно вспомнить Д. Канемана, утверждавшего, что неприятие потерь является мощной консервативной силой, которая предпочитает минимум перемен по сравнению с нынешней ситуацией [Канеман 2017: 399]. Это правило срабатывает и когда мы защищаем своё территориальное пространство, и когда пытаемся сохранить основные жизненные ориентиры. Перспектива потерь воспринимается сильнее и болезненнее, чем возможный выигрыш. Кроме того, обоснованность реакции страха перемен в России многократно подтверждалась исторически. Именно эти страхи и опасения и определили эффективность негативной мобилизации вокруг фигуры Путина. Разумеется, это не единственный фактор сплочения. В самом названии коллективной монографии «Выборы на фоне Крыма» обозначен один из главных мобилизующих факторов сплочения вокруг фигуры президента – геополитические успехи. Сильный государственный, сильный политик, сильный стратег, особенно в международном аспекте, – базисные основания «послекрымского консенсуса», выразившегося в патриотической мобилизации вокруг фигуры Путина. По существу – патриотические настроения, возвращение Крыма, западные санкции сыграли роль доминирующей матрицы последних президентских выборов.

Особенности политического поведения россиян

Россияне не рассматривают выборы в логике рационального поведения и полезности, выгод для себя и возможных приобретений для страны. Выборы не рассматриваются как шанс что-то изменить в реальной, повседневной жизни. В более общем плане можно отметить, что низкий уровень жизни и решение экономических проблем не увязываются с развитием демократических институтов. К оппозиции в основном относятся с недоверием. Об этом свидетельствует, например, провал бойкота выборов, предложенный несистемной оппозицией, невысокий уровень сигнального голосования и другое.

О чём это говорит? Только о том, что политические предпочтения россиян слабо связаны с социальным положением, реальным качеством жизни и бытовыми трудностями. Стратификационные показатели, экономические интересы и политические предпочтения не соответствуют друг другу, находятся в рассогласовании. Статистика говорит о большом количестве неблагополучного в экономическом и социальном отношении населения. Налицо ухудшение экономического положения, но оптимизм не покидает россиян. Желание перемен не ведёт к политической активности, критическое отношение к власти вполне уживается с запросом на стабильность, хочется жить как в Европе, свободно перемещаться по миру, но не разделять «демократических» ценностей. Западных аналитиков подобные рассогласования в причинно-следственных связях ставят в тупик, но для нас они стали привычными. Почему же? Думается, что логика выживания, ставшая обыденной для значительного

числа россиян, не позволяет сделать шаг из бытовых проблем в плоскость инструментальных действий. Особенность «посткрымского консенсуса» выглядит парадоксально: мы не довольны тем, как мы живём, но одобряем курс власти. Эта нечувствительность к противоречиям является характерной чертой массового сознания. Когнитивный диссонанс преодолевается усилением значимости соображений «высшего толка», а не меркантильного интереса и практическими заинтересованностями. Частные претензии есть, и их много, но они не отменяют поддержки власти в целом. Большинство недовольств, кажется, перекрываются чувством гордости за свою страну, патриотизмом на фоне «крымской волны». В мае 2018 г. 49% россиян считали, что Россия уже является, а 39,5% – что в ближайшие годы станет одной из великих держав [Выборы на фоне... 2018: 132]. Л. Бызов объясняет усиление таких настроений сложившимися социокультурными кодами нации, архетипическими пластами сознания. К этому социокультурному коду относят: православие, сильную централизованную власть, державную имперскую внешнюю политику, духовность в противовес меркантильности [Выборы на фоне... 2018: 121].

По нашему мнению, такой отсыл к очень традиционалистским основаниям говорит о том, что общество живёт в условиях усиления мифологических элементов для управления социумом при одновременном снижении рациональности. Можно много толковать по поводу того, почему рациональное знание снижается, а не нарастает. Это и влияние массовых коммуникаций, сетевых практик, дегуманитаризация образования и многое другое. Всё это темы для специального разговора. А вот прямой перенос этих архетипических сюжетов на современную почву представляется натяжкой. Значение и реальный вес каждого из этих базисных социокультурных кодов могут быть подвергнуты сомнению. Возьмём православие. Вышла ли религиозность для большинства россиян из логики обрядового поведения и стала ли действительным мировоззренческим ориентиром для значимой части граждан? Едва ли. Если мы действительно на нём базируемся, то где ощущение значения своего выбора, свободы этого выбора, ответственности за него? Христианский персонализм никоим образом не встраивается в ритуально принимаемое православие. Это неоднократно становилось предметом и научных, и художественных изысканий. Поэтому едва ли можно говорить сегодня о живучести в неизменном виде традиционалистских установок. Время – оно ведь движется? Сегодняшнее социальное время – это не замкнутый традиционалистский круг, не «лето Господне», а открытый, динамичный вектор. И ментальность тоже меняется. Но как? Пожалуй, для исследователей социокультурных оснований нации – это вопрос вопросов. Как идёт это изменение? Насколько устойчивы эти коды? И повторяются ли они или трансформируются в иные? Если мы стоим на позиции первоственности этих основ, то тогда ответы на все вопросы готовы, и с ловкостью фокусников можно доставать готовые рецепты управления мифами, фобиями, эмоциями. Но не будем забывать – эти культурные коды про-

тиворечивы, двойственны, содержат в себе противоположные тенденции, а значит, и возможность новых ростков, изменений. Почему происходит реанимация архетипических ценностей? Как отмечает руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН Владимир Петухов, – мы живём в промежуточной ценностной среде. В не до конца устоявшемся обществе «плавают» и система ценностей, тяготеющая к традиционности, но готовая меняться [Выборы на фоне... 2018: 128]. Идеологические разломы и размежевания многочисленны. Общество оказалось одновременно и спаяно, и объединено, и расколото. Например, с равным основанием можно говорить и о «посткрымском консенсусе», и о «посткрымском размежевании». «Посткрымский консенсус» сработал не только как механизм объединения, но и как механизм обособления, исключения. Стало дурным тоном не быть патриотом, не поддерживать церковь и православие, разделять либеральные ценности.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в массовом сознании современного российского общества, Л. Бызов отмечает по крайней мере несколько линий идеологического раскола. Первый – между консервативным большинством и либеральным меньшинством. Второй – внутри собственно «консервативного большинства», то есть между теми, которые отдают приоритет идеям мощного государства, и теми, для кого важнее идеи социальной справедливости. И третий по значимости раскол делит либеральный фланг на правых, «классических» либералов, и левых, с приоритетами прав человека, демократии и т. д. Неоднородно и само консервативное большинство [Выборы на фоне... 2018: 125]. Эти линии размежевания условны и поверхностны, они – только тонкая сеть на общем фоне настроений, который можно охарактеризовать как пассивный конформизм.

Думается, что именно необходимость «свести концы с концами», выживание диктует узкие, прагматические рамки поведенческих стратегий, парадоксальным образом сочетающихся с ностальгическими мечтами о могуществе. Тревожный итог заключается в том, что гражданам России проще и психологически комфортнее ощущать себя в логике «осаждённой крепости», сильной державы, чем экономически преуспевающего государства. Очевидного противоречия, что нельзя быть могущественным без экономического роста, не то чтобы не ощущают, а стараются преодолеть в русле механизма разрешения когнитивного диссонанса.

Обобщая эти сюжеты первых глав монографии, отметим, что последние президентские и парламентские выборы (отмеченные общей логикой) не могли преподнести и не преподнесли ничего неожиданного. Можно отметить лишь некоторые новые штрихи. Так, авторы пишут о принципиальном отличии результатов президентских выборов 2018 г. от предыдущих, заключающемся в повышении популярности Путина среди городского населения. Что это? Отражение более высокого уровня жизни в крупных городах или рост патерналистских настроений, установка на зависимость от государства? Неплохо было бы согласиться с пер-

вой половиной вопроса, но едва ли это так. В исследовании «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность. Пятнадцать лет спустя» отмечается, что на фоне экономического кризиса впервые в новейшей истории России из-за кризиса пострадали в большей степени именно крупные города [Столицы и регионы... 2018]. По нашему мнению, скорее можно говорить о реставрации традиционных, казалось бы, преодоленных, ментальных характеристиках жителей крупных городов. Откат от выраженных индивидуалистических установок, самодостаточности, крен в сторону популизма и патернализма. А как же средний класс – ведь именно он носитель модернизационной ментальности? Но российский средний класс атомизирован, «огосударствлён» (так, большинство из ядра среднего класса – до 65% – это работники госсектора) [Средний класс... 2016: 57]. По существу, сейчас средний класс – достаточно консервативный сегмент общества, тесно связанный с госсектором в гораздо большей степени, нежели с передовыми технологиями и наукоёмкими производствами. И при этом, отметим, вполне заглотивший, пусть и скромную, наживку потребительского поведения. А значит, – крайне несамостоятельный, зависимый, заинтересованный в сохранении своих позиций, а не в их улучшении. Справедливости ради следует отметить, что российский средний класс таков, потому что хорошо усвоил урок самосохранительного поведения, преподанный властью (вспомним «белоленточное» движение), когда любые социальные формы активности, направленные на изменение существующего положения дел, интерпретируются как призыв к разрушению социального порядка [Алейников и др. 2015: 31].

Политический прогноз: взгляд в будущее

Значительное внимание авторы уделяют методикам получения данных, позволяющих заглянуть в будущее. Юлия Баскакова, руководитель практики социального моделирования и прогнозирования ВЦИОМ, делится секретами «прогнозной кухни ВЦИОМ, рассматривая различные методики прогнозирования» [Выборы на фоне... 2018: 15]. Знакомство с этими сюжетами вполне убеждает в том, что мы можем говорить об уже достаточно развитой школе отечественного политического прогнозирования, о существенно выросшем уровне этих исследований, даже по сравнению с недавним прошлым рубежа 1990–2000 гг. Читатель на примере конкретных политических событий (выборов 2016–18 гг.) может оценить отработанные механизмы политического прогнозирования и познакомиться с новыми подходами. Конечно, никогда не знаешь, какие сюрпризы готовит жизнь, «эффект бабочки» многократно доказывал это, но пытаться построить методологическую базу эффективного прогнозирования – интеллектуальный вызов для современной социологии, а если речь идёт о политических электоральных исследованиях, то это и их целевая задача.

Проблеме выявления новых оснований для точного прогноза результатов выборов посвящена глава «Валидность и точность в электоральных прогнозах: реабилитация эмоций». Само обращение к эмоциональной сфере является достаточно новым и смелым шагом в электоральных исследованиях. Влияние эмоций на выбор респондентов – фактор весьма непрозрачный, слабо поддающийся строгому анализу, и попытки «взвесить» его требуют и особых методик, и нового взгляда. Но это никак не отрицает их значимости. Более того, думается, что именно для России фактор эмоционального выбора особенно велик. Исследования показывают, что «рассогласованная установка», когда рационально положительно воспринимаемый кандидат отторгается эмоционально, характерна для существенной части электората. Об этом хорошо осведомлены организаторы предвыборных кампаний. Вспомним, что одни из президентских выборов В. Ельцина сопровождался слоганом «Голосуй сердцем». Такой призыв прямо предполагал заменить рациональный анализ эмоционально обобщённой оценкой по критерию «нравится – не нравится». «Нелогично» ведут себя примерно треть опрошенных [Выборы на фоне... 2018: 244]. Заключим, что апелляция к иррациональной сфере весьма действенна, но механизмы её слабо изучены. Сам процесс влияния эмоций на принятие решений, выбор действия в психологической литературе поднимается постоянно. Психологи отлично знают, что человек далеко не всегда осознаёт скрытые мотивы своего поведения, не вполне представляет себе, как он поступит в тех или иных обстоятельствах. Вступая на тонкий лёд учёта подсознательных иррациональных мотивов действия субъекта, аналитики могут опираться на исследования, например, Даниэля Канемана и Амоса Тверски, пытавшихся вскрыть основания «ограниченной рациональности». Канеман выделил широко известные различные режимы мышления – «систему один» и «систему два». «Система один» работает быстро, часто импульсивно, автоматически, ответы предлагает подчас неверные, но психологически комфортные. Ситуация затруднения заставляет включить возможности «системы два», которая должна анализировать, сопоставлять. Беда в том, что, по мысли Канемана, «система два» ленива, и люди склонны доверять собственным интуитивным прозрениям, не давая себе труда подвергнуть их рациональному осмыслению. Иными словами, «эмоциональный мозг» побеждает «рациональный мозг», к счастью, правда, не всегда. Ещё более верно то, что мы знаем о себе мало. «Рациональный человек» – хороший теоретический конструкт, но мы устроены сложнее, и жизнь даёт тому поразительные примеры. О. Чернозуб ставит задачу выявления влияния аффективных факторов на электоральное поведение. Здесь возникает ряд вопросов. Прежде всего, – как велик процент «голосующих сердцем»? Как его определить? И можно ли вообще говорить о том, что одни люди ведут себя как рациональные экономические субъекты, а другие – как в большей степени подверженные эмоциональным факторам. Думается, что в срезе любого поведенческого акта эти факторы пересекаются и не могут быть отделены

друг от друга. Вопросы можно было бы множить. Но достоинством этой части работы является то, что в ней не только постулируется важность эмоциональных факторов, но приводятся конкретные методики измерения аффективной компоненты электорального поведения. Например, это практика применения графического ассоциативного теста отношения (ГАТО), «термометра ощущений» и другие. Исследования ВЦИОМ 2016–18 гг. проводились с целью выявления влияния эмоциональной компоненты на выбор и, как утверждает О. Чернозуб, это позволило заметно улучшить точность прогноза. Оценка исхода голосования, учитывающая аффективную и когнитивную компоненты, даёт более точный прогноз, чем оценка по одной какой-то компоненте [Выборы на фоне... 2018: 250–254].

Глава «Политические риски следующего электорального цикла» посвящена прогнозу выборов 2021–24 гг. Эта часть написана в эвристическом ключе, что понятно в свете быстро меняющейся, иногда самым непредсказуемым образом, социальной и экономической обстановки. Авторы Михаил Мамонов, Игорь Гаврилов и Михаил Вядро пытаются выделить ключевые факторы и тенденции, влияющие на предстоящий цикл, а также предположить возможные триггеры реализации политических рисков, связанных с выборами [Выборы на фоне... 2018: 265]. Прежде всего, и это справедливо, безусловное влияние будет оказывать негативное отношение граждан к проводимым реформам (в частности, особенно болезненная пенсионная, но не только). Цена, которую приходится платить обществу за осуществление социально-экономических реформ, непомерно высока. Но самое главное – люди не видят в реформационном процессе перспектив для себя, да и для будущего страны в целом. «Отрыв власти от реальности» вносит свою лепту в восприятие проектов как несправедливых, в ощущение себя жертвами перемен [Выборы на фоне... 2018: 268].

Что нас ждёт и куда мы идём? Ответы не выглядят очевидными, российский политический процесс в последнее десятилетие, по мысли авторов, отличается низкой предсказуемостью. Многочисленные определения «гибридная демократия», «управляемая демократия», «путинизм» (как нам представляется, последнее – не самый элегантный новояз) не отвечают на вопрос о трендах развития. Очевидно, что в условиях кризиса быстро меняющегося мира полагаться на то, что проблемы можно решать в старой логике уже устоявшихся клише – непродуктивно. В эпоху посттрадиционализма изменения диктуются уже не логикой пройденного, а запросом на новые ветры перемен. Ну, или, по крайней мере, так хочется думать.

Авторы весьма скрупулезно рассматривают социально-политический феномен «путинизма», уделяя внимание различным мнениям относительно его «функциональности–дисфункциональности», «эффективности–неэффективности». Не вдаваясь в детали (читатель сам проделает эту работу), отметим, что основные усилия затрачены на то, чтобы доказать мало кем оспариваемый сейчас довод, что модернизация возможна

и эффективна даже в рамках авторитаризма. Тому приводится масса исторических подтверждений. Это и успехи некоторых стран Латинской Америки, и азиатские «тигры и драконы». В духе Сеймура Липсета делается утверждение, что экономические успехи и рост благосостояния должны привести в перспективе к росту демократии, снизив социальные конфликты по поводу перераспределения ресурсов. Липсет утверждал, что «чем выше уровень благосостояния нации, тем больше шансов на обеспечение демократии она имеет» [Lipset 1956: 75]. Действительно, авторитарная модернизация существует как устойчивое историческое явление и иногда оказывается успешной [Выборы на фоне... 2018: 298]. А иногда (добавим скепсиса) – нет. К тому же, авторитаризм создаёт и широкую базу для развития деструктивных тенденций самого широкого толка. Складывается впечатление, что усилия автора (подкреплённые многочисленными ссылками на научные авторитеты) направлены на доказательство и обоснование именно этой, безусловно, весьма возможной, но не единственной перспективы.

Нам представляется, что формула «успех выживаемости – в гибкости», при всей своей банальности, верна. Если мы не видим возможности новых ответов на вызовы времени – это трагедия нации. В современных условиях залог успеха – в инновационных творческих подходах, это никем не опровергаемый тезис. Но при обсуждении эволюции политической системы акценты переносятся уже не на гибкость, а на «стабильность», консерватизм и неизменность, устойчивость. Сам вывод, что результат «путинской» модернизации российской экономики определён положителен и не просматривается никаких существенных признаков, позволяющих сомневаться в его устойчивости, едва ли можно принять безоговорочно [Выборы на фоне... 2018: 312]. Постпутинский транзит, как его представляют авторы, – по существу только обновлённая, косметически подправленная версия персоналистско-бюрократического авторитаризма. Ну, разве что, – это транзит в сторону развитого «авторитарного демократизма». Мы не рискнули бы предположить, что эта тенденция единственная. Если приглядеться к политической практике, то заметно, что и в политической элите идёт активный поиск новых моделей, нащупывание новых оснований для социальной консолидации. Во времена кризисного развития пытаться продлить старые тенденции и обосновать их неизбежность – едва ли благодарная позиция. Задача социологов – попытаться увидеть возможно более широкий спектр грядущих изменений. Если мы этого не сделаем, то не увидим малых, пока незаметных перемен, которые могут обновить картину радикально. По крайней мере, концептуально-теоретически это вполне возможно.

Итак, книга прочитана. Картина электоральных циклов проанализирована глубоко и всесторонне. Остаётся некоторое послевкусие, понимание того, что часто выборы – это выборы без выбора. Можно ли изменить эту ситуацию? Можно ли добиться каких-либо сдвигов в реальной жизни, используя этот механизм народного волеизъявления? Да, если люди видят связь своего выбора с изменениями в их жизни. Нет,

если голосование представляет собой ритуальное действие, не подкреплённое реальными изменениями. При всех отсылках к необходимости совершенствования избирательного процесса подчеркнём и другую сторону медали. Необходимо научиться *ответственно* избирать. В этом смысле выбор – самая действенная форма личностного становления, даже если это и выбор главы муниципального органа. Люди совершают выбор, но и выбор изменяет их.

Библиографический список

Алейников А. В., Стребков А. И. 2015. Конфликты и социальная стабильность в современной России / Вопросы философии. № 12. С. 27–40.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 750 с.

Канеман Д. 2017. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ. 656 с.

Средний класс в современной России / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

Туровский Р. Ф. 2018. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. № 2. С. 23–43.

Lipset S. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. № 53 (March). P. 69–105.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.580

Russia's Electoral Landscape: Yesterday, Today, Tomorrow

Elena G. Gesheva

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia. E-mail: elenagesheva@yandex.ru

For citation: Gesheva, E. G. Russia's electoral landscape: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 125–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.580>

Abstract. In the collective monograph "Election in the context of Crimea: the 2016–2018 election cycle and prospects for a political transition", edited by V. Fyodorov, experts from the Russia Public Opinion Research Center analyze the evolution of Russian people's political behavior during the years 2016–2018, while revealing the prospects and risks for subsequent election cycles. Major sociological evaluations of the latest electoral campaigns served as a basis for analyzing the electoral landscape. The authors note that elections in Russia are held under a political system with limited competition, which doesn't create any possibility for an array of alternative choices. Sociological studies show

that all of the latest election cycles in Russia were conducted in the typical spirit of Weber's plebiscitary democracy, while the main source of public trust in society is the political leader's personality, legitimized in a paternalistic fashion. Russian people do not consider elections within the logic of rational behavior and usefulness, or personal benefit and potential gains for the country as a whole. In public consciousness overcoming economic issues is not linked to developing democratic institutions. Most people distrust the opposition, made apparent by the failed election boycott proposed by the non-system opposition, by meager signal voting etc. This collective monograph highlights the basic foundations for a "post-Crimea consensus" – rallying around a strong leader figure, intensifying patriotic attitudes within the context of returning the Crimea and in the face of western sanctions. While studying mass consciousness, the authors highlight an "intermediate" state of the value environment, which is characterized by ideological divides and separations, the main of which divides the conservative majority and the liberal minority. Such ambiguity in the realm of values provides equal grounds for stating that we are dealing with both a "post-Crimea consensus" and a "post-Crimea divide". The "post-Crimea consensus" served not only as a means of consolidation, but also as a means of isolation and exclusion. The monograph also considers the emotional component's effect on electoral choice. The book pays careful attention to issues with political forecasting, as well as techniques and methods used in political forecasting, which allows for highlighting the subsequent course and trends in electoral processes.

Keywords: elections, electoral behavior, political forecasting, methods of political forecasting, consensus, values, limited competition.

References

Aleynikov A. V., Strebkov A. I. Conflicts and social stability in modern Russia. *Voprosy Philosophii = Issues of Philosophy*. 2015; 12:27–40 (In Russ.).

Elections in the Crimea: electoral cycle of 2016–2018 and prospect of political transit. Ed. by V. V. Fedorov. Moscow: WCIOM publ., 2018. 750 p. (In Russ.).

Canneman D. *Thinking, fast and slow*. Moscow: AST, 2017. 656 p. (in Russ.).

Middle Class in Contemporary Russia. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2016. 368 p. (In Russ.).

The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2018. 312 p. (In Russ.).

Turovsky R. F. Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation. *Politia = Politeia*. 2018; 2:23–43 (In Russ.).

Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*. 1959; 53 (Marc):69–105.

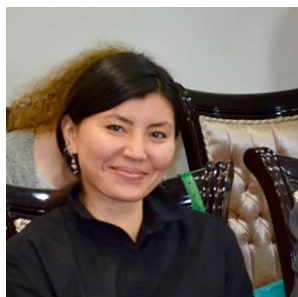
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.581

Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? Заметки участника семинара

Ссылка для цитирования: Бийжанова Э. К. Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? Заметки участника семинара // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 138–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.581>

For citation: Biyzhanova, E. K. Center and periphery: dialogue or unused opportunities? Notes of the participant of a seminar. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 138–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.581>

Бийжанова Элиза Камчыбековна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

biyzhanova@isras.ru

Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? Заметки участника семинара

Огромные территории России, одной из самых крупных стран в мире, обуславливают стратификацию регионального развития, что подтверждается постоянным вниманием учёных к этой проблематике, чему и был посвящён Всероссийский научно-практический семинар «Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?», прошедший 18–19 апреля 2019 г. при поддержке филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ на острове Русский в Дальневосточном федеральном университете. Для обсуждения проблем взаимоотношений центра и регионов собрались учёные из Барнаула, Биробиджана, Владивостока, Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска, Сыктывкара, Улан-Удэ и Уфы, чтобы попытаться выяснить, почему же эти проблемы остаются по-прежнему актуальными, и найти выход из сложившейся ситуации. Проведение данного мероприятия во Владивостоке было весьма символично, поскольку этот город, будучи одной из самых крайних и удалённых от центра точкой, в то же время является центром пригранично-трансграничных процессов, а также площадкой различных крупных мероприятий международного уровня¹.

Анализируя доклады, прозвучавшие на семинаре, позволим себе отойти от их перечисления в порядке очерёдности и попробуем сгруппировать по основным тематическим направлениям.

Поскольку мероприятие проходило в приграничном регионе, то хотелось бы начать с выступлений на эту тему. Свой взгляд на *проблемы приграничья* современной России представили: проф. **И. Л. Попкова** (КГУ, Курск), **С. Г. Максимова** (АлГУ, Барнаул), **И. В. Калинина** (ИКАРП РАН, Биробиджан), **А. В. Винокурова** (ДВФУ, Владивосток), **Э. К. Бийжанова** (ФНИСЦ РАН, Москва). В целом все авторы представили весьма примечательные доклады по данной проблематике, однако наибольший интерес вызвало сообщение **И. В. Калининой** «*Трансформация инфраструктуры приграничного региона (на примере Еврейской автономной области)*». Этот доклад оказался значимым потому, что, во-первых, не так часто можно встретиться с коллегами из этого региона как на научных мероприятиях, так и на публикаци-

¹ Например, Международный банковский конгресс стран АТР (1990); Конференция экспертов стран АСЕАН (1999); Международный инвестиционный конгресс (2000); Тихоокеанский экономический конгресс (2007); XIV саммит АТЭС (2012); XXI сессия Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума (2013), Восточный экономический форум (с 2015 г.) и др.

онных площадках. А, во-вторых, Еврейская автономная область (ЕАО) также относится к числу одного из самых удалённых приграничных регионов (граничит с Китаем) и при этом является депрессивным и дотационным. Автор отмечает, что общая тенденция убыли населения из региона в целом сохраняется, но при этом всё же есть отдельные районы, где наблюдается его прирост. На примере инфраструктурных изменений с 2000 по 2017 гг. автор показала негативные последствия, отразившиеся на качестве жизни населения. Стоит отметить, что эти изменения начались даже не в нулевых, а ещё в 1990-х гг., когда вся страна переживала серьёзные потрясения, однако если судить по данным, представленным в выступлении, ЕАО по-прежнему не оправилась от них. Особое внимание вызывает изменение культурно-досуговой инфраструктуры как одного из инструментов воспроизводства социокультурного потенциала.

Так, исходя из представленных данных, можно увидеть влияние «реформ», призванных улучшить культурную среду, что на деле оказывается совсем наоборот. Это подтверждается и исследованиями в других приграничных регионах [Аксенова 2014: 47–58]. Следует отметить, что ЕАО — не единственный депрессивный регион приграничья России. Можно сказать, что их, к сожалению, подавляющее большинство [Халий 2014].

Вторую группу докладов можно объединить по тематике *«миграционные и экономико-демографические проблемы»*. В этом направлении представили свои изыскания Е. Е. Абросимова, А. Ю. Ардальянова (ДВФУ, Владивосток), К. С. Гончарова (ИЭ УрО РАН, Екатеринбург), В. В. Фаузер (ИСЭЭП Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар), Д. А. Гайнанов (ИСЭИ УФИЦ РАН, Уфа), Д. Д. Бадараев (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ), И. Г. Актамов (БГУ им. Д. Банзарова, Улан-Удэ), Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова (ДВФУ, Владивосток), А. Г. Шеломенцев (ИЭ УрО РАН, Екатеринбург).

В этой группе докладов особое внимание обращают на себя сообщения коллег их Улан-Удэ Д. Д. Бадараева *«Занятость населения как фактор миграции и социальной мобильности в Республике Бурятия»* и И. Г. Актамова *«Образовательные стратегии студентов регионального вуза (на материалах Восточного института Бурятского государственного университета)»*. Согласно их данным, тревогу вызывает не просто отток молодого трудоспособного населения из региона, особенно уникальных узких специалистов по отдельным направлениям, подготовка которых осуществляется в единичных образовательных центрах в России (например, лингвисты и переводчики тибетского, китайского, японского и бурятского языков). При этом молодые перспективные кадры уезжают не просто из региона в Москву, Санкт-Петербург и другие крупные экономически развитые центры России, что само по себе является проблемой, требующей внимания, но выезжают за рубеж, где их знания и навыки востребованы и оценены; например, в тот же Китай, с которым граничит Бурятия, в Японию и другие страны.

Тревогу бурятских исследователей разделяют их коллеги и по другим направлениям подготовки узкопрофильных специалистов. Они связывают это, с одной стороны, с процессами реформирования образовательных и научных центров, их экономической поддержкой и т. д.,

с другой – открывающимися перспективами за границей, чего, к сожалению, пока не может предложить Россия [Дежина 2014; Антошук, Леденева 2019].

Третье направление тематики докладов можно обозначить как *пространственное развитие регионов России*. Это направление было представлено выступлениями **Т. Н. Литвиновой** (Одинцовский филиал МГИМО(У) МИД России, Одинцово), **И. В. Купряшкина** (ДВФУ, Владивосток), **А. З. Адиева** (РЦЭИ ДНЦ РАН, Махачкала), **Е. А. Ерохиной** (ИФП СО РАН, Новосибирск), **А. Г. Филиповой** (ДВФУ, Владивосток).

Здесь обращают на себя внимание выступления **А. З. Адиева** «*Роль Северо-Кавказского макрорегиона в пространственном развитии России*» и **Т. Н. Литвиновой** «*Северный Кавказ в пространственном развитии России: проблемы и возможности*», сделавших попытку спрогнозировать сценарий развития Северокавказского макрорегиона в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹ Использование различных подходов в решении проблем данного региона показало, что учёные во многом сходятся в определении этих проблем, тем не менее предлагают, с одной стороны, альтернативные друг другу варианты, с другой, – взаимодополняющие. Также хотелось бы отметить выступление **А. Г. Филиповой** «*Географические сочинения: индикаторы социального неравенства в системе отношений «центр – периферия»*». На основе проведённого исследования по материалам сочинений детей и подростков Москвы и Комсомольска-на-Амуре автор сделала попытку выявить социально-стратификационные различия в пространственных представлениях молодых людей. Она приходит к выводу, что географическое положение накладывает определённые ограничения не только в понимании пространства и мобильности в нём, но и в выборе места для последующей жизни. Таким образом, если дети из Москвы, по данным автора, показали свою устремлённость в страны Запада, то дети из Комсомольска-на-Амуре больше ориентированы на мобильность внутри своей страны.

Подводя итоги, можно отметить, что проблема отношений «центр – периферия» за последние десятилетия не теряет своей актуальности [Узбекова 2018], а очередная попытка властей уменьшить разрыв в развитии российских регионов при помощи новой стратегии снова даёт почву для оптимистичных прогнозов. Однако при этом хотелось бы заметить, что периферии следует, помимо совершенно правомерных ожиданий «благ» от федерального центра, обратить внимание на роль акторов, которые, несмотря на давление реформ, успешно сохраняют возможности воспроизводства социокультурного потенциала своих районов, регионов и страны в целом [Халий 2008; Аксенова 2014; Левченко 2017]. Смягчение эффекта «центра» притягивать ресурсы из периферии видится в выравнивании социально-экономического положения всех регионов, особенно приграничных,

¹ См. подробнее: URL: <http://government.ru/docs/?dt.since=14.02.2019&dt.till=14.02.2019> [Дата посещения: 28.05.2019].

имеющих геостратегическое значение, что дало бы возможность обеспечить возвратность населения (например, уезжавших на учёбу, стажировку и т. п.) и избежать депопуляции этих территорий.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2014. Культурная среда приграничья: структуры и акторы // Вестник Института социологии. № 11. С. 47–58. URL: <http://vestnik-isras.ru/article/302> [Дата посещения: 30.05.2019].

Антощук И. А., Леденева В. Ю. 2019. Из России в Великобританию: о механизмах миграции молодых ученых в области компьютерных наук // Социологические исследования. № 2. С. 108–118.

Дежина И. Г. 2014. «Утечка мозгов» из России: как обстоят дела на самом деле? // Россия 2014. Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. М.: Новый век медиа. С. 220–223.

Левченко Н. В. 2017. Экологическое образование в вузах России: гражданский активизм в формальном образовании // Гуманитарий Юга России. Т. 6. № 5. С. 276–286. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.24>

Узбекова Ю. И. 2018. Советская наука и государство в 1930–50-х гг. в разрезе отношений «центра» и «периферии» // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. № 10 (26). URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/27November2018/SOVETSKAYA%20NAUKA%20I%20GOSUDARSTVO%20V%201930-50-N%20GG.%20V%20RAZREZE%20OTNOSHENIY%20CENTRA%20I%20PERIFERII.pdf [Дата посещения: 28.05.2019].

Халий И. А. 2008. Местные сообщества в России – носители инноваций и традиционализма // Власть. № 5. С. 19–26.

Халий И. А. 2014. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. № 11. С. 23–33. URL: <http://vestnik-isras.ru/article/300> [Дата посещения: 28.05.2019].

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.581

Center and Periphery: Dialogue or Unused Opportunities? Notes of the Participant of the Seminar

Eliza K. Biyghanova

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia.

E-mail: biyghanova@isras.ru

For citation: Biyghanova, E. K. Center and periphery: dialogue or unused opportunities? Notes of the participant of a seminar. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 138–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.581>

References

Aksenova O. V. Cultural milieu of the border lands: structure and actors. *Vestnik instituta sotziologii* = Bulletin of the Institute of Sotziology. 2014; 11(4):47–58. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/en/article/302> [accessed: 30.05.2019] (In Russ.).

Antoshchuk I. A., Ledeniova V. Y. From Russia to the UK. On Migration Mechanism of Young Russian Computer Scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2019; 2:108–118 (In Russ.).

Dezhina I. G. “Brain Drain from Russia”: What Is Actual Situation? In: *Rossiya 2014*. Annual report of the “Observo” Analytical Center. Moscow: Novy vek media, 2014:220–223 (In Russ.).

Khaliy I. A. Modern Russian Borderland: General Characteristics. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sotziology*. 2014; 11(4):23–33. URL: <https://vestnik-isras.ru/en/article/300> [accessed: 28.05.2019] (In Russ.).

Khaliy I. A. Local communities in Russia as bearers of innovations and traditionalism. *Vlast' = Power*. 2008; 5:19–26 (In Russ.).

Levchenko N. V. Ecological Education in Russian Universities: Civil Activism in Formal Education. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of Russian South*. 2017; 6(5):276–286. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.24> (In Russ.).

Uzbekova Y. I. Soviet science and the state in the 1930s-50s in the context of relations between the “center” and “periphery». *Alleya Nauki = Science Alley*. 2018;10 (In Russ.).

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>